

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2018

Выпуск изображений

Юзеф Чапский (1896–1993). Писатель и художник, член группы капистов. Участник польско-большевистской войны 1920 года. Во время сентябрьской кампании 1939 года попал в советский плен, до 1941 г. был узником лагеря в Старобельске, чудом избежал расстрела. Затем как солдат армии Андерса вел розыски попавших в советский плен польских офицеров. Его «Старобельские воспоминания» (1944) и «На бесчеловечной земле» (1949) – это одни из первых опубликованных свидетельств о ГУЛАГе. С 1945 года жил во Франции, принадлежал к кругу известного польского эмиграционного журнала «Культура» под редакцией Ежи Гедройца. На протяжении почти сорока лет именно в «Культуре» и в Издательстве «Литературный институт» в Париже публиковал свои эссе, воспоминания и дневники. Все фотографии из архива Войцеха Карпиньского. На снимке: Юзеф Чапский, 1990 г. (фото: Б. Пачовский)

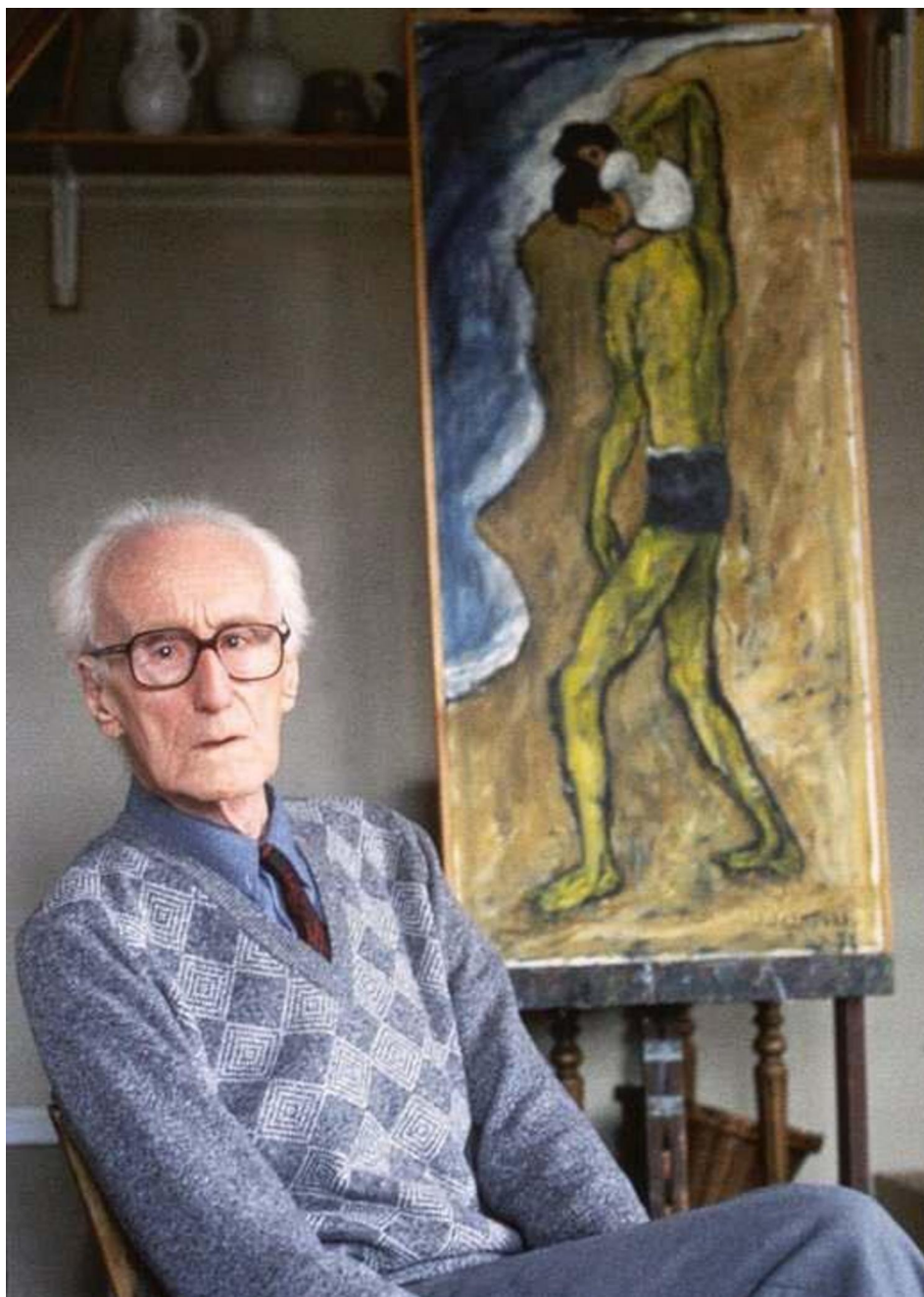

Чапский родился в многонациональной семье. Многократно высказывался о польскости. «Мне очень трудно говорить о польскости — так как моя польскость росла во мне неожиданным образом. (...) Но почему Польша, ее независимость оказались так важны для меня? Этого, наверное, нельзя объяснить. Есть какая-то струна в человеке, благодаря которой я прекрасно понял, что, хоть я тресни, всё равно не смогу быть ни русским, ни французом, ни тем более немцем». Юзеф Чапский, Возвращение к польскости, НП 5/2013. «Когда в Старобельском лагере я слушал стихи Мицкевича и даже Ор-Ота о Сибири и ссылках, меня поражала новая для меня, но совершенно та же, что и в момент их создания, актуальность, магия, в этих обстоятельствах усиленная во сто крат. Тогда же я почувствовал, что боль и травма, которые, как казалось еще пару лет назад,

остались в прошлом, не проходят, а остаются». Юзеф Чапский, Национальность или исключительность?, НП 1/2015. На снимке: Чапский в мундире II Корпуса, середина 40-х гг.

Томаш Фиалковский о Чапском: «Немногим дано так интенсивно, зачастую болезненно воспринимать мир, быть способным как сострадать, так и расчислять свои желания и эмоции, ставить себе самые высокие требования. Читая «Вырванные страницы», возвращаясь к некоторым поразительно сильным фрагментам и предложениям, мы ощущаем живое присутствие автора, слышим его проникновенный, взволнованный голос. Только отвернуться от книги — и мы увидим худую, готическую фигуру на узкой постели в комнате на чердаке дома в Мезон-Лафите. Над постелью — полка, а на ней — ряд переплетенных в серые обложки тетрадей. Это легендарные дневники». Томаш Фиалковский, Жизнь и милость, НП 9/2010. На снимке Юзеф Чапский с Войцехом Карпиньским, 1988 (фото: К. Юнг).

«Чапский начал рисовать более шестидесяти лет назад, в момент, когда художественное зрение полагалось догматически контролировать, равномерно распределяя цветовые пятна по плоскости картины и взаимно их уравнивая, - писал в 1985 г. Константин А.Еленьский. - Его коллеги каписты чувствовали себя в радужной призме цветов, словно рыбы в воде. Чапский, несмотря на идею изгнания с палитры черной краски, нуждался в линии тени, которая при этом не была бы синей. Однако прошло еще много лет, прежде чем черный цвет (еретический, с точки зрения теории) заявил о себе с достаточной силой, чтобы — иной раз грубо — очертить фигуры, подчеркнуть выразительность образа. (...) Мир Чапского — подземные коридоры метро и железнодорожных станций, темные кафе, театральные залы, галереи и музеи, где фигуры посетителей не менее важны, чем картины на мольбертах — воздействует на нас так мощно, что разрушает искусственное разделение на «форму»

и «содержание». Стилъ Чапского — это верность первому взгляду, противоположность облегченной стилизации». Константы А.Еленьский , Дар Юзефа Чапского, НП 11/2018. Фото из архива Войцеха Карпиньского.

Содержание

1. ***
2. 17 сентября 1974 года: шанс на свободу
3. Бессонница во время карнавала
4. Хроника (некоторых) текущих событий
5. Экономическая жизнь
6. Из книги «Псалмы»
7. Грохов
8. Культурная хроника
9. Выписки из культурной периодики
10. Внимание, содержит вульгаризмы
11. Вот так скандал!
12. Дар Юзефа Чапского
13. Лекции о Прусте
14. Из воспоминаний Егора Даниловича Резникова о Юзефе Чапском
15. Неизвестное интервью Юзефа Чапского (взял Михаил Геллер)

Ян Каспрович

Да, на устах моих редко
за долгие годы жизни
Являлось набухшее кровью
Великое слово — Отчизна.

Я видел не раз, как на рынках
Торговцы, собравшись толпою,
Считались: кто выкрикнул громче
Имя Ее святое.

Видел, что в жизни всех чаще
Мошенники преуспевают,
Крича, что все отдают Ей,
Что кровь за Нее проливают.

Видел (и вспомнить мерзко!),
Как Ей подавал советы,
К Ее стопам припадая,
Лжец и подлец отпетый.

Видел ленивых душою,
Сбившихся стадом огромным,
Что совесть свою глушили
Оркестров праздничных громом.

Процессии и знамена,
Лозунги и словоблудье —
Вот в чем Ее величье
Видят обычно люди.

Так не дивитесь — пусть даже
От вас меня ждет укоризна,
Что на устах моих редко
Является слово Отчизна.

Лишь брат и сестра по духу,
Что в черном трауре ныне,
Знают: в глубинах сердца
Храню я эту святыню.

Лишь брат и сестра по духу,

Избрáнные среди многих,
Мою Избрáнную знают
И знают Ее дороги,

Заросшие лопухами,
Мятою, птичьей гречихой.
Я с Нею иду, и деревья
Вслед нам вздыхают тихо.

Садимся на старых могилах,
Она закрывает вежды
И слушает: не отзовется ль
Из бездны голос надежды.

Колышутся спелые нивы.
На поле жнецов провожая,
Она нас благословляет,
Мечтая об урожае.

И снова, в путь собираясь,
Меня ободряет и учит:
«Неси с собой радость в сердце,
Она одна не наскучит.

Тебе она будет светом,
Вечной опорой в жизни,
Богатой и благодатной
Землею твоей Отчизны».

Какой-то злодей бесчинный
Копны поджег на поле;
Стонет у врат небесных
Бедняк от горя и боли;

Мор и голод вступили
В союз против сырых и нищих,
И прибывает все больше
Свежих крестов на кладбищах;

В воздухе гул несется,
Ветер отчаянно стонет,
Черные тучи клубятся —
Чья рука их разгонит?

Кровавое половодье
Весь мир заливают снова,
Губит деревья и хаты

Этот потоп багровый.

Рокот далекий слышен,
Ропот пущи дремучей,
Грозно дубы ей вторят —
Кто полнит их силой могучей?

А над бедой-недолей
Рассвет разгорается чистый,
Отчизна льет в мою песню
Божественный свет лучистый.

В той песне — быть может, убогой —
Живет и ныне, и присно
Так редко произносимая
Моя дорогая Отчизна.

Из сборника "Księga ubogich" (1916)

Перевод Леонида Цывьяна

17 сентября 1974 года: шанс на свободу

В 35-ю годовщину советской агрессии против Польши ксендз Ян Зея в Варшаве говорит о единении с Востоком. Это условие независимости.

После кровавого усмирения мятежа на балтийском побережье в декабре 1970 года польская эмиграция формулирует постулат о союзе оппозиционно настроенной интеллигенции с рабочими. Становится очевидной возможность определить постулаты демократизации в случае, если повторение экономических забастовок получит политическую основу. Крах мнимого экономического подъема в ходе 70-х годов (в период власти Эдварда Герека) позволяет предвидеть расширение протестов.

В это время становится значительным брожение в других странах советского блока. В самой России диссидентское движение, развившееся в 60-е годы, начинает вдохновлять всё новые покоренные народы в борьбе за независимость. Уже распространенная на территории Советского Союза самиздатская деятельность (перепечатывание запрещенных текстов) пока не имеет широкой аналогии в ПНР. Однако в страну проникает эмигрантская печать.

Юлиуш Мерошевский (политический автор) в парижской «Культуре»

«Культура» ищет пути, ведущие к независимости. Польша находится в такой трудной ситуации, что следует изучить каждую концепцию и продумать любую возможность. «Культура» — ни социалистический, ни ревизионистский, ни неомарксистский журнал. Мы служим лишь одной цели, которой является независимость Польши. Эта цель определяет политическую линию «Культуры». [...]

В «оркестре» Редактора «Культуры» имеются социалисты и не социалисты, пилсудчики и не пилсудчики, люди религиозные и агностики, эволюционисты и антиэволюционисты. Разве не в

этом состоит демократия? [...] От других политических центров эмиграции «Культура» отличается тем, что не замыкает проблему независимости в окаменелой скорлупе. Мы также отдаем себе отчет в том, что в нынешнюю эпоху вести к независимости могут разные пути.

Лондон, декабрь 1970
[„Культура» №1-2/1971]

Густав Герлинг-Грудзинский (писатель, публицист) в дневнике

Нация, нацией, нации, нацию: слово-алиби, слово-пластырь, слово-укол, успокаивающий и усыпляющий. Оно делает карьеру, не сходит с уст властителей и подвластных. [...] Властители возносят к небесам «национально сплоченное государство», заговорщически подмигивая подвластным. Подвластные находят утешение в национальных музейных экспонатах, в выкапывании прошлого и исторических традиций из-под залежей молчания, в бунте корней против бумажных цветов. На первый взгляд, если взвесить ситуацию, что в этом плохого? В действительности, под бой в национальные барабаны происходит классическая тоталитарная мистификация. Поклонение нации убивает мысли об обществе, в обманчивом национальном уюте разлагается без остатка общественное сознание.

Париж 27 июня 1971
[„Культура» №12/1971]

Юлиуш Мерошевский в парижской «Культуре»

«Декабрьские события» [жестоко подавленные протесты рабочих в декабре 1970], приведшие к падению [Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава] Гомулки, стали «премьерой» индустриального рабочего класса в Польше. В соответствии с закономерностями развития, это было началом серии забастовок, которые вспыхнут в недалеком будущем. Индустриальный рабочий класс в Польше будет требовать не только улучшения бытовых условий, но, прежде всего, независимых профсоюзов. [...] Чем лучше оплачиваемым и более зажиточным будет рабочий класс — тем более революционным он будет. В «восточном обряде» аппетит есть у всех — но не все едят досыта. В «западном обряде» аппетит

приходит во время еды. Господа из ЦК и аппаратчики вскоре в этом убедятся.

Лондон, декабрь 1971
[«Культура» №1-2/1972]

Ян Древновский (экономист) в парижской «Культуре»

Эмиграция может сыграть в движении против режима выдающуюся роль, для которой еще не поздно. [...] Упорная борьба за изменение строя будет постепенно ослаблять советизм и ускорять процесс его разложения, приближая тем самым момент его крушения, момент, когда Польша получит независимость.

Париж, март 1972
[«Культура» №3/1972]

Юлиуш Мерошевский в парижской «Культуре»

Существует другая Польша, нежели та, которую представляет [Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард] Герек, существует другая Россия, нежели та, которую представляет [Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид] Брежнев — существует другая Чехословакия, Украина и Литва.

Мне хотелось бы убедить граждан «другой Польши» в том, что в изоляции они ничего не добьются. У поляков сегодня нет шансов в изоляции завоевать «внутреннюю свободу» через демократизацию строя и заставить Москву признать новое положение вещей. Я подчеркиваю этот пункт, поскольку даже граждане «другой Польши» понимают под восточной программой разговоры и возможные договоренности с Москвой, при полном игнорировании украинцев, литовцев или белорусов. Это кардинально ошибочная предпосылка, которая, будь она принята, перечеркнула бы в зародыше какую бы то ни было польскую восточную программу. Сегодня мы должны планировать, а в будущем действовать в тесном согласии с настоящей Украиной, с настоящей Литвой и с настоящей Беларусью. По моему убеждению, те, кто добивается возврата Вильнюса и Львова, отдаляют перспективы освобождения Польши на неопределенное время. Потому что сегодня — как никогда прежде в нашей истории — мы нуждаемся в союзниках на Востоке, и никакая цена не слишком высока, чтобы завоевать их доверие и дружбу.

Лондон, май 1972
[«Культура» №7-8/1972]

Павел Литвинов (российский физик, диссидент) в интервью для парижской «Культуры» после принудительного выезда из СССР

Политика властей [советских] неоднозначна. С одной стороны, они панически боятся националистических напряженностей, а с другой — как бы парадоксально это ни звучало — эти напряженности поддерживаются. Марксизм-ленинизм — это уже религия немногих, неспособная вызвать энтузиазм и поддержать единство; советским властям очень хотелось бы опереться на великорусский шовинизм, но каждый шаг, направленный на усиление русского шовинизма, повлечет за собой реакции — рост центробежных сил на периферии: в Грузии, азиатских республиках, Литве... [...]

Движение в защиту прав человека состоит, в большинстве своем, из интеллигентов. Тенденцию движения я бы назвал «европейской», т.е. мы считаем себя, Россию, частью Европы и стараемся воскресить закрепленные в Европе морально-правовые идеалы. [...]

По своему характеру нам наиболее близка «Культура», в особенности потому, что она далека от примитивного национализма, который может быть на пользу лишь нашим противникам.

Амстердам, апрель 1974
[Ян Павляк, Интервью с Павлом Литвиновым, «Культура» № 5/1974]

Ксендз Ян Зея в проповеди в варшавском кафедральном соборе в 35-ю годовщину советской агрессии

Мы надеемся, что когда-нибудь правомочные представители польского народа встретятся с такими же правомочными представителями русского народа — и оба народа, взглянув в глаза правде о своей истории и своем будущем, объединятся. [...]

Прежде чем это произойдет — уже теперь мы должны помнить, что там, на Востоке, за Бугом, немного севернее, живет и трудится литовский народ, который желает жить в свободе и независимости и имеет на это право. А прямо на востоке живет

и трудится белорусский народ, который имеет право на жизнь в свободе и независимости. А южнее живет и трудится украинский [...] народ, и он имеет право на жизнь в свободе и независимости.

Варшава, 17 сентября 1974
[«Культура» №11/1974]

Юлиуш Мерошевский в парижской «Культуре»

Сформулировать концепцию будущего — труднейшая и важнейшая часть программы. [...] Если в момент исторической возможности у поляков не будет никакой концепции — иными словами, они не будут знать, какой Польши они хотят — ситуация в Польше станет производной прежних привычек и обусловленностей, и эта хаотическая, полная жестокости ситуация приведет к тому, что найдутся люди, которые будут вспоминать о коммунистической диктатуре как о «старых добрых временах». [...]

Одним из основных элементов моей концепции будущей Польши является союз интеллигенции с рабочим классом. [...] Декабрьские события 1970 года, похоже, указывают на то, что союза интеллигенции с рабочим классом в Польше не существует даже в виде концепции — даже как мечты. [...]

Я не утверждаю, что народ в неволе может достичь свободы с помощью солидарной позиции по вопросу о независимости — то есть изменить объективно сложившуюся ситуацию. В то же время, я утверждаю, что свободы и независимости никогда не достигнут те, кто свободы не желает и к свободе не стремится.

Лондон, февраль 1975
[«Культура» №4/1975]

Перевод Владимира Окуня

Karta

Януш Гловацкий

Бессонница во время карнавала

Януш Гловацкий (фото: Ханна Прус)

В августе прошел год со дня смерти Януша Гловацкого, выдающегося прозаика и драматурга, хорошо известного русской публике. Вдова писателя Олена Леоненко-Гловацкая подготовила к публикации его последнюю книгу, которая на днях выходит в издательстве «Група видавнича Фоксаль» (2018).

Достояние национальной литературы составляют нравственная безупречность автора, высокая художественная ценность текста и важная правда о времени. Правда, которая повлияет на жизнь семьи, воспитание детей и обороноспособность отечества. Принимая все это во внимание, я берусь за перо.

Карнавал 2017

Я сижу у окна и вместе со всей цивилизованной Европой попиваю эспрессо. Холод, туман, снег, город еще бледен после

ночи, а Висла — пока подо льдом. Под окном вороны и чайки дерутся за то, что я насыпал воробьям, черно-белая пляска святого Вита, галдеж и стук клювов. У воробьев никаких шансов. Серые комки, примостившиеся на ветках, они боятся шелохнуться. Мне их жалко, но пусть подышают. А что такого? Нынешние времена не для мелких, себя мне тоже не жаль; а разве они меня жалеют? Если их что-то не устраивало, надо было валить из Польши.

С Краковского предместья слышны крики, может радостные, а может нет. Может свадьба или похоронная процессия, или крестины, или кающиеся грешники вырвались на свободу, а может наши догнали сирийца? Во всяком случае, ясно, что карнавал в разгаре.

Так что, я попиваю себе вместе со всей цивилизованной Европой эспresso и размышляю: если человек достаточно пожил и всякого навидался, он еще имеет право считаться порядочным или уже необязательно. Ведь тут даже свинья бы блеванула.

Когда свирепствовала чума в средневековье, то, конечно, тоже творились неприятные вещи: треть людей на земле вымерла, но по крайней мере значительно возросла религиозность, ведь все знали, что это кара господня. Церкви были забиты так, что не протолкнуться, а игорные дома, бордели и школы танцев позакрывались. А сегодня учащаются нападки на католическую Церковь и того гляди кончится тем, что епископ не сможет трахнуть семинариста. Во время чумы в такой Испании даже мусульмане стали массово переходить в христианство, чтобы спастись. Прокаженных, бродяг и проституток еще раньше разогнали. Весело плясало пламя костров, на которых превентивно жгли евреев — от чумы первое средство. Правда, святой Августин считал, что евреев следует терпеть как часть Божественного замысла, но с какой бы стати, когда они — без сомнения — отравляли колодцы и для отвода глаз сами из них пили.

Зато добропорядочные мужчины и женщины, уважаемые политики и бизнесмены толпами метались по Флоренции, Марселю, Парижу, Лондону или Риму и, совершая покаяние, исповедовались, вопия: я шлюха, я лжец, убийца, вор, прелюбодей, насильник и мошенник. И только когда оказалось, что толку особого нет, те несколько человек, которым удалось выжить, говорили потом, что они, конечно, пошутили. А мусульмане, видя, что мрут все одинаково, тоже махнули рукой на Христа. Поэтому теперь нечего их в Польшу впускать.

А вообще слишком мало упоминают о том, что чума именно нашу страну обошла. Надвигалась на нас со всех сторон и остановилась на границе. Может, ее не захотели впустить? А может, дело в нашем нравственном превосходстве? А может покровительство Пресвятой Девы Марии? А может у нас, поляков иммунитет, как у вампиров, и мы только заражаем? Как бы то ни было, она сделала крюк и хорошенько взялась за немцев. Спаси Господи и будьте здоровы.

Само собой, случались в нашей истории моменты и похуже, но не стоит о них вспоминать, толку-то. Тем более что, без сомнения, мы пользуемся особым покровительством, и нам не страшны ни дикий Путин, ни слабосильная Европа.

Под окном уже все подмели, крупные улетели, а мелкие еще сильнее съежились. На похоронах Владислава Броневского^[1] — поэта, в отношении которого в последнее время возникли сомнения, выпереть ли его посмертно из истории литературы, названий улиц и вообще, или все же не выпирать, потому что с одной стороны поэт прекрасный, бывший легионер Пилсудского^[2], узник Сталина, но с другой — впоследствии коммунист и автор поэмы о Сталине же. Но я не об этом. Ну так вот, над могилой произносил речь Рышард Добровольский^[3], тоже поэт — дрянной, зато убежденный коммунист, — и начал он так: «Когда умирает поэт, смолкают птицы!» — и тут над кладбищем пролетела, каркая, огромная стая ворон.

Я

Теперь вот что: я в нашей истории буду зваться Янушем Гловацким. Решился на это только что, и решение мое окончательное. Ведь мог написать, что тот, кто ее пишет, зовется иначе, Макс Ф., например, или Тиберий Влосяк, или трусливо спрятаться, как Стендаль, за какого-нибудь несчастного Жюльена Сореля. При таком раскладе мое богохульство, мои глупости, похабень и извращения ложатся на него, а в худшем случае распределяются между несколькими. Тут же — спрос с меня. Иначе говоря, мое решение — очень смелое и честное, такое можно принять раз в жизни и только будучи человеком твердых убеждений и глубокой веры. А я именно таков и не испытываю в том ни малейшего сомнения. Я знаю, как рискую, но не дам себя запугать и не прогнусь. И я горд собой, тем, что сейчас здесь пишу. Я советовался по этому вопросу с самыми близкими — с женой Оленой, дочерью, любовницей, ксёндзом Лютером^[4], при чьем посредничестве в

последнее время чаще всего общаюсь с Богом. И все поддерживали мое решение. И тоже мною гордились. Впрочем, я не вполне уверен, кто знает, может, еще представлю все так, будто пишу не я... Напишем — увидим. Откуда мне сейчас знать, когда я еще не написал? И оправдываться не собираюсь. Никто не имеет права этого от меня требовать, я вам не мальчик на побегушках!

Так что, я и не я сидим сейчас у окна на Беднарской улице и вместе со всей цивилизованной Европой попиваем эспрессо и пишем. Якобы утро у четы Пендерецких проходит так: гениальный композитор пьет кофе, а его красавица жена просматривает некрологи, проверяя, не умер ли кто-нибудь подходящий, чтобы написать мессу. Я, конечно, знаю, что это неправда, но пишу. Наверное, в основном, из зависти.

Мне противна зависть, и я считаю ее чувством самым низменным и отвратительным, но я завистлив. Сказано: возлюби ближнего своего, как себя самого. Но что это за ближний такой, если ему, например, больше везет? А если меньше? Я тогда немного сожалею, но ничего не могу поделать.

Все о зависти говорят плохо, но я думаю, что люди слегка передергивают. Если задать ей верное направление, добавить ненависти и жажды возмездия, получатся вещи прекрасные и чистые, как слеза или кристалл. То же, по мне, касается и счастья народа, поскольку помогает в жизни ненависть, а любовь — необязательно. Впрочем, я к этому еще вернулся.

Я знаю, что не все меня любят или уважают. Недавно подошел ко мне на улице один малый и говорит: «Ну и хуевую книжку ты написал. Жаль, такие надежды подавал». А когда вышла моя книжка «Из головы» и на обложке я стоял на одной ноге, другую подогнув и опершись ею о стену, мне пришла эсэмэска с вопросом, не хлопочу ли я о пенсии по инвалидности. Одним словом, человек хочет задаром получить полезные сведения.

Я не люблю, когда люди на улицах меня узнают, но еще больше не люблю, когда меня не узнают. А может, жить долго — само по себе ценность. А то, что я смирился с судьбой, разве не в счет? Я не люблю только кондиционеры, телевидение и людей.

У меня слишком много «я». В оригинале «Кроткой» Федора Достоевского рассказчик без конца говорит «я». Как я страдаю, какие чудовищные муки или унижения я испытываю... В польском переводе количество «я» существенно меньше. Вероятно, переводчик исправил, чтобы красивее звучало.

Но мне не дает покоя мысль: неуклюжесть ли Достоевского — это «я» — или замысел. Ну, чтобы подчеркнуть дикий эгоизм того, который рассказывает, задвинуть Кроткую еще глубже в тень.

В Нью-Йорке на двери небольшого еврейского театра в самом низу Манхэттена я видел плакат: «Гамлет» Уильяма Шекспира — перевел и исправил Исаак Лихтенбаум.

(...)

Странный сон

Я лежал на железной кровати совершенно голый. Надо мной склонялся как будто хирург, потому что на лице у него была маска, белая, без узоров, а в руке — ланцет. Прямо за его спиной дымила сигаретами толпа медсестер и уборщиц, молодых и старых. Они хихикали и отпускали шуточки по поводу моего хилого, скукоженного достоинства. Хотелось прикрыться, но, как бывает во сне, у меня не получалось.

— Спокойно, — промурлыкал как будто хирург. — Все уже кончено, не обращайтесь внимания.

— Ну знаете ли, все же. А что, собственно, происходит? — хотел крикнуть я, но голос прозвучал пискляво.

— Да ничего особенного. Вы умерли, я должен посмотреть, что у вас внутри. Таков порядок.

— Но я живой! — я попытался пошевелиться.

Он покачал головой и как будто улыбнулся. Как бы то ни было, медсестры и уборщицы подступали все ближе и веселились все больше.

— Не бойтесь, больно не будет.

Наклонился надо мной. Несмотря на маску, я почувствовал, что от него разит алкоголем.

— Вы пили!

Он пожал плечами и принялся резать, а потом цеплять крючки. Действительно было не больно, но зрелище не из приятных. Из моего живота выглянула большая, бледная и лысая голова. На секунду скрылась, а потом показалась целиком, она держалась на каком-то скорченном туловище.

— Сталин с Берутом^[5] вернутся, работяги не загнутся, — заверещала голова. Соскочила на пол, охнула и принялась растирать ноги. Продолжалось это долго, потому что ног было четыре.

Следом выбрался молодец, веселый, с блестящими напояженными волосами, мокрыми на концах, расчесанными и разделенными на ровный пробор. Молодец спрыгнул на пол.

— Праздник нынче у жидов, им костер уже готов! — заорал, протер рукавом ботинки и разгладил костюм.

А потом, выделявая танцевальные па, повалила толпа тусовщиков. Впереди толкались, попердывая, старые и бледные, приволакивая три ноги или всего две, а за ними поигрывали мускулами молодые. Некоторые — приклеены друг другу спинами, со смехом и веселым чпоканьем разлеплялись.

— Что атомная бомба, что Маршалла план — и то, и то беспонтово, братан! — заорали четыре лысые бледные немочи.

— Исламисты — гопота, вы поляку не чета! — радостно отозвались молодцы.

— Бомбы рвутся там и тут, а у нас дома растут!

— Нужно торопиться любить людей, они так быстро уходят. Время для полонеза!

— Арабы и негры валите вон, «Легия»^[6] наша без вас чемпион!

С разных сторон раздавались крики, все выстраивались на полу в подобие колонны. Медсестры и уборщицы, визжа, отпрянули к стене.

— Боятся, потому что это заразно, — пояснил как будто хирург.

— Слышишь, Польша, с нами пой, беженец, вали домой!

— Анджей Дуда, сделай чудо!

— Добрый дядька Ярослав, Польшу от дерьма избавь!

— Мы за мир любому, мать, можем задницу надрать!

— Англия, Франция плачут навзрыд — что толерантность с людьми творит!

— Нам их пули нипочем, с каждым трупом новый дом!

Лезли, лезли и орали.

— Боже, ну вы и нахватали, — как будто хирург покачал головой с некоторым подобием уважения.

— Они не мои! — взвыл я.

— А чьи же? — захихикал тот.

Тут из живота вылетел нетопырь с лицом ребенка.

— Евреи, верните деньги за газ! — пропищал он, а следом уже карабкался ребенок с лицом нетопыря.

— Интеллигентность — вот наш путь, стилинг поможет пиздануть, — продекламировал он.

Тем временем колонна уже сформировалась, медсестры и уборщицы вымелись.

— А про письмо польских епископов немецким^[7] ничего нет?

— Не вижу.

— А про Папу-поляка?

Покачал головой.

— Зашейте меня поскорее, — попросил я.

— Не могу, они еще идут.

-
1. Владислав Броневский (1897–1962) — польский поэт, участник Первой мировой войны в составе легионов Ю. Пилсудского с 1915 г. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Польские легионы под предводительством Ю. Пилсудского были сформированы по инициативе проавстрийских политических деятелей Польши во время Первой мировой войны и просуществовали с 1914 по 1918 г.
 3. Станислав Рышард Добровольский (1907–1985) — польский поэт, прозаик, переводчик.

4. Ксендз Анджей Лютер (р. 1956) — пастырь, публицист, доктор теологии. Публикуется в общественно-культурном журнале «Тыгодник повшехны» и в ежемесячном журнале «Кино».
5. Болеслав Берут (1892–1956) — польский партийный и государственный деятель, первый президент ПНР.
6. «Легия» — футбольный клуб Варшавы, выступает в высшей лиге чемпионата Польши по футболу.
7. 18 ноября 1965 г. архиепископ и будущий кардинал Болеслав Коминек инициировал подписание польскими священниками «Письма немецким собратьям во служении». В числе подписавших был и кардинал Кароль Войтыла, будущий папа римский Иоанн-Павел II. В письме, вопреки политике государства, предлагалось примирение двум ожесточенным против друг друга народам.

Хроника (некоторых) текущих событий

- «“Я счастлив оказаться сегодня в Вашингтоне как президент Польши, сесть за один стол с президентом США и подписать соглашение, укрепляющее наше стратегическое партнерство”, — заявил президент Анджей Дуда после встречи с Дональдом Трампом. (...) Вечером он принял участие в приеме, устроенном послом Республики Польша», — Виктор Млынаж. (*«Газета Польска цодзенне»*, 19 сент.)
- Фрагменты интервью с президентом Анджеем Дудой после его визита в Вашингтон. «В наших польско-американских отношениях мы перешли на очень высокий уровень конкретики. (...) Нам была необходима встреча в “овальном кабинете” Белого дома, и мы этого добились, нам было нужно более солидное совместное заявление — и оно появилось. (...) Для нас было важно, чтобы под ним стояли подписи президента Речи Посполитой и президента США. (...) Серьезный искренний разговор в Белом доме, увенчанный совместным заявлением. Каждый берет себе по экземпляру, и мы продолжаем работать. (...) Разговор был настолько конструктивен, что продолжался намного дольше отведенного на него времени. Мы отказались переходить в другой зал. Я добился поставленной цели. (...) Я сторонник Евросоюза как содружества суверенных, независимых национальных государств. (...) Но я не могу не видеть того, что происходит вокруг нас. (...) А как понимать идею создания “ЕС двух скоростей”, согласно которой нас хотят столкнуть на обочину? И что это за навязчивое желание диктовать нам, как должна выглядеть польская правовая система и кто должен ей руководить? (...) Все это как раз разрушает европейское сообщество. (...) Дела наши идут хорошо, как внутри страны, так и на международной арене. (...) Польша обретает силу. (...) Дела Польши идут хорошо». (*«Сети»*, 1–7 окт.)
- «“Мы сделаем все, чтобы вы убедились — наконец кто-то думает о людях, а не о каком-то абстрактном содружестве, от которого мало проку”, — заявил в Лежайске президент Анджей Дуда. Благодаря этому “абстрактному содружеству” Анджей Дуда почти целый год был

депутатом Европарламента. С очень даже неабстрактной зарплатой в размере 8 тыс. евро в месяц». (*Дариуш Росоляк, «Ньюсуик Польска», 17–23 сент.*)

- «Я обращаюсь к Вам, господин президент, будучи глубоко взволнованным и обеспокоенным сказанными Вами в Лежайске словами об “абстрактном содружестве, от которого мало проку”». Это неправдивое и опасное заявление. Европейский союз — это не “абстрактное содружество”, но очень даже конкретное содружество, которое на протяжении шестидесяти лет обеспечивает мир на нашем континенте. Оно делает возможным взаимопонимание и объединение враждовавших народов. Оно обеспечило развитие и благосостояние объединенной Европы. (...) Это неправда, что от этого сообщества для нас мало проку. У Польши сейчас есть свободный доступ к европейскому рынку, куда мы направляем 80% нашего экспорта. (...) Два с половиной миллиона поляков зарабатывают деньги в странах ЕС. И их численность постоянно растет. Они не только больше получают, но и пользуются различными социальными правами. (...) Количество польских студентов в странах ЕС уже составляет 30 тысяч. Этому способствует и то, что польские аттестаты о среднем образовании признаются во всех странах ЕС, и то, что польские студенты платят за учебу столько же, сколько местные. Количество польских студентов, побывавших на программе “Эразмус”, в общей сложности уже превысило 200 тысяч. Мы беспрепятственно путешествуем по всему континенту, без виз и унижительных проверок. (...) В 2007–13 годах Польша получила квоту в размере 67 млрд евро, а в 2014–20 годах получит 82,5 млрд евро. (...) За вступление Польши в Евросоюз и ратификацию договора о присоединении к ЕС проголосовали свыше 13,5 млн поляков. (...) Против вступления в ЕС высказались 3,9 млн наших соотечественников, то есть менее половины Ваших избирателей в 2015 году», — Александр Квасневский, президент Польши в 1995–2005 годах». (*«Газета wyborcza», 13 сент.*)
- «29 сентября Лех Валенса отмечал 75-й день рождения, а 5 октября исполняется 35 лет со дня присуждения лидеру “Солидарности” Нобелевской премии мира. В субботу в Гданьске состоялись торжества в честь бывшего президента Польши. Среди гостей были послы тридцати с лишним стран. Дональд Туск передал юбиляру поздравления от всех руководителей стран ЕС. Точнее, почти всех — премьер-министры Польши и Венгрии Валенсу не поздравили». (*«Жечпосполита», 1 окт.*)

- «Министр иностранных дел Яцек Чапутович выступил с речью в Дипломатической академии МИДа. Он рассказал будущим дипломатам о том, что ему представляется важным. (...) В МИДе в период правления ПИС “была произведена почти стопроцентная смена руководящего состава. (...) Были заменены либо будут заменены в ближайшее время 86 послов из 101. (...) Эти изменения коснулись также почти всех 111 директоров и вице-директоров департаментов дипломатического ведомства. (...) Нужно четко уяснить, что в сегодняшней Польше один из важнейших критериев — это полная поддержка политики правительства. От вас ждут гарантий этой поддержки”. (...) Тот же Чапутович годами работал в МИДе. Его мариновали на самых разных невысоких должностях, и теперь он мстит. Мстит лучшим. Ведь из МИДа сейчас увольняют не из-за низкой компетенции». (*«Пшеглэнд»*, 17–23 сент.)
- «В Бухаресте закончился двухдневный саммит Троеморья, в котором принимал участие премьер-министр Моравецкий». «В тот день состоялся разговор с глазу на глаз между польским премьером и председателем Европейской комиссии Жаном Клодом Юнкером». (*Мачей Кожушек, Павел Крышчак, «Газета Польска цодзенне»*, 19 сент.)
- «Наши отношения с западными партнерами с 1989 года еще никогда не были такими плохими, как сейчас. Мы конфликтует со структурами ЕС; появилась напряженность в отношениях с Украиной и Литвой; мы спровоцировали самый тяжелый за последние десятилетия кризис в отношениях с Израилем (и на какое-то время с США); наши отношения с Россией “заморожены”, а антинемецкая риторика стала обычным делом как среди политиков правящего лагеря, так и в проправительственных СМИ; наш единственный союзник — это Венгрия, которая меньше нас в четыре раза (и которую справедливо считают вторым после нас “больным человеком Европы”). Такое впечатление, что мы, подобно Бурбонам, ничего не поняли и ничему не научились». (*Марек Мигдальский, «Жечпосполита»*, 19 сент.)
- «Вчера на заседании Совета Европейского союза министры ЕС уже во второй раз официально заслушали Польшу по вопросу состояния законности в стране. “Никакой утешительной информации относительно ситуации в Польше у меня нет”, — заявил Франс Тиммерманс после заседания Совета ЕС. (...) “Польское правительство не уважает ни Европейскую комиссию, ни принципы ЕС, ни собственную конституцию”, — подчеркнула шведка Анн

Линде. Германия и Франция сообща заняли аналогичную позицию. (...) “Мы призываем Польшу воздержаться от действий, которые будут иметь неотвратимые последствия”, — сказал немецкий министр по европейским делам Микаэль Рот». (Томах Белецкий, «Газета wyborcza», 19 сент.)

- «Польский закон о Верховном суде противоречит законодательству ЕС, поскольку нарушает принцип независимости судебной власти и, как следствие, принцип независимости судей, считает Европейская комиссия. Свое решение Европейская комиссия объявила в понедельник, в течение недели заявление официально поступит в Европейский суд в Люксембурге». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 25 сент.)
- «Польское правительство отклонило замечания Европейской комиссии относительно закона о Верховном суде». «Замечания касаются положений, позволяющих провести чистку среди самых старших судей Верховного суда. Президент снизил пенсионный возраст с 70 до 60 лет, обеспечив себе возможность решать, кто из судей может работать дольше. На основе этих положений из Верховного суда увольняют очередных судей». (Лукаш Возницкий, Томах Белецкий, «Газета wyborcza», 15–16 сент.)
- «Европейская сеть советов правосудия решила приостановить членство польского Национального совета правосудия в своих рядах. (...) Сто членов сети поддержали это решение, шестеро были против, десять воздержались». («Жечпосполита», 18 сент.)
- «Суд Амстердама приостановил экстрадицию трех поляков, в отношении которых выдан европейский ордер на арест. Аналогичное решение только что принял суд Мадрида. Причина та же — суд сомневается, что после реформ, проводимых ПИС, задержанные могут рассчитывать в Польше на справедливый судебный процесс». («Газета wyborcza», 5 окт.)
- «Варшавский суд не согласился с решением об исключении Людмилы Козловской из состава правления фонда “Открытый диалог”. Польское министерство иностранных дел проиграло фонду спор относительно приостановления полномочий правления фонда и принудительного назначения внешнего управляющего — суд отклонил иск МИДа. Как информирует окружной суд Варшавы, решение суда вступило в законную силу. (...) Украинка Людмила Козловская жила в Польше с 2008 года. (...) Агентство внутренней безопасности ходатайствует о внесении Козловской в информационную систему Шенгена как нежелательной особы. (...) Въезд в ЕС для Козловской

закрыт. Однако в среду она появилась в Берлине. Несмотря на польский запрет на въезд в Евросоюз, немцы пригласили Козловскую в Бундестаг, чтобы она выступила там с лекцией на тему «Права человека в опасности — демонтаж правового государства в Польше и Венгрии». В ЕС Козловская въехала по специальной визе. (...) В декабре 2017 года немецкая сторона также впустила Святослава Шеремета из украинской Государственной межведомственной комиссии по вопросам увековечения памяти жертв войны и политических репрессий, которому польские власти запретили въезд в Польшу и Шенгенскую зону». (Изабела Кацпшак, *Гражина Завадка, «Жечпосполита», 14 сент.*)

- «Выдворенная из Польши президент фонда “Открытый диалог” Людмила Козловская в среду выступила в Европейском парламенте, где рассказала о злоупотреблениях польских властей. (...) Недавно Козловская получила временную бельгийскую визу. (...) В Европарламенте она критиковала польское правительство. (...) “В Польше сегодня в производстве находятся две тысячи дел в отношении тех, кто протестовал против политики правительства и критиковал ее”, — заявила Козловская. Она также рассказала об изъятии документов в офисах неправительственных организаций, о преследовании судей, против которых даже возбуждаются уголовные дела, о задержаниях представителей оппозиции (Станислава Грабовского и Юзефа Пинёра)». (Из Брюсселя Анна Слоевская, *«Жечпосполита», 27 сент.*)
- «По решению президента Анджея Дуды, начиная с минувшей среды председатель Палаты по гражданским делам Верховного суда Дариуш Завистовский на правах судьи с самым продолжительным стажем руководит деятельностью Верховного суда. Однако Завистовский, как и его коллеги из Верховного суда, настаивает, что председателем суда до 2020 года остается Малгожата Герсдорф». (Мачей Марош, *«Газета Польска цодзенне», 13 сент.*)
- «В Верховном суде появилась Малгожата Герсдорф, которая заявила, что будет продолжать руководить работой Верховного суда. Параллельно в Палате по гражданским делам состоялось судебное заседание с участием Яцека Гудовского и Войцеха Картнера, судей, не получивших согласия президента на дальнейшее исполнение ими своих обязанностей после достижения 65-летнего возраста. Перед началом заседания судьи постановили, что состав судебной коллегии сформирован в соответствии с буквой закона, поскольку действие норм,

согласно которым судьи, достигшие 65 лет, отправляются в отставку, было приостановлено Верховным судом». (*«Газета Польска цодзенне»*, 13 сент.)

- «Судьи двух палат Верховного суда (...) не признали решения президента Анджея Дуды (...). Президент тогда отправил на преждевременную пенсию семерых судей, в том числе председателя Палаты по уголовным делам, а также председателя Палаты по трудовым спорам. (...) “Созыв собрания с целью избрания кандидатов считаем беспредметным, поскольку должность председателя суда занята”, — единогласно заявили судьи Палаты по уголовным делам в своей резолюции. Аналогичную резолюцию большинством голосов при трех воздержавшихся приняло собрание судей Палаты по трудовым спорам. (...) Таким образом судьи обеих палат поддержали решение семерых уволенных судей. Каждый из них в середине сентября заявил, что до 70-го дня рождения считают себя полноправными судьями Верховного суда, поскольку Конституция гарантирует их несменяемость. (...) Ранее судьи Верховного суда постановили, что Малгожата Герсдорф должна оставаться председателем суда до 2020 года, поскольку ее шестилетний срок полномочий гарантирован Конституцией. И хотя, по решению Анджея Дуды, Малгожата Герсдорф с июля не работает в Верховном суде — она все это время руководит работой суда». (Лукаш Возницкий, *«Газета wyborcza»*, 27 сент.)
- «Полтора десятка судей из Кракова надели футболки с надписью “Конституция” и сделали общее фото на фоне Окружного суда». «Судья не может состоять в политической партии, профсоюзе либо вести общественную деятельность, противоречащую принципам независимости судов и судей, говорится в ст.178 п.3 Конституции Республики Польша. А футболки с надписью “Конституция” — “это идея, а также любимый элемент одежды сторонников оппозиции. (...) Кроме того, возмущение может вызвать и фон, на котором сделан снимок — вход в здание Окружного суда в Кракове, то есть, по сути, место работы». (Ян Пшемьский, *«Газета Польска цодзенне»*, 6-7 окт.)
- «В среду апелляционный суд постановил (...), что премьер-министру придется опровергнуть собственные слова. Суд обязал Матеуша Моравецкого в течение 48 часов обнародовать в эфире “TVPInfo” и “TVN”, перед главными выпусками новостей — программами “Новости” и “Факты”, заявление следующего содержания: “Сообщенная мной 15 сентября 2018 года на предвыборном

митинге избиркома ПИС в Свободзине информация, что выделенная нами в последние год-полтора сумма на ремонт и строительство местных дорог превышает сумму, выделенную на те же цели коалицией «Гражданской платформы» и Крестьянской партии ПСЛ в течение восьми лет, не соответствует действительности»». (Павел Косьминский, «Газета wyborcza», 27 сент.)

- Заявление премьер-министра Матеуша Моравецкого, сделать которое его обязал суд, «было вчера обнародовано перед главными выпусками новостей — “Новости” на “TVP” и “Факты” на “TVN”. Содержание заявления было показано на мониторе, а также зачитано ведущей». («Газета wyborcza», 28 сент.)
- «Воеводский административный суд отменил распоряжение Великопольского воеводы Збигнева Хоффмана, в соответствии с которым в городе Тарнув-Гурный в окрестностях Познани, улица имени 25 января стала носить имя Збигнева Ромашевского, бывшего сенатора ПИС». («Газета wyborcza», 13 сент.)
- «В январе этого года Окружной суд Познани вынес приговор по громкому делу, потерпевшей в котором была женщина, изнасилованная в детстве священником Романом Б. из Христианского общества для зарубежной Полонии. Суд присудил ей 1 млн злотых в качестве возмещения ущерба, а также пожизненную ренту в размере 800 злотых. Этот приговор носит характер прецедента, поскольку платить будет не преступник, а организация, в которой он состоял. (...) В польских судах сейчас идут двенадцать гражданских процессов, возбужденных по инициативе жертв священников-педофилов. В ходе некоторых из них решения были вынесены не в пользу жертв. Суды отклонили иски либо постановили, что по делу истек срок давности. (...) Согласно указаниям Епископата, гражданскую ответственность за педофильские действия несет непосредственный виновник, а не католическая Церковь. (...) Известно о 56 вступивших в силу обвинительных приговорах. (...) Известно также, что Церковь посылает к некоторым жертвам, священников которые вынуждают жертв за 5-10 тысяч злотых письменно отказаться от своих претензий», — Марек Лисинский, председатель фонда “Не бойтесь”, помогающего жертвам священников-педофилов. («Газета wyborcza», 18 сент.)
- «Запрещенный в нескольких городах фильм о польском духовенстве («Духовенство» Войцеха Смажовского) уже пользуется большим успехом в прокате. (...) С минувшей пятницы до воскресенья включительно на этот фильм

было продано почти 935,4 тыс. билетов. При средней цене билета, составляющей 19 злотых, это почти 20 млн злотых прибыли. Такого количества зрителей в Польше после 1989 года еще не было ни на одном фильме, ни на польском, ни на зарубежном». (Уршула Зелинская, «Жечпосполита», 2 окт.)

- « — Когда у вас появилась идея снять такой фильм? Войцех Смажовский: — На самом деле уже в то время, когда мои дети пошли в школу, и я увидел, какое положение занимает священник в государственной школе, сколько там уроков религии. Церковь промывает детям мозги, воспитывая их в духе суеверий и предубеждений. Потом разразились эти педофильские скандалы, появилась информация о финансовых махинациях. А кроме того, любые государственные торжества у нас начинаются с богослужения. Мы стали чемпионами по воздвижению самых высоких крестов. Одним словом, накопилось», — фрагмент интервью с Войцехом Смажовским, режиссером фильма «Духовенство». («Газета wyborcza», 18 сент.)
- «“Духовенство” активно рекламируют, поскольку он отлично вписывается в контекст идеологической войны, идущей в Польше. Он атакует Церковь не для того, чтобы оздоровить ее посредством такой шоковой терапии, а с целью ослабить ее. Впрочем, целью этой атаки выступает не Церковь сама по себе, а религия. (...) Смажовский снял фильм, который не только отражает его собственные взгляды, но и прекрасно служит реализации политических интересов одной из сторон польского идейного конфликта». (Конрад Колодзейский, «Сети», 1–7 окт.)
- «Суд оправдал работающую нотариусом супругу мэра Познани, обвиняемую в использовании нецензурной лексики в общественном месте. (...) “Нельзя оценивать этот поступок в отрыве от сопровождавших его обстоятельств”, — отметил судья Енка. Он также добавил, что произнесенные Иоанной Яськовяк слова, “которые наверняка слышали дети — это, безусловно, зло, но еще большим злом является то, что сейчас происходит в Польше. (...) На нас обрушился целый каскад нарушений Конституции — нарушение свободы собраний, захват Конституционного трибунала, Национального совета правосудия и Верховного суда. На наших глазах попирается фундаментальный принцип разделения властей, решения Конституционного трибунала не публикуются, право помилования используется в ходе уголовного процесса... Это грубое и серьезное вмешательство в деятельность судебной власти. В состав Конституционного трибунала включены люди, не имеющие полномочий выносить

решения, Национальный совет правосудия сформирован с нарушениями закона”. Судья Енкса также заявил, что несоблюдение правящими кругами судебных решений — это классический пример анархии. “Это сопровождается преследованиями судей и простых граждан, призывающих соблюдать Конституцию и действующих ради общественного блага, в том числе в интересах тех поляков, чье воображение спит, которые не понимают, что с ними будет, если они окажутся в суде, переставшем быть независимой инстанцией”, — подчеркнул судья. (...) Он также добавил, что сегодня перед судами стоит особая задача: они должны защищать не только государство от граждан, но и граждан от злоупотреблений со стороны государства». (Петр Житницкий, «Газета wyborcza», 25 сент.)

- «Назначенный министром юстиции Збигневом Зебро представитель по дисциплинарным делам возбудил производство в отношении познаньского судьи Славомира Енксы. Этот судья недавно оправдал Иоанну Яськовяк, жену мэра Познани, раскритиковав в мотивировочной части решения политика ПИС». («Газета wyborcza», 10 окт.)
- «Судья Игорь Тулея вчера объяснялся перед представителем по дисциплинарным делам относительно вопросов преюдициального характера (которые он направил в Европейский суд в Люксембурге). Его адвокату было отказано в возможности присутствовать на допросе». («Газета wyborcza», 11 окт.)
- «На встрече правящей партии с избирателями в Ольштыне Ярослав Качинский заявил: “Ойкофобия, то есть неприязнь и даже ненависть к собственной отчизне и своему народу — это одна из болезней, поразивших часть судейского корпуса, болезней, способных довести до беды”. (...) Незадолго до этого на Мазурах председатель ПИС сказал: “Обязанность судов — действовать в соответствии с польскими государственными и национальными интересами. (...) Судья Юлиуш Цеек, не называя фамилии Качинского, сослался на эти высказывания, подчеркнув: “Для судьи патриотизм — это вынесение решений в строгом соответствии с законом”». (Томаш Курс, «Газета wyborcza», 24 сент.)
- «На протяжении трех лет в стране формируется система единообразной государственной власти (...), в которой нет независимого правосудия, а вся власть сконцентрирована в руках политиков из правящей партии. Ситуация доведена до состояния правовой неопределенности, судебная система расшатана, снизился уровень доверия к судам. Отсутствует механизм конституционного

контроля, а судебные процессы затягиваются. Проводимая правящей партией реформа судебной системы противоречит европейским стандартам, и если она не будет остановлена, рано или поздно Польше придется покинуть Европейский союз», — Борис Будка, вице-председатель партии «Гражданская платформа», бывший министр юстиции. («Жечпосполита», 28 сент.)

- Президент Анджей Дуда назначил на должности судей Верховного суда 27 человек, чьи кандидатуры были предложены Национальным советом правосудия. «Многие юристы считают конкурс на должности судей Верховного суда недействительным. Полтора десятка отвергнутых кандидатов оспаривают его результаты в Высшем административном суде, приостановившем действие резолюций Национального совета правосудия, в которых совет предложил президенту 28 кандидатур на должности судей, на период рассмотрения жалоб. Однако президент ждать не стал. (...) “По такой схеме в странах ЕС сегодня совершаются государственные перевороты. Не нужно оружия, достаточно нелегального захвата судебной системы, символизирующего автократическую консолидацию власти”, — написал профессор Роджер Келлерман. (...) Поспешность президента определенно связана с ожидаемым в ближайшие дни решением Европейского суда, которое может приостановить действие президентского закона о Верховном суде». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 11 окт.)
- «До того, как в Польше начались “перемены к лучшему” спецслужбы прослушивали 7 215 человек (2014 год), сейчас они прослушивают 9 725 (2017 год). (...) Количество убийств, зафиксированных полицией, в 2016 году составило 456, в прошлом году — 513. (...) Самая низкая численность жертв преступлений, нанесших ущерб здоровью человека, за последнюю декаду была зафиксирована в 2015 году и составила 9 949. Год спустя она поднялась до 11 034. В прошлом году жертвами таких преступлений стали 11 402 человека. (...) Количество затянувшихся расследований, продолжающихся больше года, в 2013–14 гг. не превысило одной тысячи. В прошлом году их было уже 2,6 тысячи. (...) Только за последний месяц 2017 года и за восемь месяцев 2018 года по уголовным и административным делам проходили около 600 человек, активно участвующих в политической борьбе против правительства. С учетом того, что правительство, внедряющее в жизнь “перемены к лучшему”, в отставку не собирается, их будет не меньше тысячи, при этом некоторые подозреваемые подвергаются

государственному преследованию многократно. (...) По данным организации “Transparency International”, позиция Польши в рейтингах государств, не справляющихся с коррупцией, выросла в течение двух лет на восемь позиций. Раньше мы были в первой тридцатке “самых некорруптированных государств” (28 место), теперь же оказались чуть ли не в хвосте четвертого десятка (36 место)». (Петр Немчик, «Газета wyborcza», 27 сент.)

- «После июльских протестов перед Сеймом против новой редакции закона о Верховном суде, прокурор Агнешка Бахрый завела уголовное дело в связи с превышением полицейскими своих полномочий. Дело у нее забрали, а ее саму перевели из окружной прокуратуры в районную». («Газета wyborcza», 18 сент.)
- «Районная прокуратура Варшава-Средместье отказалась возбуждать уголовное дело по поводу агрессивных и антисемитских высказываний Яцека Мендлара. Этот бывший священник назвал евреев “сорняком, возросшим на польской крови” и заявил: “Настало время жатвы. Пора отделить сорняки от пшеницы. Раскайтесь в своей полонофобии и убивайтесь вон из Польши!”. Однако следователи посчитали, что агрессивная риторика Мендлара не выходит за рамки свободы высказываний. (...) Действия министра юстиции полностью соответствуют логике проекта польской государственности, разработанного радикальными националистами. (...) С каждым днем желанная цель все ближе». (Марек Бейлин, «Газета wyborcza», 1 окт.)
- «По 200 злотых штрафа должны будут заплатить женщины, которые 11 ноября на мосту Понятовского пытались остановить Марш независимости, развернув на пути националистов плакат “Нет фашизму!”. Суд наказал их за то, что они препятствовали проведению согласованного марша». («Газета wyborcza», 5 окт.)
- «Полиция разыскивает мужчину, который в среду выбил камнем окно синагоги в Гданьске-Вжеще. В здании синагоги в этот момент находились верующие, молившиеся по случаю праздника Йом-Киппур». («Газета wyborcza», 21 сент.)
- «Национальные, расовые и прочие идентичности — это вредные иллюзии. Мне кажется, что нашей способности выжить на этой планете они наносят один только вред», — Ахилле Мбембе, историк, уроженец Камеруна, защитивший диссертацию в Сорбонне, преподаватель Йельского и Колумбийского университетов. («Тыгодник повшехны», 30 сент.)

- «Количество полицейских, подозреваемых в совершении преступлений, выросло, достигнув 328 — это на 69% больше, чем в 2016 году. (...) В прошлом году за решетку попали 48 полицейских, годом ранее — 14. (...) 29 полицейским Центрального следственного отдела полиции были предъявлены обвинения (в 2016 году — только восьми). (...) Тревожным фактом является рост коррупции. В прошлом году полицейские совершили 360 коррупционных преступлений, что почти на 100 преступлений больше, чем в 2016 году. (...) В суды направлены 45 обвинительных заключений в связи с необоснованным применением полицейскими насилия в ходе исполнения служебных обязанностей — в прошлом году таких заключений было 25». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 13 сент.)
- «В столицу съехались свыше 30 тысяч сотрудников полиции и службы исполнения наказаний, пограничников, таможенников и пожарных. У них были транспаранты “Не делайте из нас нищих”. “Ни один из министров президента не принял нас”, — заявил председатель профсоюзов полицейских». («Газета wyborча», 3 окт.)
- «Мартин Коласа, председатель профсоюза пожарных: “Наша зарплата не может быть меньше, чем у сотрудников Службы государственной охраны, военных или маршалковской стражи в парламенте”. Сильвия, полицейский из Лодзи: “Военные получают новую форму каждые три года, нам дают одну на все время службы”. Среди протестующих полицейские составляли самую многочисленную группу. (...) Они требуют повысить им зарплату на 650 злотых, (...) уравнивать пенсионные права сотрудников, пришедших на службу после 1999 года, с остальными полицейскими, а также добиваются стопроцентного возмещения за период нахождения на больничном и оплаты сверхурочных». (Камиль Сятковский, «Газета wyborча», 3 окт.)
- «С января стоимость снаряжения профессионального военного составит 5530 злотых “брутто”». («Дзенник газета правна», 13 сент.)
- «С будущего года минимальная зарплата в Польше составит 2250 злотых “брутто” — такое решение принято во вторник на заседании правительства. На руки люди будут получать около 1633 злотых (в 2018 году они получали 1530 злотых). (...) Минимальное вознаграждение в Польше уже сейчас является одним из самых высоких в нашем регионе (по отношению к средней зарплате) и быстро растёт». («Жечпосполита», 12 сент.)

- «По данным Евростата уровень безработицы в Польше упал уже до 3,5% и находится на третьем месте в ЕС. Нас опережают только Чехия и Германия». (Петр Вуйчик, «Тыгодник повшехны», 23 сент.)
- «Меняется национальный состав людей, приезжающих в Польшу на заработки. Украинцы по-прежнему составляют подавляющее большинство, однако теперь их только 71%. Зато все чаще к нам приезжают жители Азии и Африки. Непальцы (в Польше их проживает около 10 тысяч) стали второй по величине национальной группой иностранцев, опередив белорусов. За это же время (2017 год) в Польшу также приехали 4 тыс. индусов и 3 тыс. жителей Бангладеша (опередив молдаван)». (Петр Вуйчик, «Тыгодник повшехны», 23 сент.)
- «Согласно отчету ЦИОМа за май 2018 года, 56% одобряют приезд иммигрантов из Украины, а 35% настроены против — и это стабильная тенденция. (...) В июне 2017 года вступил в силу безвизовый режим между ЕС и Украиной, касающийся, правда, туристов, а не работников, однако прокремлевские масс-медиа, работающие в Польше, использовали эту ситуацию для очередного нагнетания антиукраинской риторики. (...) Количественный анализ упоминаний Украины за последний месяц показывает, что в первой четверке СМИ, чаще всего пишущих об Украине (за исключением спортивных программ), находятся сайты «Sputnik News» и Kresy.pl. «Sputnik News» — это откровенно прокремлевское СМИ. (...) В отчетах организации «СЕРА Stratcom», исследующей российскую информационную войну в Европе, портал Kresy.pl также отмечен как пропутинский ресурс. (...) Остальные сайты с антиукраинской направленностью транслируют крайне правые взгляды. Раньше они концентрировали свое внимание в основном на мусульманах. (...) Сегодня главные их враги — украинцы. (...) На антиукраинских страницах в фейсбуке (...) в комментариях пишут, что только Путин может остановить захват Польши Украиной. Появляются также публикации, в которых польско-российский раздел Украины представляется как наилучший вариант разрешения ситуации». (Анна Межвинская, «Газета wyborcza», 19 сент.)
- «Как сообщает Главное управление статистики, в июле мы потратили в магазинах почти на 10% больше, чем год назад. (...) По последним данным Национального польского банка (за первое полугодие 2017 года), норма сбережений составила в этот период около 2% доходов. (...) Еще в начале века, когда среднее вознаграждение в секторе частного бизнеса было значительно ниже, едва превышая 2 тыс.

злотых), среднестатистическая семья могла себе позволить отложить почти 15% своего дохода. (...) Когда начали расти зарплаты, норма сбережений стала постепенно снижаться. (...) Большинству срочных вкладов начислены 1,5–2% годовых, благодаря чему меньше денег теряется в результате инфляции. (...) Участие инвестиций в национальном продукте снизилось до 17%. А правительство, вместо того, чтобы экономить, планирует в очередной раз поддержать потребление. После 500+ для родителей и 300+ на детское приданое настанет очередь пенсионных 500+, которые, скорее всего, будут выплачиваться раз в год. Во сколько это обойдется бюджету? 38–80 млрд злотых в течение декады. (...) По счетам все равно придется платить будущим поколениям». (Радослав Омахель, «Ньюсуик Польша», 17–23 сент.)

- «Мы находимся на пике конъюнктуры. У нас должен наблюдаться излишек государственных финансов, но вместо этого мы имеем один из самых больших дефицитов во всем Евросоюзе. С точки зрения уровня, прогнозируемого на будущий год дефицита, мы оказались в пятерке худших. (...) ПИС увеличил расходы государственных финансов примерно на 40 млрд злотых из-за программы 500+ и снижения пенсионного возраста. (...) Действия ПИС привели к тому, что наши перспективы теперь гораздо сложнее, нежели три года назад. (...) В 2015 году в Польше степень участия государства в экономике была самой высокой, а ПИС всячески увеличивает этот показатель, усиливая монополии. (...) Экономика национализируется в путинской России. (...) С точки зрения формирования политико-экономического строя мы все больше откатываемся на восток. Чем больше в стране государственной собственности, тем больше должностей на раздачу. В Польше еще никогда не было таких масштабных чисток в государственных институтах. Чтобы убрать неугодных и посадить на их места своих людей, были приняты десятки законов. (...) Если конъюнктура ухудшится, золотые деньки для Польши закончатся, и очень болезненно», — Лешек Бальцерович. («Жечпосполита», 12 сент.)
- «Почти тридцатилетний период польской истории после 1989 года — это непрерывная череда невиданных ранее экономических успехов. Данный тезис прекрасно иллюстрирует выпущенная в этом году издательством “Oxford University Press” книга Мартина Пёнтковского “Europe's Growth Champion”, демонстрирующая подробную анатомию этого успеха. Его показателем может служить

хотя бы тот факт, что в 1990 году в “старом” Евросоюзе ВВП на душу населения составлял около 30%, а в 2017 году ВВП Польши достиг 57%, уровень же реального потребления достиг 70% среднего уровня потребления в зоне евро. По мнению Пётковского, это небывалый успех в истории человечества, даже по сравнению со знаменитыми “азиатскими тиграми”», — проф. Анджей Козьминский, создатель и первый ректор Академии Леона Козьминского. (*«Жечпосполита»*, 4 окт.)

- «В сентябре промышленный сектор развивался медленнее, чем в последние два года». «О замедлении темпов роста свидетельствует индекс PMI (Purchasing Managers' Index), базирующийся на подробном опросе, проводимом ежемесячно среди менеджеров промышленных компаний. В сентябре он снизился третий раз подряд и был самым низким (50,5 пунктов) за период с октября 2016 года. Этот уровень оказался даже ниже, чем предсказывали самые пессимистические прогнозы опрошенных нами экономистов». (Гжегож Семенчик, *«Жечпосполита»*, 2 окт.)
- «Сентябрь стал третьим месяцем подряд, в котором Национальный банк Польши, увеличил официальный золотой резерв. В прошлом месяце резерв пополнился на 4,3 тонны золота, а за последние три месяца — на 11,7 тонн». (*«Газета Польска цодзенне»*, 8 окт.)
- «Согласно опросу, проведенному Институтом рыночных и социологических исследований (ИРСИ), из всех польских политиков наибольшим доверием у людей пользуется Дональд Туск. Ему доверяют 42,7% опрошенных. (...) Президенту Анджею Дуде — 40,8%, премьеру Матеушу Моравецкому — 40%. Пониже рейтинг у Роберта Бедроня (39,5%), Барбары Новацкой (35,1%), Ярослава Качинского (35%). ИРСИ также поинтересовался у поляков, кому они не доверяют. Лидером антирейтинга оказался Антоний Мацеревиц (ему не доверяют 69,1% респондентов), следующие позиции заняли Ярослав Качинский (57,3%) и Збигнев Зёбро (56,2%)». (*«Газета wyborcza»*, 13 сент.)
- «20 злотых за пост, 5 тыс. комментариев под каждым постом, 2 злотых за комментарий — такой договор подписал в 2015 году избирательный штаб Анджея Дуды с компанией, создающей в интернете фальшивые аккаунты. На конкурента Дуды, Бронислава Коморовского тогда обрушилась целая волна сетевой ненависти и троллинга». (*«Газета wyborcza»*, 14 сент.)
- «Мы готовы к успешному проведению муниципальных выборов, а появляющиеся время от времени опасения по поводу возможной фальсификации выборов явно преувеличены и не повлияют на результаты», —

подчеркнул председатель Государственной избирательной комиссии Войцех Хермелинский в беседе с Марекком Домагальским». («Жечпосполита», 1 окт.)

- «Своей интенсивностью предвыборная борьба напоминает борьбу за парламент, а не за муниципалитеты. (...) У ПИС 37,2%. (...) “Гражданская коалиция” (“Гражданская платформа”, “Современная” и “Инициатива для Польши”) может рассчитывать на 30%. (...) На третьем месте — Кукиз с 10,1%, на четвертом — Союз демократических левых сил с 7%. (...) Последняя партия, которая попала бы в Сейм — это Крестьянская партия ПСЛ с результатом 5,2%». Опрос Института рыночных и социологических исследований, 5–6 октября». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 10 окт.)
- «В ходе общественной дискуссии особенно негативно был воспринят намек на то, что правительство ПИС будет финансово поддерживать только те муниципалитеты, в которых власть получают представители правящей партии. Об угрозах, которые повлечет такая “политическая коррупция”, высказался даже председатель Государственной избирательной комиссии». (Зигмунт Франкевич, «Жечпосполита», 17 сент.)
- «ПИС создал право-консервативную машину, которая успешно обслуживает право-консервативный электорат. Опирается она на так называемое “сообщение дня” — около 10 утра депутаты ПИС получают смску с тезисами относительно самых важных вопросов. И все эти тезисы они послушно повторяют. А повторять есть где — в государственных СМИ, то есть на “TVP1”, “TVP 2”, “TVP Info”, на Польском радио во главе с Первой и Третьей программой. Добавим к этому еще и СМИ о. Рыдзыка и прочие масс-медиа». (Роберт Валенчак, «Пшеглэнд», 1–7 окт.)
- «В нашем сегодняшнем общественно-политическом дискурсе господствует сиюминутность, нежелание думать о завтрашнем дне, поверхностность. Доминирует также историческая политика. Мы концентрируемся на сегодняшних и исторических событиях, совершенно не замечая долгосрочных процессов и тенденций. Сводим счета, копаемся в прошлом, а для будущего в наших дискуссиях почти нет места. Нам не хватает перспективного мышления, воображения, стратегии, не говоря уже о геостратегии и геополитике», — проф. Богдан Гуральчик, директор Европейского центра Варшавского университета. («Жечпосполита», 2 окт.)
- «Польские епископы бьют тревогу. (...) “Из 50 европейских городов с самым загрязненным воздухом 33 находятся в

Польше”. (...) Епископы призывают “ограничить вредную для окружающей среды деятельность человека”». (*«Тыгодник повшехны»*, 7 окт.)

- «Согласно отчету Европейского агентства окружающей среды, главным отравителем воздуха в Европе является электростанция “Белхатув”. Она находится на первом месте как по объему выделяемой ртути, так и углекислого газа, а также количеству преждевременных смертей, вызванных загрязнением воздуха. По разным данным, электростанция “Белхатув” ежегодно выделяет в атмосферу от 2,8 до 4,2 тонн ртути. Деятельность электростанции также является причиной 1,2 тыс. преждевременных смертей в Европе. Только одна эта электростанция выделяет больше ртути, чем вся промышленность Испании. В список главных европейских отравителей также входят угольные электростанции в Козенице и Рыбнике». (*Доминика Вантух, «Газета wyborча»*, 25 сент.)
- «“Тебе вверяем, Мария, Госпожа Ясногурская, все дела польской энергетики, ее безопасность, развитие, модернизацию, службу тысяч наших коллег, которую несут они днем и ночью, неустанно, самоотверженно, с риском для жизни. Позаботься о наших руководителях. Дай всем нам мудрости и ответственности при принятии решений”, — молился на Ясной Гуре министр энергетики Кшиштоф Тхужевский, объявляя “Акт препоручения судеб польских энергетиков Богоматери, Королеве Польши”. Акт был подкреплен щедрыми дарами, как финансовыми, так и вещественными, переданными Церкви энергетической компанией с участием Государственного казначейства». (*Адам Гжешак, «Политика»*, 10–16 окт.)
- «Польша — единственная страна Евросоюза, в которой выявлена тенденция к росту содержания в воздухе вредных частиц PM10, из-за которых в городах возникает смог. Об этом говорится в отчете ISECS (Institute for Security Energy and Climate Studies). Похожая ситуация отмечается и в случае с выделением бензопирена, концентрация которого в Польше значительно превышает показатели в других странах ЕС, за исключением Чехии» (*«Жечпосполита»*, 10 окт.)
- «Когда я вижу повсеместное уничтожение лесов, то прихожу в отчаяние. (...) Я говорю о жестокой, массовой, механистической и тотальной вырубке лесов, ведущейся под лозунгом: быстрее, больше, выгодней. (...) Я знаю на Мазурах, в местечке Цихы, дубовую аллею, одну из старейших в Европе. Она прекрасна. Дубы солидные, огромные, зеленые... И вот как раз теперь ее собираются

срубить, поскольку она якобы представляет опасность. (...) Дуб становится очень дорогим товаром». (Магдалена Срѣда, «Газета выборча», 26 сент.)

- «За минувший охотничий сезон было отстрелено почти 180 тысяч птиц. Если правы орнитологи, утверждающие, что каждая третья мертвая птица — представитель охраняемого вида, это означает, что погибло 54 тысячи редких и исчезающих птиц». (Роберт Юршо, «Дзике жиче», сент.)
- «В 2008 году (...) в Польше вынесено 531 судебное решение на основе Закона об охране животных. Из них 527 решений касались лиц, которые лишили животное жизни либо издевались над ним. Однако в половине случаев дело кончилось штрафом. Наказание в виде лишения свободы было назначено в отношении 206 человек, однако большинство приговоров оказались условными. В тюрьму сели только 12 человек, при этом максимальный срок наказания составил год. В том же году 51 дело было связано с убийством животного либо издевательством над ним с особой жестокостью. Шесть человек получили наказание в виде реального лишения свободы. Максимальный срок лишения свободы составил три года. В 2012 году (...) из 566 приговоров 114 были вынесены именно за издевательство над животными. В тюрьму отправились только три человека, еще 18 человек были осуждены к реальному лишению свободы за убийство животного с особой жестокостью либо за жестокое издевательство над ним. (...) В 2014–16 гг. ежегодно выносилось свыше 280 приговоров за издевательство над животными. В тюрьму за это время попали 27 человек. За убийство животного с особой жестокостью либо за жестокое издевательство — 64 человека». (Эва Роговская, «Пшеглѣнд», 1–7 окт.)
- 5 тысяч человек, приехавших со всей Польши, собрались перед Сеймом, чтобы потребовать у депутатов возобновить работу над законом об охране животных. «Нормы, разработанные депутатами, предусматривают, в частности, запрет ферм пушных животных, запрет использования животных в цирковых представлениях, запрет ритуального убоя, запрет содержания собак на цепи. Законопроект, подготовленный ПИС, был поддержан председателем правящей партии Ярославом Качинским. (...) Зато он вызвал протест со стороны владельцев ферм пушных животных и оплачиваемого ими лобби. (...) Рассмотрение законопроекта в парламенте было приостановлено». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 15–16 сент.)

- «“Отравленные птицы падают с неба. Наши инспекторы как раз пытаются спасти стаю галок. Несколько десятков особей погибли, полтора десятка борются за жизнь”, — сообщил варшавский инспектор Общепольского общества охраны животных. Его сотрудники подозревают, что кто-то умышленно отравил птиц, добавив химическое средство в миски с водой. (...) На месте происшествия также побывала полиция. (...) В четверг в окрестностях улицы Бартломея найдено около 70 особей, говорит пресс-секретарь полиции Мокотува. (...) В пятницу поступил очередной сигнал. На этот раз мертвых птиц было уже 130. Их подвергли токсикологическому анализу. (...) Фонд “Animal Rescue” назначил награду в размере 500 злотых для того, кто поможет найти виновного в отравлении птиц». (Каролина Словик, «Газета wyborcza», 6-7 окт.)
- «“Государственная экологическая политика 2030” — это документ, подготовленный министерством окружающей среды. (...) На 119 страницах проекта его авторы пишут об опасностях, связанных с потеплением климата. В Польше нас ожидают экстремальные явления: сменяющие друг друга волны жары и морозов, засухи и наводнения, ураганные ветра. (...) Отдельно изучены возможные последствия климатических изменений в 44 городах Польши. В 41 из них климатические явления спровоцируют увеличение количества заболеваний системы кровообращения и органов дыхания, в 36 дожди и перепады температур нарушат нормальную работу транспорта, 41 городу угрожают аварии в энергетическом секторе, сети низкого напряжения и отсутствие электроснабжения в течение нескольких дней. (...) Тем временем в Польше снижаются расходы на охрану окружающей среды. В 2015 году они составили 15,2 млрд злотых, а в 2016 году уже только 6,5 млрд. (...) Авторы проекта (...) пишут, что противодействие изменениям климата в Польше является сложной задачей “в связи с доминирующей в экономике ролью угля в производстве электрической и тепловой энергии”». (Доминика Вантух, «Газета wyborcza», 8 окт.)
- «Польше нужен новый Великий проект. (...) Если бы кто-нибудь спросил меня, на чем должен основываться этот Великий проект, я бы ответил: образование, демография, инфраструктура и информатизация. Так мне видятся приоритеты современного, пусть и стареющего общества, обращенного в будущее, а не в прошлое», — проф. Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел, бывший директор Стокгольмского института исследований проблем мира. («Ньюсуик Польска», 8-14 окт.)

- «Согласно последнему отчету “Трудовая миграция поляков”, подготовленного “Work Service” в мае этого года, 11,8% поляков, имеющих профессию либо являющихся потенциальными участниками рынка труда, подумывают о перспективе трудовой эмиграции в течение ближайшего года. Таких людей 2,6 миллиона. 51% из них — молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, это более 1,3 миллиона человек, которые могут никогда не вернуться в Польшу. Если же расширить понятие молодости до 44 лет, получится, что об отъезде думают свыше 2 млн человек (81% опрошенных)». (Катажина Вежбицкая, «Пшеглёнд», 1–7 окт.)

Экономическая жизнь

Данные Главного статистического управления (которые приводит «Дзенник. Газета правна») об экономическом росте в середине текущего года хотя принципиально и подтвердили более ранние оценки, касающиеся динамики ВВП-брутто (в целом вырос на 5,1%), однако структура роста преподнесла сюрпризы. Прежде всего, это касается инвестиций, которые увеличились по сравнению с минувшим годом на 4,5%, что значительно ниже ожиданий экономистов, предсказывавших, как минимум, сохранение темпов роста первого полугодия, т.е. 8–9%. Что же произошло, почему одна из наиболее важных составляющих экономики снова начинает обваливаться? Экономисты «mBank'a» просчитали, что если бы не действия местных самоуправлений, чьи капиталовложения номинально выросли на 89% (!) по сравнению с прошлым годом, то роста инвестиций могло вообще не быть. Самоуправления вложили в новые проекты суммарно 7,8 млрд злотых. Что это значит? Экономика отлично растет, но этот рост ограничивается, прежде всего, капиталовложениями. А ведь именно инвестиции, особенно направленные на повышение производительности, являются прочной основой для роста ВВП в будущем. Однако же фирмы инвестировать не хотят. Мнения о причинах такого положения вещей разнятся. Экономисты Центрального банка полагают, что частные фирмы не инвестируют, потому что опасаются перемен в хозяйственном законодательстве. Несколько оптимистичнее их коллеги из банка «ING», которые подчеркивают, что в фирмах, не входящих в общественный сектор, растут расходы на машины и оборудование. Таким образом, частные фирмы пробуждаются, чтобы отыскать возможности для лучшего распоряжения производственными мощностями и нейтрализовать воздействие дефицита рабочей силы.

Будущее своих детей поляки видят иначе, чем большинство жителей самых богатых стран мира. Об этом свидетельствуют последние исследования фирмы «PewResearch», о которых сообщает «Дзенник. Газета правна». В богатых странах — прогнозы пессимистические, в Польше — наоборот. Исследования проводились в 27 странах, разделенных на две группы: развитых и развивающихся стран. Польшу отнесли к развитым странам. В этой группе поляки решительно самым

оптимистическим образом представляли себе будущее детей. 59% респондентов в Польше полагают, что их дети, когда вырастут, окажутся в более благополучной финансовой ситуации, чем они сами сегодня. Противоположное мнение у 25% опрошенных. В то же время уверенность, что у детей будет лучше, выказали только 15% французов, 23% британцев, 33% американцев, 37% немцев. В Центральной Европе обследованием была охвачена Венгрия, жители которой также не разделяют оптимизма поляков. 35% венгров верят в лучшее будущее детей, а 41% — не верит. Есть только одна страна, где уровень оптимизма, как и в Польше, превышает 50% Это Россия. В России в благополучное будущее детей верит 51% опрошенных.

Предприниматели, сталкиваясь с дефицитом рабочих рук, все охотнее прибегают к труду заключенных. По данным Министерства юстиции, на конец августа текущего года работало 34,4 тыс. отбывающих наказание, то есть на 1200 больше, чем год назад. Общий уровень занятых трудом заключенных превышает уже 55%. Данные, собранные Пенитенциарной службой, показывают также возрастание количества договоров с фирмами, прибегающими на платной основе к работе заключенных. Сейчас таких фирм уже 1051, в два раза больше, чем в начале 2017 года. С 2016 года действует программа «Работа для заключенных», в рамках которой производственные цеха оборудуют также на территории мест заключения. Благодаря этому, профессиональную активность могут проявить осужденные, которым нельзя покидать пределы мест отбытия наказания. А также улучшается ситуация с безопасностью при трудоустройстве заключенных, поскольку при работе вне исправительного учреждения случаются попытки побега. В интервью для «Дзенника. Газеты правовой» пресс-секретарь генерального директора Пенитенциарной службы подполковник Эльжбета Краковская говорит: «Мы сооружаем цеха, чтобы заключенные работали на месте. Сегодня в нашем распоряжении уже 13 объектов, а до конца года и в следующем году будет сдано в эксплуатацию очередных 14 цехов».

Положение на польском гостиничном рынке неплохое. Чемпионат Европы по футболу в 2012 году показал, что Польша может служить прекрасной базой для организации крупных мероприятий, а связанное с чемпионатом развитие дорожной инфраструктуры, общественного питания, гостиничного

бизнеса позволило польским предприятиям подняться, как минимум, на одну ступень в рейтинге привлекательных туристических направлений в Европе, — пишет в газете «Жечпосполита» Михал Душик. «Евростат» сообщает, что Польша располагает более чем 10 тыс. объектами для ночлега, что составляет 1,7% совокупной базы Евросоюза (для сравнения: соответствующая доля Германии свыше 8%, а Хорватии — около 14%). Перспективы кажутся многообещающими. Об этом свидетельствует экспансия гостиничных сетей и впечатляющий рост числа предлагаемых гостиничных мест, число которых увеличилось на 18%, что выдвинуло Польшу на позиции лидера по динамике. Польша опережает Люксембург (на 8%) или Латвию (на 3%). На 11% возросло также общее количество проданных гостиничных суток.

В Польше ежегодно идет в отходы около 9 млн тонн пищи. Как полагают в «Силезском банке продовольствия», этому можно противодействовать. Потери начинаются еще на этапе производства и переработки, а заканчиваются в домашних хозяйствах. С проблемой пытается бороться 31 продовольственный банк. Один из них, «Силезский банк продовольствия», непрерывно действует с 2001 года. Его миссия — это просвещение общественности, сотрудничество с бизнес-кругами на этапе мониторинга производства, переработки и торговли, а как итог — перенаправление избытков продовольствия в места, где его не хватает. Главная трудность в функционировании банков продовольствия — логистика. Будучи неправительственными организациями, эти банки сталкиваются с нехваткой денег на содержание необходимых складов, закупку автотранспорта для перевозки продуктов. «Силезский банк продовольствия» осуществляет постоянный мониторинг и ежедневно изыскивает 3 тонны продуктов питания, поддерживает 65 различных местных общественных организаций на территории 29 населенных пунктов Силезии. Каждый день деятельностью банка пользуются свыше 50 тыс. нуждающихся.

Е.Р.

Из книги «Псалмы»

Псалом 1

М. М.

есть стихи, которых уже нельзя написать,
и стихи, которых нельзя написать было раньше.
ночью отчаюсь, подумав о детях, утопленных
детях, повешенных детях, сожженных
детях, замученных детях, детских игрушках
в рухнувшем самолете, ведь материнство
пожизненно, а отчаянье ищет зрелищ
и броских обличий, только бы в них воплотиться,
только б укрыться, только бы сохраниться;
так что лучше молчи, говорю, и говорю: никакая
из ваших костей не преломится, скажем,
«ни в чем не будете вы нуждаться», скажем,
«посажено будет дерево у потока вод» —

Псалом 3

на каком языке мне тебя попросить, солнце
чтобы встало завтра для моего ребенка, чтобы
множилась наша пища и длился
круговорот,

как мне спеть это моему ребенку, тебе
как спою я, планета, чтобы ты мне простила,
что родила я голод, что родила
вопрос

ни из чего, как бы мне заручиться
щедростью малых творцов — бактерий
воздуха чистых дождей глюкозы
ла ла

что ляжем мы и уснем, что мы проснемся,
что ляжем мы и уснем, что мы проснемся,
гравитация:

тфи

ла ла

что уложишь нас и уснешь, и что нас разбудишь?

Псалом 4

сорок один год человеческой жизни без войн
одного ли тела довольно
(пережили зиму недоброй вести каникулы)

(пережили весну недоброй вести 2500 утонувших)
вот твой народ
и народ не-твой

(выжили в городах грюнколи городах без глютена)
ждем с нетерпением жизни
продолжительность нашей жизни удвоилась и все растет

(выжили в одомашненных чудесах природы)
не бойся
(в ливне из пикселей лабиринтах мнимого голода)

не бойся дочурка
все прибывает армии наших экспертов
жди и ты жизни
больше и больше жизни

(в красной пустыне под высокой волной из лазури)
не бойся
моя не-моя дочурка

на зеленых пастбищах
моя не-моя дочурка
там тишина там еды без меры
(пережили зиму весну недоброй вести каникулы)
вот твой народ вот народ не —

Псалом 6

секунды сыплются как конфетти съезжает
солнце на снег по стеклам а я теряю
очертания зрение плоть и дом
(мой варшавский бетонный)
начинает звучать

подобием плача: день
что валишься у меня из рук
скользишь из-под ног моих прямо в черный
омут меж звезд накорми
своими останками всех

моих матерей раскрошись
в руки детям моим
и нет —

Псалом 8

эти предметы могут быть гораздо токсичней
чем кажутся в зеркале па-
мяти

восприятия

ожиданий

они не то что поля горчицвета и хлеба или
яблочные сады в мечтах супермаркета

океаны могут быть совершенно другого цвета
чем вышло на пленке
фауна

южных

морей

может быть более мертвой будь осторожен
это ложе мокро от слез

под куполом ветра газонокосилок дронов
дубравы

гробы

и гнезда

«птицы небесные, и рыбы морские, и все, что
движется в безднах морей» —

Псалом 10

бритвой апрельского света пущен из голубой перины
пух облаков, этим же светом разбужена здесь и сейчас
женщина

кармином апрельских сумерек подшита завеса
ливня, из той же воды изваяна здесь и сейчас
женщина

тьмою апрельской ночи укутаны тельца звезд,
этим же мраком полна здесь и сейчас
женщина,

человек

созданный из земли
рождает страх —

Псалом 31

р. к.

синица села на подоконник — весточка
нашептанная туманом, октябрь
переходил в ноябрь по березам дубам ольхам
морозостойким цветам на кладбищах, где
наши отцы не писали воспоминаний, где они
не узнали бы наших детей, не поняли наших
стихов и нас. телевизор показывал Польшу,
которая погибла, потом не погибла, а после снова
погибла, а после нет, а потом вдруг солнце
зажгло кружева ветвей, в тот же миг
синица исчезла в небе — я и сказать не успела
помни, запомни меня —

Псалом 42

нового нет ничего под солнцем
но пусть появляется снова и снова и снова
у нас на глазах во плоти языке на самом деле
(я и забыла, а ведь уже полжизни)

нового нет ничего под солнцем
но пусть появляется снова и снова и снова
в темноте и шепоте и тепле
(нерожденные суть у истока вод)

и чтобы все пело: в дыхании скал
под ногой в пересудах песчанок
клетках ведьминых кольцах
(нерожденные суть у истока вод)

а восклицет бездна рокотом водопадов
мы откликаемся плачем
только бы появлялось и снова и снова и снова
у нас на глазах во плоти языке на самом деле —

Перевод Сергея Михайлова

Марек Заганьчик

Грохов

Прогулки с экскурсоводом

(Фото: Архив)

Любимые книги я читаю фрагментами, в сущности, ищу в них те места, которые запомнил, подчеркнул, снабдил комментарием. Благодаря этому граница между жизнью и литературой стирается, что мне по душе.

Недавно в чудесный летний день на берегу Адриатического моря я перечитывал поразительную запись Пруста о смерти бабушки, втиснутую в детальный анализ салонов. И думал о близких, прежде всего о собственной бабушке. Она отдала мне себя, свой жизненный опыт. Довела до важной калитки, слегка ее приоткрыла и выпустила в мир. Я верю, что бабушка по-прежнему указывает мне путь.

Проходя по улице Новый Свят, где она жила, я вглядываюсь в окна ее комнаты. Не знаю, что там, внутри, происходит, да, честно говоря, это не особенно меня интересует. Я хочу помнить этот дом таким, каким он был, тесно заставленным крупной массивной мебелью, полным фарфоровых статуэток, которые после бабушкиной смерти никто не хотел забирать. В наших квартирах они бы смотрелись чужаками. Я помню, что испытывал тогда чувство стыда, словно не исполнил важный долг. Эти статуэтки были для меня воплощением нежности. Ухоженные, расставленные на накрахмаленных, вышитых салфетках, они заключали в себе мир, куда я жаждал

проникнуть. Напоминали глазурированные украшения на огромных тортах или сахарных барашков — я вечно мучился сомнениями, можно ли их съесть и когда. Бабушка для меня живет в этих статуэтках и нескольких выражениях, которые смешат моих коллег, в мелких чудачествах и упорстве, с каким она отвергала современность. Она всегда была рядом, близко, пожалуй, ближе всех, не защищенная от моей иронии, моего невнимания. Да и сегодня я провожу с ней всего пару мгновений, постою у могилы и ухожу, вечно меня что-то подгоняет, и я снова откладываю давно запланированное долгое свидание. Бабушке я обязан первыми прочитанными книгами, Дюма, Жюль Верном. Она перечитывала их множество раз. Бабушка никогда не была за границей. Чужие названия, которые она произносила на польский лад, немного ей мешали. Теперь я думаю, что чтение позволяло бабушке совершать далекие путешествия, и в эти мгновения ее не было рядом со мной.

Именно бабушка первой показала мне Грохов. Здесь я родился и прожил несколько лет. Потом, вместе с родителями, поднимаясь по ступеням социальной лестницы, оказался на окраине района Саска Кемпа, среди жутких многоэтажек, которые по-своему полюбил. «Привычка, — замечает Пруст, — из всех живущих в человеке растений меньше других нуждается в питательной среде для того, чтобы жить, и прежде других появляется на скале, с виду совершенно голой». Я всегда знал, что путь «Грохов — Саска Кемпа» — это правильное направление, там лежат лучшие края, к которым я постепенно приближаюсь. Собственно, начинались они с улицы Саксонской, также далекой и недоступной. Саксонская открывала дальнейшие горизонты, улицы, названия которых звучали таинственно и отдавали элитарностью: Королевы Альдоны, Нобеля, Французская. Порой, однако, названия вносили путаницу. Ведь наиболее завораживающие уголки располагались не в районе Алжирской и Бразильской, а там, где улицы звались домашними именами — Закопанская, Катовицкая или Вонхоцкая. Из всех этих мест слагалась карта моего детства. Ее границы обозначали садовые участки, широкой полосой протянувшиеся вдоль моей улицы, единственной, чье название ни о чем не говорило, будучи чересчур обобщенным, словно тем, кто его окрестил, не достало фантазии; оно звучало сухо: Международная. Но и у нее были две стороны, края получше и похуже: одинаковые кубики одиннадцатиэтажных домов, отличавшиеся лишь цветом ящиков для цветов, где, как правило, ничего не росло, и дома пониже, кажется, пятиэтажные, из темного камня, где все было меньше, по человеческим меркам. Итак, я обитал на

границе, в узкой полосе ничейной земли, между районами Грохов и Саска Кемпа. И вдруг, вместо того, чтобы продвигаться дальше, к Французской — вернулся на Грохов, в края, неведомые моей памяти. Прячущиеся в садах одноэтажные домики, дома побольше — обшарпанные, зачастую всеми покинутые, дожидаящиеся лучших времен, и голуби, парящие за окном — это были картины для меня новые. Иные масштабы, иные расстояния, иные лица, постоянное движение. Сегодня и здесь строятся новые здания, большей частью приличного вида и хорошей планировки. Вскоре не станет голубятен, исчезнут посвистывающие за окном голубятники. Я брожу по этим меняющимся на глазах краям, словно хочу проложить собственный тракт, протоптать тропинку, которая была бы моей.

Единственное, что помнилось мне из детства — это шум поезда и рельсы, так что первые свои прогулки я совершал в сторону станции. Мне ежедневно открывалось что-то новое и все больше казалось, будто я не в Варшаве, будто внезапно по странной прихоти судьбы перенесся в провинциальный городок, раскинувшийся вокруг костела с издавна видной колокольной. Я полюбил эти места. Узнавал новые названия: Боремлёвская, Сероцкая, Дубеньская. И снова, как прежде, обозначил свою территорию, приняв за границу улицу, звучащую столь же пусто, как и Международная — Общй путь.

Мне, однако, было невдомек, что места, в которых я оказался, значимы также и по другим причинам. Я не подозревал, что из окна своей комнаты смогу рассматривать развалины дома, в котором долгие годы жил Януш Гомбрович, брат Витольда. Это сюда приходили письма из Аргентины, Берлина и Ванса. Я помню, как впервые читал их, помню фрагменты, связанные со смертью матери и сестры, записи, посвященные музыке, главным образом квартетам Бетховена. Гомбровичу я обязан своим восхищением квартетом *cis-moll* (№14) и размышлениям, вызванным словами: «Как-то вы приснились мне все вместе, вся семья, где-то словно бы во Всоле, и я тоже там был, мы встретились впервые после войны; каждый рассказывал, что пережил, но никто не слышал, что говорят другие, потом вдруг появился Паскаль собственной персоной и сказал: живешь в одиночку и умираешь в одиночку». И в другом письме: «[...] что касается смерти, я предпочитаю молчать, потому что говорить тут не о чем. Все мы уже, впрочем, одной ногой там, и, как видишь, неизвестно, кто первый».

Януш Гомбрович умер 9 января 1968 года. Все сведения о нем я почерпнул из книги «Аристократ» Иоанны Седлецкой. Я с трудом представляю его торгующим золотом и валютой в «Роксане» и «Под Аркадами». Однако все отчетливее различаю его силуэт на своей улице, на той стороне, сразу за старыми кленами. «Он жил в маленькой комнатухе — муниципальное жилье на Грохове. Все имущество составляли две рубашки. Если кто-нибудь покупал ему новую одежду — выкидывал в окно. А чем старые тряпки плохи? Пепел с папирос стряхивал себе под ноги, пол всегда был покрыт толстым его слоем».

На месте старого дома вырос новый. Его строили долго, многие месяцы укладывали кирпичи. Он напоминал призрак. Я каждый день смотрел на него, мне было интересно, когда исчезнут старые постройки. Но по-настоящему это место ожило, когда я обратил внимание на знакомый адрес, повторяющийся в письмах Гомбровича. Следуя наказу писателя, я пытался зачаровывать и оживлять прошлое. Разумеется, я искал место для себя, для своего чтения и раздумий. Мне помог вид из окна. «Поэты утверждают, — пишет Пруст, — будто мы обретаем на миг то, чем мы были когда-то, если нам случается попасть в дом или в сад, где мы жили в молодости. Однако паломничества эти очень рискованны, и они приносят нам столько же разочарований, сколько удач. Надежные места, свидетелей различных эпох нашей жизни, нам лучше искать в самих себе».

Перевод Ирины Адельгейм

Культурная хроника

«Золотых львов» — главную премию XLIII Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне (17–22 сентября) получили создатели фильма «Холодная война», поставленного Павлом Павликовским. Действие «Холодной войны» разворачивается в сталинской Польше и за железным занавесом. Это рассказ о трудной любви двух людей — молодой певицы Зули (Иоанна Кулиг) и пианиста Виктора (Томаш Кот). Мелодраматическую историю сопровождает польская народная музыка, джаз и песни парижских забегаловок прошлого столетия. «Холодная война» ранее уже была отмечена на Каннском фестивале за режиссуру, получила также гран-при на «Cinematik International Film Festival» в словацких Пьештянах. Картина также выдвинута на «Оскар» в категории «Лучший неанглоязычный фильм». Права на «Холодную войну» проданы во многие страны мира.

«Серебряными львами» жюри отметило фильм «Камердинер» Филиппа Байона — историческую фреску о польско-немецко-кашубских отношениях на фоне бурных событий первой половины XX века. Однако фильм Байона — это прежде всего развернутое до эпического масштаба повествование о победившей все условности любви кашубского парня Матеуша и немецкой аристократки Мариты.

Жюри фестиваля в Гдыне под председательством Вальдемара Кшиштека присудило также две специальные премии. Их получили Марек Котерский за «оригинальное авторское видение мира» в фильме «Семь чувств» и Войцех Смажовский за «обращение к общественно-важной теме» в картине «Духовенство», рассказывающей о злоупотреблениях в Католической церкви. Кроме того, «Духовенство» получил также премию журналистов и приз зрительских симпатий. Можно было рассчитывать также на «Золотого клакера» (приз за самые долгие аплодисменты на конкурсном показе), однако присуждающее премию «Радио Гданьск» в последний момент аннулировало номинацию, ссылаясь (не без доли лицемерия) на некие технические проблемы.

«Платиновых львов» — премию за совокупность творчества — получил в Гдыне режиссер, актер и поэт Ежи Сколимовский, обладатель, в частности, венецианских «Золотых львов» за совокупность творчества, «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля за «Нелегалов» (в международном прокате «Moonlighting») и «Золотого медведя» Берлинского кинофестиваля за «Старт». Создателя 17 фильмов — в том числе таких незабываемых, как «Особые приметы» и «Руки вверх!» — публика встретила овацией.

— Мои уважаемые коллеги, которые получали такую награду в прошлые годы, — сказал со сцены Сколимовский, — часто давали волю своему красноречию, так что и я дам волю своей немногословности и только поблагодарю от всего сердца за эту премию. Да здравствует свобода в польском кино!

Показу фильма «Духовенство» во время фестиваля сопутствовали бурные эмоции, которые, впрочем, не утихли до сих пор. У картины, затрагивающей проблемы педофилии, алчности и лицемерия в церковных кругах, есть свои горячие сторонники, как и решительные враги. Так, Католическое объединение польских журналистов призвало поляков бойкотировать «Духовенство». Самоуправления в некоторых городах запретили показ фильма в местных кинотеатрах. Однако, несмотря на это, фильм Смажовского бьет все рекорды. Уже после двух недель проката картина оказалась в десятке фильмов, собравших в Польше с 1989 года самое большое число зрителей. Как сообщил 17 октября портал onet.pl, фильм о проблемах и прегрешениях польской Церкви посмотрели в кинотеатрах страны более 3,5 млн зрителей. «Духовенство» опередил «Страсти Христовы» Мела Гибсона и «Титаник» Джеймса Камерона. Самым популярным фильмом польского производства на отечественном экране в XXI веке все еще остается «Quo vadis» (4,3 млн зрителей), но, похоже, ему придется уступить пальму первенства.

Эва Буковская стала лауреатом премии «Перспектива» им. Януша Моргенштерна для режиссера-дебютанта. Награду принес ей фильм «53 войны». Это повествование о супружеской паре, где он — военный корреспондент, а она постоянно и напряженно ждет, когда муж вернется домой. Сценарий создан на основе текстов жены выдающегося репортера Войцеха Ягельского, писательницы Гражины Ягельской («Любовь из камня» и «У ангелов трехразовое

питание. 147 дней в психушке»). «Фильм показывает конкретные проблемы, с которыми супружеская пара сталкивается в специфических жизненных обстоятельствах, — пишет в рецензии Анна Татарская. — Но по сути — это борьба за присутствие, война за любовь, время и внимание, разыгрываемая ежедневно во многих польских домах. В том числе в тех, где женщине не приходится ежедневно готовиться к гибели партнера». Как говорит Эва Буковская, «тема моего фильма — одиночество, и эта тема касается абсолютно всех».

Лауреатом присуждавшейся в нынешнем году 22-й раз литературной премии «Нике» стал Марцин Виха. Жюри под председательством проф. Марека Залеского признало его «Вещи, которые я не выбросил» лучшей книгой минувшего года. Во время торжественной церемонии 7 октября в библиотеке Варшавского университета лауреат получил 100 тыс. злотых и памятную статуэтку; М. Виха стал также обладателем приза читателей «Газеты выборчей». Его эссе, вышедшие в издательстве «Карактэр», рассказывают о том, как герой разбирает вещи, оставшиеся в квартире умершей матери. «Писать о чем-то так личном, как отношения с матерью, — это балансировать над пропастью, это только для литературных орлов», — сказал в приветственном слове в честь лауреата проф. Залеский.

— Здесь область разреженного воздуха: легко улететь в какие-то запредельные высоты или, напротив, впасть в банальность жалоб на нехватку любви. Любви никому никогда не бывает вдоволь. А когда ее очень много, тягостно пребывать в ее сладкой тени. Сегодня мы вручаем премию писателю, который с этими трудностями справляется как мало кто: он пишет о чувствах, которых мы в повседневности стыдимся, и делает это так, что стыдиться нечего. (...) В его книге ничего лишнего: в точки, завершающе предложения, нельзя даже булавку воткнуть. (...) Выставить свое личное на общее обозрение не такое уж достижение. Но претворить личное в общее — это искусство. Только большая литература может сделать приватное общественным». «Нике» не первая премия, которой удостоилась книга М. Вихи: ранее писатель получил «Паспорт „Политики“» и литературную премию им. Витольда Гомбровича.

Впервые за свою тринадцатилетнюю историю литературная премия Восточной Европы «Ангелус» присуждена польскому

автору: лауреатом стал Мацей Плаза (р. 1976) за роман «Робинзон в Болахуве». Прозаик, переводчик, кандидат гуманитарных наук, знаток творчества Станислава Лема, М. Плаза получил также премию им. Натальи Горбаневской, присуждаемую по результату голосования читателей в интернете. 13 октября во время торжественной церемонии в музыкальном театре «Капитоль» лауреату вручили чек на 150 тыс. злотых и статуэтку работы Эвы Россано. Премией (20 тыс. злотых) отмечена также переводчица Эльжбета Соболевская за перевод романа «Память» венгерского писателя Петера Надаша.

«Роман Плазы рассказывает историю семьи, начинающуюся в самый канун Второй мировой войны. Граф из Болахува, владелец дворца и коллекции произведений искусства, предусмотрительно прячет бесценные сокровища, чтобы они не попали в руки оккупантам. Когда граф погибает от рук гитлеровцев, хранителем коллекции остается его садовник», — читаем в анонсе романа, выпущенного издательством «W.A.B.». Дариуш Новацкий в рецензии на страницах «Газеты выборчей» отмечает: «Своим писательским искусством Мацей Плаза противостоит доминирующей сегодня примитивности литературных форм и невнятности языка».

Напомним, что первым лауреатом «Ангелуса» стал в 2006 году украинский прозаик и поэт Юрий Андрухович; премией отмечены также, в числе иных, австрийский писатель Мартин Поллак, венгр Петер Эстергази, Светлана Алексиевич из Беларуси, прозаик из Румынии Варужан Восканян, а в прошлом году — умерший 7 октября в Москве Олег Павлов за трилогию «Повести последних дней».

В шестнадцатый раз присуждалась премия им. Беаты Павляк за лучший репортаж на тему межкультурных отношений. Лауреатом стала Эва Ванат, автор книги «Deutsche наш. Берлинские репортажи» (издательство «Свят ксёнжки»). Писательница стремится ответить на вопрос, как получилось, что Германия, которая развязала Вторую мировую войну, стала сейчас одним из самых открытых сообществ Европы. Журналист и прозаик Беата Павляк погибла при террористическом акте на индонезийском острове Бали в октябре 2002 года. Премия ее имени (денежная составляющая — 10 тыс. злотых) учреждена благодаря пожертвованию, которое она сделала в своем завещании.

18 октября в Центре св. Яна в Гданьске мы узнали лауреатов впервые присуждавшейся литературной премии Поморья «Ветер с моря». В номинации «Художественное произведение года» лучшим был признан роман «Бесчувствие» Мартыны Бунды. Титул «Лучшая поморская книга года» присужден дебютному сборнику эссе «Протестантский Гданьск в эпоху Нового времени. К 500-летию выступления Мартина Лютера» под ред. проф. Эдмунда Кизика и проф. Славомира Косцеляка. Премией за совокупность литературного творчества отмечен Стефан Хвин — романист, литературный критик, эссеист, профессор истории литературы Гданьского университета, многие годы связанный с Гданьском, о чем свидетельствуют, например, одна из наиболее его известных книг, «Ханеман», или литературный путеводитель «Гданьск по Стефану Хвину». Лауреаты получили статуэтки «Ветер с моря» и финансовое поощрение в размере 10 тыс. злотых.

Открывая 22 сентября в Королевском замке в Варшаве 1-й Международный конгресс современной польской литературы и приуроченный к мероприятию проводимый в пятнадцатый раз Хербртовский семинар, вице-премьер, министр культуры Петр Глинский объявил о создании Института литературы, учреждающегося с целью поддержки и пропаганды творчества польских писателей. Министр Глинский сказал, что институт «станет составляющей государственного меценатства в культуре», а деятельность института дополнит работу уже существующих, находящихся в ведении министерства организаций, таких как Институт книги и Государственный издательский институт. Шефом Института литературы должен стать журналист, филолог и философ Юзеф Мария Рушар, по мнению которого «существует настоятельная потребность укрепления литературного сознания в обществе. В Польше мало сознательных читателей. Нам нужен компетентный читатель, ценитель высокой культуры». В интервью для «Еженедельника Польского телевидения» Юзеф Мария Рушар развил эту мысль: «Если в Польше не будет компетентных читателей, не будет высокой культуры, мы станем этнической массой, лишенной элит. К счастью, несмотря на обилие в нынешнем мире разного рода развлечений — легких, не требующих усилий, есть еще люди, готовые принять интеллектуальные и художественные вызовы, стремящиеся приобщаться к высокой культуре. Но не будем себя обманывать. Это лишь немногие. Поэтому наш продукт не предназначен для всех поляков — лишь для определенного процента. Для тех, кто входит либо в будущем может входить в культурную элиту».

Упомянутый Юзеф Мария Рушар должен занять пост главного редактора нового периодического издания — «Ежеквартальника культуры „Надпись“». Лирика, эпика, драма». Как утверждает редактор, в журнале будут публиковаться литературно-критические тексты, посвященные отдельным произведениям. «К каждому выпуску, — добавил Рушар, — мы будем прилагать три книги — популярные монографии, которые помогут усвоить, интерпретировать тексты. В первом номере будут рассказы Марека Новаковского, стихи Юлиана Корнхаузера, а также книга, посвященная творчеству Януша Шубера». Первый номер с тремя монографиями в комплекте выйдет в ноябре тиражом 9 тыс. экземпляров, из которых 7 тыс. планируется разослать по библиотекам университетов и лицеев; как сказал Рушар, «это наш патент на популяризацию писателей».

Новому изданию, под крылом ведомства культуры и с гарантией распространения по учебным учреждениям, разумеется, не грозят финансовые проблемы, с которыми столкнулся журнал «Зешиты литерацке» под редакцией Барбары Торунчик. В декабре выйдет в свет последний, 144-й номер прославленного ежеквартальника. «Зешиты» начали свою жизнь в 1982 году в Париже, а после смены политического строя переехали в Варшаву. На страницах издания печатались тексты, например, Станислава Баранчака, Адама Загаевского, Юзефа Чапского, Чеслава Милоша, Збигнева Херберта, Казимежа Брандыса, Яна Котта, Лешека Колаковского. «Зешиты» публиковали переводы выдающихся мастеров мировой литературы, например, произведения нобелевских лауреатов — Бродского, Гордимер, Хини, Сейферта, Уолкотта. Популяризировали также творчество таких авторов, как Ахматова, Оден, Бликсен, Цветаева, Элиаде, Гофмансталь, Юнгер, Кундера, Набоков, Венцлова.

Высочайшую оценку журналу «Зешиты литерацке» дал Адам Михник: «Издание осознанно элитарное, в самом благородном смысле элитаризма, редакция понимает его как *communio sanctorum*, как собор прекрасных душ. Мне кажется, что именно благодаря «Зешитам» была всерьез поднята проблематика центрально-европейской современности и предпринята попытка найти новые ответы на классические вопросы нашей культуры». Тем не менее, в 2017 году издательство «Агора»

отказалось от финансирования журнала, а долгосрочной поддержки от государственных институций не последовало. Журнал оказался на грани банкротства. В письме-прощании на фейсбуке Барбара Торунчик написала: «Всех, кто хотел бы с нами проститься, прошу прислать в редакцию письма по почте или на e-mail. Спасибо, что вы были с нами, участвуя тем самым в создании «Зешитов литерацких» и придавая смысл нашей работе». Многие читатели недоумевают: «Журнал, существовавший 36 лет, просто закроют? Неужели это конец?»

Прощания

6 октября в Варшаве в возрасте 81 года умерла родившаяся в Новогрудке в 1937 году Гражина Струмилло-Милош — журналист, прозаик, автор книг для детей. Она была второй женой Анджея Милоша, младшего брата Чеслава Милоша. Перевела с русского языка книги Фазу Алиевой, Александра Вампилова, Льва Копелева, Леонида Жуховицкого. Записала воспоминания своей матери о депортации семьи в 1940 году в архангельский лагерь и опубликовала их под названием «С берегов Свитязи — в глубь тайги». В предисловии к первому изданию книги Чеслав Милош написал: «Общественное мнение в Польше имеет право узнать наконец все подробности о судьбах сотен тысяч семей, вывезенных по приказу Сталина с территорий, которые он занял в результате сговора с Гитлером. Будем надеяться, что, как случилось в этой книге, удастся сохранить голос непосредственных свидетелей».

11 октября в Варшаве умерла Зыта Орышин — писательница, журналист, переводчик. В 1962–1972 годах она была женой легендарного прозаика и поэта Эдварда Стахуры, стала прообразом Яблоневай Веточки в его романе «Секерезада». Зыта Орышин сотрудничала с антикоммунистической оппозицией (в частности, с подпольным Независимым издательским домом (издательством НОВА), публиковалась в самиздатовских журналах, преимущественно в «Независимой культуре». В 1981 году входила в состав редакции «Еженедельника „Солидарность”», которым Тадеуш Мазовецкий руководил вплоть до введения военного положения, когда издание было ликвидировано властями. Вместе со вторым мужем, журналистом Анджеем Качинским, работала также в «Жечпосполитой». В 2013 году ее роман «Спасение Атлантиды», посвященный «послевоенной жизни переселенцев с Востока, которые оказались в бывшей немецкой

Нижней Силезии», как она сама это сформулировала «на новой земле и при новом строе», был удостоен литературной премии Гдыни и выдвинут на самую престижную польскую литературную премию «Нике». Зыта Орышин является автором еще нескольких романов, таких, например, как «Наяда», «Мелодрама», «История болезни, история траура» и сборников рассказов. В 2011 году она была награждена Кавалерским крестом ордена возрождения Польши. Зыта Орышин прожила 78 лет.

Выписки из культурной периодики

Польше предстоят почти два года беспрестанной избирательной кампании. После выборов местных самоуправлений последуют выборы в Европейский парламент, в Сейм и, наконец, в 2020-м — президентские. Когда этот номер «Новой Польши» доберется до читателя, первый этап избирательного марафона будет уже позади. Последующие я тут никак не смогу сейчас оговаривать, но это уже не мои проблемы. А пока спешу представить комментарии в прессе, сопровождающие теперешние выборы самоуправлений. Начать будет удобно с короткого текста Анджея Станкевича «Выборы не только местные» на страницах католического еженедельник «Тыгодник повсехны» (№ 43/2018). А при случае, наверное, стоит вспомнить историю этого краковского издания: основанное в 1945 году, оно в 1953-м за отказ публиковать траурные тексты на смерть Сталина было отобрано у его редакции и передано сотрудничавшей с режимом католической организации РАХ, чтобы после «оттепели» 56-го года вернуться к основателям, коллективом которых до самой своей смерти руководил Ежи Турович. Так что не только книги, но и журналы имеют свою судьбу. И, несомненно, это единственный еженедельник, который так долго удерживается на рынке.

Станкевич пишет: «В воскресенье — первая избирательная баталия с момента, когда партия “Право и справедливость” пришла к правлению. После быстрого и подчас brutalного подчинения всех центральных институций, Ярослав Качинскому для полноты власти требуются практически только местные органы самоуправления. В 15 из 16 сеймиков его партия была в меньшинстве. И цель председателя — максимально улучшить этот показатель. Однако кампания ПИС не была удачной. В партии возникли серьезные раздоры при выдвижении кандидатов. (...) Во-вторых, премьера Матеуша Моравецкого, электорального чемпиона ПИС, подкосило его банкирское, либеральное прошлое». Таким образом, для остающейся в оппозиции «Гражданской платформы» эти обстоятельства дают шанс, как минимум, сохранить свое положение: «Выборы самоуправлений для Гжегожа Схетыны — это закрепление его руководящей роли в оппозиции как

создателя “Гражданской коалиции”. Схетына верит, что защитит от ПИС половину сеймиков и победит в ключевых городах. Такой результат, безусловно, дал бы ему годовую передышку на укрепление союза с партией “Современная” и привлечение к себе новых игроков. Даже если “Гражданская коалиция” окажется в нокауте, то Схетына до парламентских выборов не намерен уступать. Он мечтает о выборах, разделенных на два блока — ПИС и анти-ПИС». И, наконец, столкновение на этих выборах ПИС с «Польской крестьянской партией ПСЛ», опирающейся на более чем столетнюю традицию, а ныне с трудом преодолевающей избирательный барьер: «Позиции ПСЛ сильны в самоуправлениях, но партийцам предстоит оценить, какой урон в их электорате нанесло правление ПИС, которая любыми методами борется за сельского избирателя. И это на польской политической сцене — главная интрига выборов: вытеснит ли ПИС “Крестьянскую партию” на обочину? Качинскому, чтобы наверняка побеждать, нужны голоса деревни».

А что значит «наверняка побеждать»? В свое время премьер Моравецкий предрекал правление объединенных правых, прежде всего ПИС, до 2031 года. Не подлежит сомнению, что Качинский строит партию власти, которая будет править много лет. Об этой перспективе пишет на страницах «До Жечи» (№ 42/2018) Камила Барановская в статье «Тестируя новую ПИС»: «Ярослав Качинский осуществляет поколенческую «смену интерьера» в своей партии. Молодые политики, на которых он сделал ставку в нынешних выборах, — существенный номер этого попури. (...) Ярослав Качинский, определяя кандидатами в крупных городах 30–40-летних, изначально отдавал себе отчет в том, что игра ведется за нечто более масштабное, чем лишь победа на выборах. Тем паче, что в крупных городах победа маловероятна. «Предвыборный съезд ПИС имел более значительную цель, нежели представление лиц, выдвигаемых кандидатами на выборах самоуправлений. «Выводили в свет» 30–40-летних политиков, которые могут сыграть роль в последующих выборах. Это относительно молодые люди, которые, если даже на выборах самоуправлений окажутся чем-то вроде разведки боем, могут найти дорогу к электорату из той же демографической группы и послужат лакмусовой бумажкой ее запросов и ожиданий», — комментировал, сразу по итогам съезда, проф. Рафал Хведорук, политолог из Варшавского университета. Председатель ПИС бросает в стремнину политиков, на которых возлагает самые большие надежды. Даже если не победят, кампания по выборам самоуправлений их политически очень продвинет. Они будут усилением списка ПИС на выборах в парламент в следующем

году и надеждой продемонстрировать новое лицо партии — помолодевшей и современной. (...) Не поддерживающие ПИС политики и комментаторы окружили Ярослава Качинского легендой, якобы он осуществляет политику, опираясь исключительно на людей из давнишнего «Соглашения Центр» (...) И эти люди должны были вести игру, принимать ключевые решения. С ними он должен был советоваться и их слушаться. Но этой легенде никак не соответствует то, что Качинский поручил руководство правительством Матеушу Моравецкому, мало того, что политическому дебютанту, так и относимому председателем к категории молодежи (...) Оценка Качинского сквозь призму собственных своих представлений о нем — это самая большая проблема и слабость критикующих ПИС. Председатель же мыслит перспективно. (...) Сегодня он селекционирует новые политические кадры, которым когда-нибудь предстоит определять, какой окажется ПИС в будущем. В этом смысле Качинский более дальновиден, чем, скажем, Гжегож Схетына, который в партийной молодежи усматривает для себя конкурентов и делает все, чтобы задвинуть молодых на партийную обочину. «Я сегодня спокоен, ибо вижу, что мы объединяем поколения», — не мог не отметить Ярослав Качинский во время закрытого собрания фракции после завершения съезда, выдвигавшего кандидатов».

Об огранке молодых талантов заботится не только председатель ПИС, но также шеф партии «Солидарная Польша», входящей в коалицию, образующую лагерь «Объединенных правых», министр юстиции и одновременно генеральный прокурор Збигнев Зебро, о чем можно прочесть в статье Кайетана Кутновского «Молодые, которые не хотят, чтобы „было как было”» в еженедельнике «Сети» (№ 42/2018): «Модернизация Польши, которую начал лагерь «Объединенных правых» после победы на парламентских выборах три года назад, связана также, на что редко обращают внимание, со сменой поколений в структурах общественной администрации. Эта смена базируется на установке, что новую, лучшую, более богатую и более справедливую Польшу построят люди, чье мировоззрение не формировалась в период ПНР. (...) Министр Зебро, оказавшись перед архитрудной задачей, каковой является реформа системы правосудия, решил окружить себя людьми, свободными от обременений, связанных с принадлежностью к прежнему поколению и к соответствующей среде. Хотя часто они состоят во втором или более дальнем эшелоне перемен, которые осуществляет лагерь «Объединенных правых» на ниве реформы правосудия, стоит узнать их поближе, особенно по случаю предстоящих выборов самоуправлений». Одним из таких избранных является Михал Вось, кандидат в депутаты

Сеймика Силезского воеводства от «Объединенных правых»: «*Curriculum vitae* Вося на его 27 только что исполнившихся лет выглядит представительно. Еще недавно он работал в Министерстве юстиции как вице-министр, а затем как уполномоченный министра юстиции по вопросам СМИ. В ведомстве занимался координацией законодательных работ и непосредственной помощью министру в текущих делах, был также шефом кабинета министра и вице-председателем группы по вопросам стратегии. Ранее, в 2014 году, был избран жителями своего родного Рацибужа в городской совет. Был вице-председателем комиссии по бюджету и экономическому развитию. Выступил более чем со 100 инициативами по городским проблемам в виде запросов, добился закупки датчиков угарного газа для малообеспеченных, организовал “Школу лидеров” и “Кузницу предприимчивости” для местных учащихся и студентов. Так же конкретна программа, с которой Вось идет на выборы в сеймик. (...) Как каждый ответственный сотрудник министра Зёбро, Михал Вось — юрист, он выпускник Ягеллонского университета. На такие кадры (...) опирается сейчас Министерство юстиции. Это дает надежду, что молодые люди не поддадутся групповому давлению, а свои амбициозные программы будут осуществлять, как и прежде, несмотря на угрозы, нападки и препятствия, устраиваемые им теми, кто борется, чтобы “было как было”».

Конечно, пафос Кутновского, как приверженца перемен, осуществляемых ныне в польской правовой системе, понятен. Но все же надо помнить, что далеко не все юридическое сообщество, не говоря уже о политических кругах, встречает эти перемены аплодисментами или хотя бы с пониманием, а критические голоса слышны все чаще даже со стороны недавних поклонников ПИС. И еще в статье Кутновского обращает на себя внимание одна деталь, которая, возможно, и не имеет особого значения, однако лично меня изрядно позабавила: автор, многожды упоминая название «Объединенные правые», одновременно как огня боится наименования ПИС и словно хочет внушить читателю, что единственный человек, несущий на себе тяжесть того, что определяется как «реформа системы», — это Збигнев Зёбро. Возможно, те самые «раздоры» в лагере правых, о которых мимоходом упоминает Станкевич в цитируемой выше статье, это совсем не иллюзия, а реальная проблема? Так или иначе, игра, с которой мы сегодня имеем дело, безусловно, многомерная и более сложная, чем может представляться рядовому избирателю.

На этот аспект выборов обращает внимание Рафал Калюкин в «Политике» (№ 42/2018): «В нынешнем году впервые в такой степени местные выборы оказались вписанными в логику большой политики. Как секвентивный элемент более широкого процесса. Что, конечно, следует из радикализма «перемены к лучшему» [этим термином определяется правящая команда], которая не оставила существенного пространства для переговоров о мелких компромиссах. Самоуправление — то есть область прагматической политики, сторонящейся идеологии, относительно невосприимчивой к пропагандистским увещеваниям — оказалось в этой кампании заложником центрального конфликта. По меньшей мере, на уровнях, остающихся в поле зрения общественного мнения всей страны. Ранее местная тематика преимущественно служила обоим противостоящим лагерям в лучшем случае лишь материалом в больших поляризующихся нарративах. (...) Главные партии привлекли для кампании значительные средства. Но звездами регулярно организуемых предвыборных съездов были Гжегож Схетына и Ярослав Качинский. Местным кандидатам отводилась роль стаффажа. Отдельно, однако, следует оговорить участие Матеуша Моравецкого. Глава польского правительства несколько недель служил почти исключительно интересам своей партии. Если бы совершал свои вояжи исключительно в роли лидера «Объединенных правых», это не было бы такой уж проблемой. Увы, Моравецкий, прежде всего, представлял в кампании свое правительство. А его заявления [о финансировании тех самоуправлений, в которые изберут кандидатов от правых] явились беспардонным вмешательством в независимость самоуправляемых субъектов. Началось с невинной «синергии», якобы желательной в отношениях самоуправлений с центром. Затем квази-коррупционная оферта постепенно конкретизировалась: избираете у себя нашего — и вам больше повезет. Отношение общегосударственных элит к самоуправлениям всегда было подшито лицемерием. Публично возносили им хвалы, но потихоньку ограничивали свободу».

Несомненно, любая центральная власть стремится — явно или скрытно — господствовать над самоуправлениями, подчинить их себе настолько, чтобы те не могли своей самоуправляемостью составить проблемы в достижении навязываемых сверху целей. Самоуправляемость независимых от властей организаций оказывается для большинства политиков занозой, с которой не примирятся, пока ее не устранят. А ведь само понятие самоуправляемости должно быть, наверное, ценностью для всех тех, кто взывает к традициям «Солидарности», в названии которой это понятие

было специально подчеркнуто: Независимый
самоуправляемый профессиональный союз «Солидарность».

Внимание, содержит вульгаризмы

Дорота Масловская, фото: К. Дубель

С такой надписью на обложке вышла в Польше новая книга Дороты Масловской «Другие люди». Книга ожидаемая, ведь каждое появление писательницы на литературной сцене становится событием. Ожидаемая как для ее поклонников, так и противников, которые ведут свои битвы в интернете, споря о языке и миссии писателя, что, на самом деле, нечастое явление в сети.

Дорота Масловская дебютировала в 2000 году, получив премию ежемесячника «Твой стиль» за лучший дневник, написанный полькой. Через два года после этого специфического успеха вышел ее дебютный роман «Польско-русская война под бело-красным флагом». Не будет преувеличением написать, что это был лучший дебют десятилетия, а книга потрясла как читателей, так и критиков. Так нахально еще никто не писал. На писательницу обрушился коммерческий и художественный успех, посыпались премии, а три года спустя она опубликовала «Павлина королевы», историю, написанную языком хип-хопа (хоть и без версификации), с внутренними рифмами и повторяющимися рефренами. За книгу она получила литературную премию «Нике», что, однако, удивило многих читателей, в особенности потому, что в «Павлине...»

писательница дошла до границы, за которой ее можно было бы обвинить в языковой стилизации и, что следует за этим, в насмешках классового характера. Последующие годы — это удачное обращение к театру. «Два бедных румына, говорящих по-польски» и «У нас всё хорошо» — это пьесы, выросшие из той же самой потребности рассказать о Польше и ее внутренних конфликтах. Неудачным экспериментом стало возвращение к «классической» прозе в виде книги «Дорогой, я убила наших кошек». В основе романа лежала весьма амбициозная идея — показать опыт среднего класса, находящегося под влиянием потребительства и глобализации. Однако писательница так увлеклась улучшением книги, что та оказалась лишенной увлекательного сюжета и, кажется, слишком простой в формулируемых тезисах. Вышла еще детская книга, которая по своей структуре очень напоминает «Других людей». Может быть, Масловская нарабатывала свой новый стиль?

Масловская еще и фантастическая фельетонистка, которая на страницах интернет-журнала dwutygodnik.pl публикует цикл лихих текстов в стиле «Как установить контроль над миром, не выходя из дому», а также не самая плохая певица, выступления которой под псевдонимом „Mister D” привлекали множество зрителей. Вдобавок, великолепно снятые видеоклипы, пародировавшие различные кинематографические стили, либо обращавшиеся к знакомой из интернета стилистике, продемонстрировали Масловскую как забавного, хотя и печального наблюдателя еще более печальной действительности. Тем более понятно, почему через 13 лет после предыдущего удачного романа, «новая» Масловская стала в Польше событием.

«Проблема Масловской» в Польше состоит в языке, а скорее, в наших ожиданиях от него. Масловская много лет употребляет польский язык в его будничном, разговорном, наиболее распространенном варианте. В то же время, это такой разговорный язык, которого нет в литературе, поскольку литературный польский язык отдаляется от реалий, подобно тому, как у культуры, признаваемой «высокой», появляется все больше проблем в коммуникации с потребителями. У Масловской необыкновенный слух к языку, который позволяет ей улавливать и переносить на страницы своих книг язык в его чистом состоянии, то есть — парадоксально — в наиболее загроможденном, будь то вульгаризмами, просторечиями или англицизмами, наконец, окрашенный грубостью, сокращениями или китчевой метафорикой. И этот метод вызывает неприятие и страх: оказывается, что задача писателя в Польше — по-прежнему утешать и образовывать, ставить цели и служить примером, а не зеркалом, в которое мы смотримся. От литературы всё еще требуют идеалистического,

либо — если уж мы вынуждены допустить веристический реализм — миссионерского характера. Масловская отрицает эти тезисы в предыдущих произведениях — «Польско-русской войне под бело-красным флагом» и «Павлине королевы» — то же самое она делает и в «Других людях».

Свет. На сцене рабочее место кассира крупного супермаркета. С шумом движется лента с товарами. Нам знаком этот диалог. «У вас есть приложение нашего клуба?». — «Нет». — «Не хотите ли установить его себе?». — «Нет». — «Рекомендую приобрести продукты по сегодняшней акции». «Спасибо». Свет.

Нам знакомы эти реквизиты. «За окном свинцовое небо, на ковре иголки/ опавшие с елки, словно иллюзии; его разбудил звук вины и ощущение, что открыто окно, хоть одеяло мокрое/ от пота (...)». Понедельник, подъем. Как она писала в одной из театральных пьес — нужно встать, подмыть задницу и за работу! Но только не с Камилем, вечным комбинатором, братом Сандры, которая орет, что не получит из-за него хорошую оценку за презентацию, сыном женщины, которая постоянно только брюзжит и болтается по дому без конкретной цели. У Камиля есть какая-то там цель, но пока он не раскурит косячок, не выматерится и не сплюнет, ему нет смысла отправляться в город. Город враждебен, люди на билбордах фальшивы, неискренне щерятся герою, в «Кебаб-Кинге» заказан «тонкий с неострым», земля цедит: «Как сам, братуха?». Собираются впятером. Будет дело. На дело ездят трамваем, а там... пассажиры. Бездомный в трамвае, две мымры в черных плащах, Пассажир 1, 2, 3 и Дедуля. Как в мюзикле, в котором посторонние люди вдруг начинают петь вместе с главным героем, так и в «Других людях» каждый может взять, да и подпеть рэпу, который читает Эм-Си Дорис. Камиля, брата Сандры, в многоэтажке с лучшим социальным статусом ждет Ивона. Она позвала его, чтобы починить неисправный бачок в туалете, но достаточно одного взгляда, чтобы всё стало понятно — это будет не последний визит Камиля к Ивоне. Межклассовый роман, хотя, как выяснится, имущественный статус не создает между нами различий в области эротических потребностей. И так вот ведется повествование — напевно, по-рэперски, в виде мюзикла. Описывая перипетии гопников и новых поляков, Масловская спрашивает: «Почему хорошие могут быть хорошими, а плохие не могут?». Кто и что в ответе за это? Какие силы воздействуют на наших героев? Можно ли сбежать от Польши, от района, от себя? Почему мы знаем, как закончится история Ивоны, Мачека, Камиля и Анеты? «Почему плохие могут себе быть плохими, а хорошие должны оставаться хорошими?». Нам никогда не найти ответа на этот вопрос, и, кажется, именно о безнадежности таких поисков повествует нам писательница.

Свою историю Масловская рассказывает стихотворными строчками, иногда с рифмами, иногда с ритмом, но не привязываясь ни к какой конкретной форме. История о людях, живущих в большом городе, у которых есть своя нормальная жизнь, усложняющаяся, когда они встречаются друг с другом, что является имманентной чертой не знакомых ранее между собой героев. Казалось бы, Масловская не рассказывает ничего нового, замыкаясь в языке, которым она виртуозно владеет, а в повествовании повторяет то же самое, что уже появлялось в «Войне» или «Павлине королевы». И такие обвинения, действительно, звучали в польских рецензиях. Справедливо ли? Фактом остается то, что Масловская — это писательница, вся идея творчества которой основана на описании конфликта между польским классом обитателей многоэтажек и представлениями интеллигенции о Польше. В этом столкновении возникают выразительные, просто архетипические образы героев, на первый взгляд, часто достигающих успеха, например, работая на корпорацию и переместившись в средний класс, но ментально по-прежнему оставаясь в сфере своего квартала трущоб. Ведь для Масловской наиболее интересна именно та Польша, которую уже никто не хочет показывать, к которой все уже, казалось бы, привыкли. Она уже не вызывает ни ужаса, ни сенсации, как в 90-е годы, не становится предметом разнообразных литературных увлечений, как в начале XXI века, но всё еще существует. И именно об ее существовании напоминает Масловская. Ведь, хотя многое изменилось, и Польша из бедной страны превратилась в относительно зажиточную, а Варшава из пыльной бетонной столицы — в дружелюбный город, наполненный новыми инвестициями не только для корпораций, но и для горожан, мир многоэтажных трущоб никуда не исчез. Неизменный, устойчивый, где читают газетки сетей дешевых супермаркетов, смотрят приятные, простые и очень пестрые программы, в которых все еще живы артефакты времен трансформации строя, а IKEA не полностью заменила пост-ПНРовский дизайн.

Масловская пишет по-польски, хотя уже есть выражение «писать по-масловски». Каждый поляк говорит по-масловски, но значительная часть общества считает ее литературный успех (главная польская литературная премия «Нике» за «Павлина королевы») либо результатом сговора критиков, либо личным оскорблением. Это трудные взаимоотношения, как трудны и польско-польские отношения вообще. Классовый конфликт, которым питается проза автора «Других людей», всё еще актуален и раздувается как политиками, так и СМИ. Масловская напоминает нам, что перемены поверхностны, и мы по-прежнему внутри ее песенки, может быть, похожей, но

спетой всё же иначе, нежели в предыдущих книгах. Мы поем те же песни на новый лад, кажется, говорит нам Эм-Си Дорис. А может быть, она все-таки неправа, и скрывает за языком неспособность сказать что-то новое? Точно известно одно — в интернете теперь есть, о чем спорить.

Перевод Владимира Окуня

Вот так скандал!

Часть вторая

Словацкевич

«Конфликт Словацкий-Мицкевич» до сих пор будоражит воображение поляков. На эту тему появляются сатирические фильмы, «фан-страницы» в фейсбуке и бесчисленные т.н. мемы и фан-арты. Поэтов представляют яркими врагами, а Юлиуш Словацкий заработал репутацию закомплексованного. Тем временем, кажется, что конфликт поэтов до определенной степени является фикцией, созданной ради упорядочения знаний о них: ведь это, в первую очередь, Словацкий находился в «конфликте», тогда как Мицкевич почти совсем не ввязывался в него.

В июне 1822 года получивший признание молодой поэт Адам Мицкевич посещает салон Саломеи Бекю^[1]. Там он впервые встречается 13-летнего Юлиуша Словацкого. Подросток стал свидетелем полемики Яна Снядецкого^[2] с Мицкевичем, а также видел, как его отчим пародировал возглас «Кыш!», звучащий во 2-й части «Дзядов». Говорят, что это вызвало возмущение и даже слезы Словацкого, который бесконечно ценил творчество Мицкевича.

Об уважении Словацкого к Мицкевичу свидетельствует просьба юного поэта, который попросил Антония Одынца^[3] передать Мицкевичу свой первый роман в стихах. Роман был озаглавлен «Шанфари» и, вместо того, чтобы попасть к Одынцу, оказался у еще одного друга Мицкевича — Францишека Малевского. Тот выбрал фрагменты, снабдив их неодобрительным комментарием, и переслал Адаму. Реакцией Мицкевича было молчание.

В конце концов, Словацкий услышал «рецензию» на свою поэзию — ему пересказал ее кто-то из круга польской эмиграции. Поэзия Словацкого, по мнению Мицкевича, была, как «здание, возведенное прекрасной архитектурой, как величественный храм — но в храме нет Бога...». Словацкий вначале неверно интерпретировал слова старшего коллеги. В письме к матери он писал: «(...) он сказал, что моя поэзия прекрасна, что это здание, возведенное прекрасной архитектурой, как величественный храм — но в Храме нет Бога... Правда, это красивая и поэтичная фраза? — подобно его сонету „Rezygnacja”^[4]».

После выхода 3-й части «Дзядов» (1832), в которой изображен в негативном свете отчим Словацкого, поэт принимает решение уехать из Парижа. Однако Словацкого оскорбило, видимо, изображение не отчима, а матери — поскольку ее отчаяние стало предметом насмешек (в пьесе звучат слова: «Слышал ты крик из дома? Ха, дьявол с ним!»^[5]). В том же году Словацкий пишет матери письма, в которых язвительно комментирует взгляды и внешность Мицкевича: «Вы не можете себе представить, как по-лидерлиховски [неопратно] он выглядит с помятым воротником сорочки и в засаленном фраке...». В другом письме он пишет: «В разговорах [Мицкевич] постоянно выводит на передний план религию — оправдывает папу, даже буллу — словом, как ныне живущий человек, он мне не нравится».

Нет сомнений, что Словацкий питал неприязнь к Мицкевичу, это подтверждает письмо к матери от 1833 года: «Я страдаю всякий раз, когда люди хотят услышать мое мнение об Адаме. Я ненавижу его...». В письме к матери Словацкий признается также, что хотел вызвать Мицкевича на дуэль, однако его отговорил от этого старый друг Михал Скибицкий.

Событие, действительно разрушившее отношения поэтов, имело место в ночь с 24 на 25 декабря 1840 года. Именно тогда состоялся пир у Эустахия Янушкевича^[6], организованный в честь торжественного открытия лекций Мицкевича в Коллеж де Франс.

Словацкий жаждал примирения, поэтому, когда начались импровизации, и его вызвали — он смирился: «Ты победил меня, умирающим львом падаю к ногам твоим [...] на стебле моей жизни выросли два цветка, один зависти и гордости, этот увядает, второй — любви к тебе, свежерасцветший. Склонись и сорви его».

Затем поднялся Мицкевич и произнес благожелательную к Словацкому импровизацию. Она, как говорили, глубоко тронула присутствующих: Станислав Ропелевский^[7] бился в конвульсиях, а Словацкий рыдал. Поэты пали друг другу в объятия и обменялись похвалами на тему творчества друг друга. Вероятно, это событие покончило бы с обидами Словацкого на Мицкевича, если бы не вышла анонимная статья «Импровизаторы», в которой было написано, что Мицкевич отказал Словацкому в звании поэта. Словацкий ожидал, что поэт-пророк опровергнет эту информацию, однако Мицкевич вновь выбрал молчание. Разозленный Юлиуш написал ироничный фельетон, несколько стихотворений и увенчал это поэмой «Бенёвский», в которой нападал на значительную часть польской эмиграции. В связи с этим была организована тайная встреча (одним из ее участников был Мицкевич), чтобы

избрать смельчака, который должен был драться на дуэли со Словацким. Выбор пал на Ропелевского.

15 июня 1841 года в назначенное место прибыл Словацкий со своими секундантами, тем временем противник —

Ропелевский — не явился. Его секунданты, уже знавшие, что Ропелевский трусил, пытались заставить Словацкого извиниться, однако тот остался непреклонным, а потом насмеялся над ними в письме к матери.

Как Мицкевич, так и Словацкий были членами Круга Божьего Дела, основанного Анджеем Товяньским. Адам среди товианцев играл роль избранника, Брата-Пророка, его обожествляли и почитали. Однажды Мицкевич раздавал членам Круга медальоны Богоматери Непорочной, чтобы получить такой медальон, нужно было со смирением и на коленях попросить об этом Пророка и поцеловать ему руку. Это отказался делать Юлиуш Словацкий, чем вызвал бурю в сообществе. Его пытались убедить, что он поступил плохо, однако он не намерен был унижаться. Более того, он отказался от участия в мессе за душу царя Александра, а это, как говорят, вызвало резкую реакцию Мицкевича, который якобы вышвырнул непокорного коллегу за дверь, крикнув: «Пошел вон, дурак!»^[8] Действительно ли Мицкевич так обошелся с младшим коллегой? Неизвестно. Зато известно, что Словацкий вышел из Круга Божьего Дела. Пути поэтов разошлись.

В письмах Мицкевича имя Словацкого появляется всего четыре раза. Лишь дважды Пророк упоминал о творчестве Словацкого на лекциях в Коллеж де Франс. В то же время, нельзя забывать о том, что по вине Владислава Мицкевича, сына поэта, многие источники были уничтожены, поэтому восстановить действительное отношение Адама к своему «конкуренту» почти невозможно.

Безбожная пророчица

В 1875 году в газете «Калишанин» появляется стихотворение некоего Марко под названием «Зимнее утро». Это был поэтический дебют 33-летней Марии Конопницкой, зрелой и благополучной женщины, матери целого выводка детей. В 1876 году в журнале «Тыгодник иллюстрированы» публикуется поэтический цикл «В горах» — так начинается карьера Конопницкой.

Именно цикл «В горах» попался на глаза журналисту и рецензенту, известному под псевдонимом Литвос, который впоследствии вошел в историю польской литературы в качестве автора наиболее читаемых и высоко ценимых произведений — это был Генрик Сенкевич. Он написал восторженную рецензию на стихи Конопницкой. Ее можно было прочитать в «Газете польской» в 1876 году: «[...]Мария

Конопницкая. Я не знаю этой поэтессы [...] В любом случае эта девица или дама обладает настоящим талантом, который пробивается сквозь стихи, словно лучи солнца сквозь туман». В 1878 году Конопницкая совершает смелый даже по нынешним меркам шаг — забирает своих шестерых детей и уезжает от мужа в Варшаву. Средства на переезд дал гонорар, который она получила за стихотворение «Клаудия». С этого времени именно в руках Марии оказалась материальная судьба семьи — ей приходится содержать детей, а порой и высылать деньги покинутому Ярославу Конопницкому. Поэтесса закатала рукава — давала уроки и рассылала стихи в журналы. Ее заметила Элиза Ожешко — признанная, читаемая и узнаваемая во всей стране писательница, имевшая собственное издательство. Она получила в редакции журнала «Клосы» адрес Конопницкой, и между ними завязалась переписка. Их дружба, продлившаяся всю жизнь, была отмечена взаимной поддержкой и сотрудничеством.

В 1879 году Конопницкая в письме к Ожешко упоминает о произведении большого объема, которое называется «Из прошлого: драматические фрагменты». Оно состоит из трех частей, и каждая из них имеет своего героя. Это Андреас Везалий (отец современной анатомии), Галилей (физик и астроном) и Гипатия (философ из Александрии). Это истории о борьбе, которую «свободные умы и души во все века вели против мощи традиций и веса Церкви».

Поэтесса хотела опубликовать это произведение в качестве приложения к журналу «Тыгодник иллюстрированы». Редакция, вначале заинтересовавшаяся, ознакомившись с текстом, предложила цензурные правки, на что писательница не согласилась. Журнал отказался от публикации.

Расстроенная Конопницкая пишет Ожешко: «Дорогая Элиза. «Тыгодник иллюстрированы» считает мою работу слишком либеральной; им пришлось бы, как они говорят, вывешивать новые знамена. Сжатая в газетных столбцах, она бы не так обратила на себя внимание, но в отдельной книге обязательно стала бы предметом замечаний, за которые «Тыгодник иллюстрированы» не чувствует себя в силах нести ответственность перед рядами своих читателей. [...] Поэтому случилось так, что я забрала рукопись — и посылаю ее Тебе, моя Элиза, так как есть. Просмотри и сообщи мне, по мере возможности, быстрее, захочешь ли ты это печатать и когда. Я потому тебя спрашиваю «и когда» — что работа пером, помимо идеальных, имеет для меня и практические цели, в значительной степени способствуя содержанию семьи». Ожешко оценила красоту произведения, однако поняла и то, почему испугался «Тыгодник иллюстрированы» — ведь это был шедевр ереси, нечто противоречивое и абсолютно

недопустимое. В сомнениях, Ожешко попросила совета у Теодора Томаша Ежа^[9], которому призналась, что боится, издав работу Конопницкой, потерять свою аудиторию. Решительный Еж посоветовал ей угодить «и волку, и козе», то есть издать книгу отдельно, вне руководимого ею издательства. Еж также обещал помочь в распространении книги среди польской эмиграции, а также принять участие в полемике с католической прессой.

Так и произошло. В декабре 1880 года выходит произведение Конопницкой. Быть может, это стало бы прекрасным началом конца карьеры Конопницкой, если бы не то, что книга появилась через год после того, как Ожешко получила рукопись. А за этот год Конопницкая стала любимой поэтессой Варшавы. Лучшие актеры на специально организованных вечерах декламировали ее стихи, а сама она обрела статус звезды. В это время Элиза Ожешко активно включается в продвижение подруги — в письмах к знакомым она расхваливает талант Марии, а получив лестные рецензии на стихи Конопницкой, сразу же публикует их в газете «Новины». Писательница уговаривает знакомых читать и рецензировать Конопницкую. Сенкевич тоже присоединился к дифирамбам в адрес поэтессы. Иначе было нельзя — Конопницкая превратилась в народного поэта, а за ее произведения сражались лучшие издательства страны.

В тот момент, когда ею восхищались толпы поклонников, вышло «Из прошлого. Драматические фрагменты». Рецензенты сделали глубокий вдох, чтоб через мгновение вылить на Конопницкую ведро помоев. В «Газете польской» появилась рецензия, подписанная «§», в которой автор отрицательно оценил произведение, а также обвинил поэтессу и издательство в отсутствии патриотизма. Сенкевич тоже резко высказался по поводу книги, написав, что «Фрагменты» «[...] наделали столько шуму, что это было *too much about nothing*^[10] [...]».

Впрочем, мы не думаем из-за этого небольшого отклонения делать фатальные выводы о таланте госпожи Конопницкой в целом. Мы знаем, что иногда что-то пишется с неохотой, иногда без вдохновения, по требованию какой-нибудь редакции, а тогда хватаешься за первую попавшуюся тему — но это плохо, что так бывает. Талант, когда, действительно им обладаешь, следует беречь, а прежде всего, кормчим на этом корабле с пурпурными парусами назначить хороший вкус. Иначе корабль может разбиться [...] не удалась даже форма, даже этот язык, столь выразительный, звучный и обильный, который всегда был знаменитым и неоспоримым достоинством Марии Конопницкой. Вообще, этот талант в последнее время начал идти в каком-то несвойственном себе

направлении».

Ожешко не могла оставить подругу в беде и ринулась на подмогу. Писательница ответила на рецензию, помещенную в «Газете польской». Ее текст был столь обширен, что его пришлось публиковать в трех номерах газеты «Век», испуганная редакция которой заявила, что не разделяет мнения писательницы.

Ожешко доказывала, что произведение Конопницкой — не атака на Церковь и объясняла, что Конопницкая не антиклерикальна. Она аргументировала, что поэтесса защищает свободу совести, а то, что существуют неудобные вещи, не означает, что о них нельзя писать: «Не писать — поскольку такие темы нравятся немецким национал-либералам? Значит ли это, что о таких вещах лучше не писать? И что же происходит? То, что молодежь, не находя в польской литературе тем, обсуждаемых на Западе, с презрением отворачивается от нее и лишается национальных корней. А что поделать с тем, что критицизм — это отличительная черта времени?».

За Конопницкую стеной встали писатели, а «папа польского позитивизма» — Александр Свентоховский — писал: «А если вам обязательно хочется кого-нибудь осуждать, если это необходимо вам для жизни, для здоровья, для хорошей репутации, то лучше уж преследуйте смелые мошенничества, а не смелые мысли».

В газете «Пшеглэнд католицики» появилась анонимная рецензия: «Из того, что мы сказали, достаточно ясно, что книжка г-жи Конопницкой насквозь пропитана фальшью, что ее мысль безбожна и кощунственна. На хрупком основании нескольких фактов, соответственно переиначенных в своих стихах, она еще раз бросила в лицо Церкви гнусные обвинения».

Предводитель краковских консерваторов — историк литературы Станислав Тарновский — обвиняет Конопницкую и издательство в измене патриотическим чувствам.

Конопницкая до конца жизни будет ощущать последствия издания «Фрагментов». Первые проявились уже через год, когда на рынке появилась ее «Поэзия». За томик она получила небольшой гонорар, а католическая пресса и рецензенты встретили его молчанием. На этот раз поэтесса не осталась пассивной. Она обратилась к Юзефу Игнацию Крашевскому^[11] с просьбой о рецензии на ее стихи. Крашевский дал оценку: «Конопницкую без опасения можно поставить рядом с нашими крупнейшими мастерами».

Однако и это не помогает. Серьезные и читаемые журналы, такие как «Плющ», «Тыгодник иллюстрированы» или «Клосы» отказываются печатать ее произведения. Для Конопницкой это

означает финансовые проблемы.

Поэтесса возвращается к репетиторству и приступает к переводческой работе — ведь она знает немецкий, французский и русский, а в будущем выучит еще чешский, английский и итальянский. Она трудится сверх меры и занимается тем, чего не любит. На спасение спешат Антоний Петкевич, известный как Адам Плуг^[12], и Мария Ильницкая^[13], которых осеняет идея, чтобы Конопницкая публично прочитала Символ веры и таким образом открестилась бы от еретиков. Она поступила так и была спасена, однако до конца жизни осталась верна своим убеждениям: клеймила политику Ватикана, критиковала ханжество, а также подход Церкви к науке и вмешательство клира в интимную жизнь людей.

Через много лет после публикации «Фрагментов» состоялся торжественный юбилей 25-летия творчества Конопницкой, в организации которого участвовала Ожешко. Это было яркое и громкое событие: одним из его элементов было торжественное шествие. Конопницкая получила от благодарного народа усадьбу в Жарновце. Это также стало хорошим предлогом, чтобы припомнить «грехи» поэтессы. В консервативном журнале «Роля» восхваляли позицию Станислава Тарновского, который не подписался под телеграммой с поздравлениями для Конопницкой. Там говорилось: «он не согласен участвовать в чествовании поэтессы, которая в начале своего творчества бросила насмешливо-ироничное: «Сыт ли ты, Рим?», а не очень давно накропала пасквиль на великого папу Леона XIII». В другой статье мы читаем: «Ни один из наших бардов, если не упомянуть сарказмов Словацкого [...] не выявил такого яда ненависти по отношению к религии наших прадедов, сколько его извлекла из себя г-жа Конопницкая».

Она не была лишь жертвой преследований, но и сама, несмотря на репутацию скандалистки и нападки в ее адрес, умела бойкотировать других авторов. В 1907 году она приняла участие в юбилее Элизы Ожешко на Всепольском съезде женщин, где, возмущенная выступлением 23-летней Зофьи Рыгер-Налковской, покинула зал. Ведь Налковская добивалась «изменения ценза добродетели», то есть высвобождения женского эротизма и сексуальности. На это Конопницкая, которая оставила мужа, имела в романы с мужчинами гораздо моложе себя, объявила войну Церкви и жила с другой женщиной (что до сих пор дает пищу воображению), согласиться не могла.

Она умерла 8 октября 1910 года, а ее похороны превратились в большую патриотическую манифестацию. Многотысячная толпа прощалась с Конопницкой, однако не было в ней

служителей Церкви, так как из-за запрета архиепископа Бильчевского было отменено участие духовенства и выступление епископа Бандурского. Прощальную речь произнес Ян Каспрович^[14], выразивший надежду, что в будущем поэтесса будет перезахоронена на Скалке^[15]. Этого не случилось. Она и доныне покоится на Лычаковском кладбище во Львове в Пантеоне великих львовян.

Отщепенец

Сегодня она наверняка была бы знаменита, если бы не одно из ее жизненных решений, до сих пор вызывающее смешанные чувства. Родившаяся 25 июля 1876 года Мария Коморницкая оказалась литературным вундеркиндом. Дьявольски способная и быстро замеченная, она избрала для своей жизни неожиданное и противоречивое направление.

В возрасте 13 лет Марию отправляют в Варшаву, где она учится под присмотром лучших академических педагогов — в том числе Петра Хмелёвского. Три года спустя, благодаря финансовой помощи отца, заметившего ее огромный талант, она выпустила сборник рассказов «Наброски».

В Варшаве она завязала знакомства с людьми намного старше ее — Вацлавом Налковским^[16] и Цезарием Еллентой^[17], повлиявшими на развитие ее интеллекта и взглядов на искусство. Однако дружба с «евреем и социалистом», как назвал их отец Марии, вызывала сплетни и возмущение. Аугустин Коморницкий выдвинул дочери ультиматум: либо она возвращается в родной Грабов, либо уезжает учиться в Оксфорд. Девушка выбрала отъезд. Там она попала на подготовительный курс, однако Оксфорд разочаровал Марию. Она писала с горечью: «Это на самом деле фарс, то, что здесь происходит, ни у одной нет огня в глазах, ни в одной нет решительности, ректор по-прежнему имеет право арестовать любую женщину, которую встретит вечером одну на улице». Коморницкая сбежала. Обеспокоенный Аугустин Коморницкий ожидал дочь в варшавском отеле, до которого она так и не добралась, потому что... спряталась дома у Вацлава Налковского. Неудивительно, что слухи о романе молодой девушки со зрелым и женатым Налковским вспыхнули с удвоенной силой. Вскоре после этого ее отец умер от инфаркта, а семья обвинила Марию в том, что к этому привело ее скандальное поведение. В 1895 году Мария, которой едва исполнилось 19 лет, 34-летний Еллента и 44-летний Налковский выпускают «Форпосты» — программный манифест модернизма. Этот факт доказывает, какое положение занимала юная Коморницкая среди тогдашней интеллигенции — она была молодой, была женщиной, и, несмотря на это, стояла плечом к плечу со

зрелыми авторами и солидными мужчинами, провозглашая свои взгляды.

Цезарий Еллента восхищался Коморницкой, он писал о ней: «Откуда взялся этот гениальный гном в юбке, этот живой ящик Пандоры: насмешек, иронии, пародий и карикатур, славянская нимфа из древнего шляхетского рода, парадоксальная смесь высокомерия и жизненной наивности, колючести и невыразимой сладости».

После того, как дружба с Еллентой закончилась, Мария коротко остригает волосы.

Коморницкая ни во что не ставила условности и в возрасте 22 лет призналась в любви поэту Яну Леманьскому, который был почти на десять лет старше ее. К сожалению, избранник ее сердца был болезненно ревнив, что продемонстрировал, выстрелив в жену и ее предполагаемого любовника... Затем он предпринял неудачную попытку самоубийства — отсутствие патронов в револьвере успешно этому помешало.

Мария простила мужа, а одну из пуль, извлеченных из ее тела, велела оправить и носила с часами в качестве украшения.

Леманьский провел несколько месяцев в тюрьме, любящая жена ежедневно проходила под его окном и бросала ему в камеру каштаны. Когда Ян вышел из тюрьмы, пара отправилась в свадебное путешествие, которое закончилось очередным скандалом и разводом.

В более поздний период писательница подружилась с Зеноном Пшесмыцким^[18] и писала для его знаменитого литературного журнала «Химера». Под влиянием еще одного авторитетного мужчины Коморницкая стала звездой младопольской поэзии. В это время под своими рецензиями и переводами она подписывалась как Петр Власт. Псевдоним предложила ее мать — Анна Дунин-Вонсович. Петр Влостович, в честь которого Мария взяла псевдоним, был палатином князя Болеслава Кривоустого и считался основателем рода Дунинов-Вонсовичей. Спустя годы Мария якобы сказала матери, что когда она впервые подписалась как Петр Власт, в ней пробудилась истинная — мужская — идентичность.

Наступил 1903 год и отъезд Марии в Париж. Тогда проявляются и первые симптомы психического заболевания, от которого страдала писательница. Она спрашивала мать в письмах, слышит ли она тоже ангелов в сумерках. В письмах сквозит также неприязнь к своей женственности и желание быть кем-то «средним». В этот период Мария посещает Польскую библиотеку, где происходит несколько тревожных инцидентов. Однажды она встает на колени посреди зала и начинает молиться. В другой раз ее выводит из равновесия поведение библиотекаря, который обращается к присутствующему в библиотеке Владиславу Мицкевичу «пан Мицкевич». Мария же

утверждала, что единственно правильное определение — это «Адамов сын», в связи с чем вылила на виновника стакан воды. Известия о беспокоящем поведении дочери дошли до матери, которая в обществе сестры Марии и врача поспешила в Париж. У Коморницкой диагностировали переутомление и депрессию — девушку поместили в центр для нервнобольных под Парижем, где она выздоровела и вернулась к литературным занятиям.

Однако на этом всё не закончилось. Через какое-то время Коморницкая пошла к дантисту и почти насильно заставила его вырвать ей все зубы. Этот факт интерпретируют по-разному. Самое популярное суждение — что Мария хотела изменить форму челюсти и стать похожей на мужчину. Другие исследователи утверждают, что у нее были садомазохистские склонности, а кто-то считает, что у нее просто были испорчены зубы, которые болели и которых она стыдилась.

На этот акт вновь отреагировала мать, решив на этот раз, что заберет дочь на курорт в Кольберг (Колобжег). Тогда верили, что морской воздух — лекарство от всех болезней, в том числе психических. Женщины отправились к морю. Во время поездки они остановились в познанском отеле. Там Мария сожгла все женские наряды и потребовала мужскую одежду — период ее женственности закончился, заявила она и велела обращаться к ней «Петр Одмонец Власт» (при этом слово «одмонец»^[19] тогда означало также «измененный», «преображенный»). У родных не было сомнений: девушка сошла с ума.

С той поры в течение семи последующих лет Одмонец скитается по психиатрическим лечебницам. Он убежден, что его отец был польским королем, а сам он — наследник престола. В письмах он пишет: «Я требую избавить меня от жалкого положения сумасшедшего в этом заведении. Мое половое недоразвитие не является причиной для того, чтобы истязать мой дух, который здоров и требует поля деятельности. [...] Так что, прошу тебя, дорогая Мама, не оттягивай с освобождением меня из здешней западни. [...] А я, пусть мне до самой смерти не суждено узнать причины всей этой таинственности, никогда не буду сумасшедшим, даже если вы нагромоздите надо мной целую гору самых неоспоримых “доказательств”».

И подписывается: «Твой сын».

Когда началась первая мировая война, брат забрал Одменца в родной Грабов, где тот, наконец, мог свободно творить. В течение следующих 30 лет Одмонец жил на чердаке, ходил в лес и в магазин, где закупал табак, кофе и чай. По ночам он писал. В 1917–1927 годах он создал посвященное своей матери произведение «Книга идиллической поэзии». Петр также практиковал йогу и другие упражнения, которые должны были подготовить его тело к левитации — он просил брата написать

по его вопросу в Департамент авиации. Внуки брата называли его «дедушка Петр» и были уверены, что это мужчина. В конце Второй мировой войны в Грабов вошли советские войска — семье Одменца пришлось бежать, однако сам он страдал артритом, из-за чего оказался в приюте в Изабелине. Там его отыскала давняя подруга из Варшавы Зофья Вийон-Царт. Возможно, это, а может быть, и что-то совершенно иное, вернуло к жизни Марию Коморницкую — с тех пор в переписке с Зофьей, а также в письмах к младшей сестре, Одмонец вновь подписывается как Мария.

8 марта 1949 года, в возрасте 73 лет, Одмонец умирает. Хоронят его в платье — за гробом идут лишь монахини и младшая сестра покойного.

Причины метаморфозы Марии усматриваются в ее трудных отношениях с отцом, которого называли тираном (он якобы не чурался насилия и мог поднять руку на детей), а также в происшествии, имевшем место, когда Мария жила в Варшаве. Подростком Мария влюбилась в своего кузена Болеслава Лютомского, который поначалу ответил взаимностью, но через какое-то время отверг девушку. Из-за этого Мария решила утопиться в Висле. Вечером она отправилась к реке. По дороге она встретила полицейских, которые приняли ее за проститутку и забрали в участок, где она подверглась гинекологическому обследованию. Вероятно, она была тогда изнасилована, поскольку якобы именно так выглядело это обследование — однако нет доказательств, что дело приняло именно такой оборот. В то же время, несомненно, что это переживание было травматичным для Марии.

Футуристы-скандалисты

Однажды на перекрестке оживленных варшавских улиц остановился молодой мужчина. Он достал пистолет, приложил к виску и выстрелил. Вокруг собралась испуганная толпа. Этим человеком был Анатоль Стерн, который решил таким образом добавить известности своим стихам. Когда он решил, что людей собралось достаточно, то «воскрес» и начал расхваливать свой сборник. Это лишь один из «перформансов», которые имели на своем счету представители польского футуризма. Футуризм в Польше развивался в двух центрах: в Кракове и Варшаве. В Варшаве царили Анатоль Стерн и Александр Ват, а в Кракове — Бруно Ясенский, Станислав Млодоженец и Титус Чижевский. Членам движения нравились диспуты и встречи с публикой, поэтому они организовывали т.н. «поэзовечера» и поэтические собрания. Сегодня мы сказали бы, что это были своеобразные артистические хэппенинги, на которых они не оставляли публике иллюзий — поэты ни на секунду не собирались соблюдать общественные нормы.

Футуристы оскорбляли зрителей, кричали, сидели на столах, писали смелые эротические стихи. Ясенский продавал «Песню о голоде» из бельевой корзины. Один из вечеров варшавской группы состоялся в Еврейском академическом обществе, где Стерн и Ват зачитывали антисемитские доклады^[20], что закончилось скандалом. В другой раз они устроили публичные похороны Уитмена, а однажды в воскресенье у варшавян была возможность наблюдать необычное зрелище в виде обнаженного Вата, лежавшего в тележке, которую катил Стерн. 8 февраля 1919 года в концертном зале Германа и Гроссмана состоялось первое выступление футуристов под названием «Субтропический вечер, устроенный белыми неграми», то есть, на самом деле, Александром Ватом и Анатолем Стерном. По ходу вечера зрители имели возможность увидеть обнаженного негра — Юсуфа бен-Михма, который танцевал и пел негритянские песни, дрожа при этом от холода (был февраль!). Декламировалась поэзия некоего Крука и исполнялось музыкальное произведение Максимилиана Центнершвера «Андромеда в ванной», а также футуристические стихи, шокировавшие своим синтаксисом и порнографическим содержанием. Но это ничто по сравнению с гвоздем программы — голым человеком в легкой набедренной повязке, читавшим стихотворение Стерна «Сожжение фигового листка» — мужчина должен был сжечь этот самый листок, но в последний момент передумал.

Это было начало прекрасного приключения Вата и Стерна, которые с того времени выступали в лекционных залах и кафе, помня о том, чтобы обязательно оскорбить публику, спровоцировать драку и изобразить из себя шутов. Читавшиеся тогда стихи имели одноразовый характер и не печатались. Публика принимала футуристов недоброжелательно. Уже 22 февраля в кабаре «Пикадор» ворвалась полиция, получившая анонимное заявление о том, что в клубе футуристов якобы проходят большевицкие сборища. Обыск ничего не выявил, однако несколько десятков человек, развлекавшихся в заведении, были доставлены в комиссариат, поскольку ввиду военного положения действовал запрет находиться ночью вне дома.

В ноябре того же года Стерн, Янковский (у которого был обычай выступать стоя на бочке), Лехонь и Слонимский отправились в Вильно, где 15 и 16 ноября состоялись два вечера под названием «Улыбающийся скакун». Выступления хвалили, и они, возможно, завершились бы успехом, если бы не кощунство, допущенное Анатоном Стерном в стихотворении «Улыбка Примаверы». Такое не прощалось. 11 декабря поэт был арестован. После трехмесячного ареста Стерн предстал перед виленским судом. За кощунство его приговорили к году

заклучения в крепости. Была подана апелляция, и до момента вступления приговора в силу поэт мог оставаться на свободе. Лишь два года спустя — 14 января 1922 года — решением третьей инстанции он был оправдан.

В конце 1919 года начало свое существование краковское футуристическое движение. Чижевский, Ясенский и Млодоженец основали Независимый клуб футуристов «Под шарманкой». 13 марта 1920 года состоялся первый совместный «поэзовечер», предшествовавший циклу индивидуальных поэзовечеров.

Краковская группа быстро получила известность и в конце 1920 года отправилась покорять Варшаву. Первое выступление предвещало успех. Большой зал филармонии, по воспоминаниям Адама Важика^[21], был «набит битком», и, кажется, такого поэтического концерта Варшава еще не видела. В «Курьере польском» писали, что мест не хватило, так что часть публики стояла. Доход от выступления оценивали в двести тысяч марок. Реакция публики была в высшей степени удовлетворительной — свист, крики, нелестные замечания и выход зрителей из зала, однако наиболее лестными для футуристов стали неодобрительные рецензии.

Футуристы планировали устроить еще два вечера, а последний из них хотели закончить прощанием с варшавской публикой и обменом сувенирами. Не получилось. В зал явилась полиция и референт по вопросам просвещения из Комиссариата правительства, который потребовал немедленно покинуть зал — иначе футуристы будут арестованы. Повод для вмешательства был абсурдным: декламация стихов в иной очередности, нежели было объявлено, и чтение одного стихотворения, не указанного в программе. Общественное мнение кипело от возмущения, а депутаты-социалисты направили запрос по делу футуристов. Референт по вопросам просвещения лишился должности, а поэтам удалось повторить вечер.

Атмосфера вокруг футуристических вечеров всё больше сгущалась — катастрофа висела в воздухе. Публика хотела развлекаться и, в то же время, была настроена враждебно по отношению к поэтам. Административные власти были раздражены и недружелюбны, в связи с чем поэтам часто отказывали в залах для выступлений.

10 августа 1921 года футуристы выступили в Закопане. Их должны были сопровождать особые гости: Станислав Игнаций Виткевич и Леон Хвистек^[22]. Плакат обещал «бой на ножах» Стерна с Виткацием, то есть обмен художественными взглядами. По слухам, Ян Лехонь распространил известие, будто футуристы собираются оскорблять Богородицу. Гости

прибывали толпами — в том числе многие из культурных и художественных кругов. Помимо этого, в зале оказались правые боевики. Раздались антисемитские выкрики: «Еврейская наглость!», «Это не польский язык, а еврейский!». В группе скандалистов не было единства. На сцену взобрался Лехонь и дал пощечину Стерну. Сигнал к атаке был дан. Публика начала швырять в поэтов яйца. Началась драка на кулаках и тростях, в результате которой Вату сильно досталось. В зал ворвалась полиция и остановила вечер. Вместе с полицейскими прибыл курортный инспектор, который бесовестно обокрал поэтов — реквизировал выручку, не оставив квитанции. Это было еще не всё. Драка переместилась на Крупувки^[23], где в футуристов стали бросать камнями, вследствие чего была ранена жена одного из них. Возможно, лишь немного не хватило, чтобы на страницах польской литературы появилась запись о избиении камнями поэтов за то, что они были скандалистами...

Графоман, но убийца ли?

В 2003 году вышел роман «Бешенство», не вызвавший интереса у критиков и многими принятый за графоманское самовыражение автора. Если бы не дело об убийстве от 2000 года — книга никогда не получила бы известности.

Одним октябрьским утром 2000 года несколько рыбаков обнаружили в воде тело мужчины. Оно было связано таким образом, что каждое движение вызывало удушье (т.н. люлька), а также имело следы повреждений на голове.

Эксперты установили, что мужчина перед смертью голодал не менее трех дней. Жертвой оказался Дариуш Я. — владелец небольшого вроцлавского рекламного агентства. Человек с безупречной репутацией, не имевший врагов.

В середине 2001 года следствие было закрыто. Полицейские так и не вышли на какой-либо след.

В 2005 году полицейский из криминального отдела воеводского управления полиции во Вроцлаве Яцек Врублевский вернулся к этому делу. Он заинтересовался пропавшим телефоном жертвы и по номеру IMEI^[24] нашел заверченный интернет-аукцион на портале Allegro. Телефон выставил на продажу Chris_B. Этот же пользователь пытался приобрести книгу «Случайное, суицидальное или преступное повешение», которую, однако, не купил. Еще одним предметом, который заинтересовал полицейского, и который продал Chris_B, был автомобиль Ситроен ZX без задних сидений.

Сотрудники полиции быстро вычислили, кто такой Chris_B — это был Кристиан Бала, автор книги «Бешенство». Героем романа является юноша по имени Крис — интеллектualan, переводчик, который пользуется вульгарным и брутальным языком при описании алкогольных возлияний и эротических

эксцессов. Один из мотивов, присутствующих в романе — убийство Мэри, которое совершил Крис: «Я изо всей силы затянул петлю. Одной рукой придерживая брыкавшуюся Мэри, другой я вонзил в нее нож выше левой груди. (...) За горами, за лесами выбрасываю веревку, срезанную с шеи Мэри. Японский нож продаю на интернет-аукционе».

Полицейские нашли в романе фрагменты, которые могли относиться к преступлению, совершенному в отношении Дариуша Я. Однако книга как доказательство по делу была отвергнута. Эксперты-психологи решили, что в ней нет элементов, непосредственно относящихся к убийству, но обратили внимание на подробности, которые могли быть связаны с преступлением, и на схожесть главного героя с автором. Тем не менее, улики, указывавших на Бала, было больше. Полиция установила серийный номер карты для звонков из телефонной будки, по которой кто-то звонил Дариушу Я. в день его исчезновения. По той же самой карте звонили родителям Кристиана Балы, его сожительнице, компаньону, подруге и в фирму, в которой работал его отец. Бала стал основным подозреваемым, однако он находился за границей (посетил США, Южную Корею, Таиланд, Китай, Вьетнам, Малайзию и Японию). В связи с этим, более радикальные действия пришлось отложить. Когда писатель вернулся в Польшу, его задержали. Он утверждал и утверждает до сих пор, что не знал Дариуша Я., однако оказалось, что в прошлом он пользовался услугами фирмы потерпевшего, а в его квартире обнаружили визитку Дариуша Я. и ручку с логотипом его фирмы.

В интервью платформе onet.pl Бала так описал эту ситуацию: «Да, действительно. У меня было три фирмы. Двумя я занимался лично. А одной занимался мой компаньон — это было рекламное агентство. Ну и этот компаньон встречался с клиентами, реализовывал проекты, занимался бухгалтерией. Я лишь участвовал в долях. Нет ни одного клиента этой фирмы, с которым у меня был бы какой-либо контакт».

В интервью Бала дает объяснения и по поводу номера IMEI телефона «Nokia», который он продавал на аукционе: «Их может быть несколько — таких телефонов с одним и тем же номером. При условии, что у всех устройств разные SIM-карты. Поэтому так важно подтвердить, что карта жертвы когда-либо была на связи с телефоном с данным номером IMEI. А таких доказательств нет».

Бала прославился. Его роман исчез с полок магазинов, на аукционах цены на него колебались от 150 до 800 злотых. Делом заинтересовались не только польские СМИ, но и «Нью-Йоркер», «Гардиан» и «Фигаро». О последовавшем затем суде сообщали телекомпании CNN и BBC. История «писателя-

убийцы» обошла весь мир.

Он был обвинен в убийстве с особой жестокостью. Суд над писателем стал самым громким процессом в Польше, проведенным на основании косвенных улик. Мотивом сочли болезненную ревность к бывшей жене, якобы имевшей роман с жертвой. Было представлено 14 доказательств. Суд признал, что 10 из них укладываются в логическую цепочку и указывают на вину подсудимого. В то же время Бала утверждает:

«Следователи представили в обвинительном акте 14 улик, из которых в ходе судебного разбирательства 11 рухнули, как карточные домики. Осталась лишь телефонная карта, которой нет, и сотовый телефон, который был ошибочно идентифицирован. Этого, кажется, маловато для тюремного срока в 25 лет?».

История писателя вдохновила режиссеров польского и мирового кино. В 2016 году появляется фильм «True Crimes»^[25] с Джимом Керри в главной роли. Фильм не пользовался популярностью, но вернулся на экраны кинотеатров под измененным названием «Dark Crimes»^[26]. В 2016–2017 годах Кася Адамик (дочь Агнешки Холланд) сняла фильм «Бешенство», сюжет которого во многом основан на истории польского писателя. В роли предполагаемого убийцы выступил один из наиболее талантливых актеров молодого поколения — Матеуш Костюкевич.

Перевод Владимира Окуня

-
1. Саломея Словацкая (1792–1855), во втором браке Бекю — мать Юлиуша Словацкого — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Ян Снядецкий (1756–1830) — польский астроном, математик, философ, педагог; профессор и ректор Виленского университета.
 3. Антоний Одынец (1804–1885) — польский поэт, переводчик, мемуарист; друг Адама Мицкевича.
 4. В русском переводе В.Г. Бенедиктинова «Жалок тот, чьё сердце безвзаимность губит...».
 5. Перевод В.Левика
 6. Эустахий Янушкевич (1805–1874) — книгоиздатель, публицист и патриот, один из руководителей Польского восстания 1830–1831 годов против царских властей.
 7. Станислав Ропелевский (1814–1865) — польский литературный критик и поэт, участник ноябрьского восстания.
 8. Приписываемая Мицкевичу фраза сказана по-русски.

9. Зыгмунт Милковский (псевдоним Теодор Томаш Еж; 1824–1915) — польский писатель-романтик, публицист, общественный деятель и политик.
10. Слишком много из ничего (англ.).
11. Юзеф Игнаций Крашевский (1812–1887) — польский писатель, публицист, издатель, автор книг по истории и этнографии.
12. Адам Плуг (1823–1903) — польско-белорусский писатель, поэт, редактор, педагог.
13. Мария Ильницкая (1825–1897) — польская поэтесса, писательница, переводчица и публицист, в 1865–1896 годах главный редактор женского журнала «Плющ»
14. Ян Каспрович (1860–1926) — польский поэт, драматург, литературный критик, переводчик.
15. Костел на Скалке в Кракове — место упокоения многих великих поляков.
16. Вацлав Налковский (1851–1911) — польский географ, педагог, публицист, общественный деятель.
17. Цезарий Еллента (1861–1935) — польский писатель и критик.
18. Зенон Пшесмыцкий (1861–1944) — польский литературно-художественный критик, поэт, переводчик.
19. Одменец (польск. Odmieniec) — отщепенец, изгой.
20. Анатолий Стерн и Александр Ват имели еврейское происхождение.
21. Адам Важик (1905–1982) — польский поэт, прозаик и переводчик.
22. Леон Хвистек (1884–1944) — польский философ, математик, логик, писатель, художник, литературный и художественный критик, педагог.
23. Крупувки — одна из центральных улиц в Закопане.
24. IMEI — уникальный номер мобильного телефона.
25. «Подлинные преступления» (англ.).
26. «Темные преступления» (англ.).

Константы А.Еленьский

Дар Юзефа Чапского

В силу поистине счастливого стечения обстоятельств сегодняшний вечер, давно запланированный центром паллотинцев, проходит всего за три дня до открытия — в четверг, 21 марта, в огромном зале комплекса Ля-Виллет — новой Парижской биеннале, где будут выставлены десять картин Юзефа Чапского.

Одиннадцать лет назад, говоря о посвященной Чапскому блестящей монографии Мюриель Ганебен, я спрашивал, почему он еще тогда не получил в мире признания как один из величайших художников нашего времени.

Парижская молодежная Биеннале была основана в 1959 году — ее первым лауреатом стал Ян Лебенштейн. Но мировой престиж Биеннале оказался поколеблен событиями 1968 года, и на протяжении нескольких лет местный художественный истеблишмент размышлял над концепцией, которая вывела бы Париж на уровень венецианской Биеннале или выставки «Документа» в Касселе. С этой целью были приглашены хранители музеев современного искусства из стран, имеющих вес на мировом художественном рынке — Германии, Италии и Соединенных Штатов. Первым их советом было снять возрастные границы и пригласить не только восходящих звезд, но и старых мастеров. Во время дискуссии немецкий гость произнес имя Чапского. «Czapski, Czapski, qui est Czapski?»^[1] — заволновались авангардные французские эксперты. «Как это, иметь великого художника и даже не знать об этом?» Главный комиссар выставки отправился в Мезон-Лаффит, чтобы отобрать три картины Чапского. Уезжая, он просил выставить десять. С формальной точки зрения это прорыв, который в области художественного искусства можно сравнить с переломным моментом, каким стало открытие Западом Гомбровича или Милоша.

Я думаю, что мы все посетим Биеннале, и это облегчает мою сегодняшнюю задачу. Из поляков больше всего текстов я посвятил как раз Милошу (первый — сорок лет назад), Гомбровичу (первый — тридцать пять лет назад) и Чапскому (первый — двадцать пять лет назад). Не ждите от меня научного описания художественного пути Чапского, последняя фаза которого, начавшаяся несколько лет назад, по-прежнему находится на пике. Недавно это прекрасно сделала Иоанна Полляк в эссе, озаглавленном «Озарения и медитации — о живописи Юзефа Чапского» и опубликованном в последнем номере журнала «Зешиты литерцке» (зима 1985). Советую вам прочитать этот глубокий текст, единственный, охватывающий творчество Чапского последних лет, о котором Полляк пишет, что оно «высвободило в художественном мышлении Чапского те высшие возможности, которые давно в нем таились и теперь воплощены в ряде великолепных, ясных и исполненных сосредоточенности картин». Сегодня я бы хотел предложить другой взгляд на живопись Чапского — увидеть в ней блестящий урок, позволяющий различать реальность, на которую смотришь, и реальность, которую видишь. В этом нет ничего нового, сам язык на это указывает. «Если ограничиться

одним лишь созерцанием, ничего не увидишь», — написал Руссо более двухсот лет назад в «Новой Элоизе». Сто лет назад братья Гонкур высказались об этом с точки зрения человека, занимающегося творчеством: «Учиться видеть — самая долгая наука из всех искусств».

Чапский начал рисовать более шестидесяти лет назад, в момент, когда художественное зрение полагалось догматически контролировать, равномерно распределяя цветовые пятна по плоскости картины и взаимно их уравнивая. Его коллеги каписты^[2] чувствовали себя в радужной призме цветов, словно рыбы в воде. Чапский, несмотря на идею изгнания с палитры черной краски, нуждался в линии тени, которая при этом не была бы синей. Однако прошло еще много лет, прежде чем черный цвет (еретический, с точки зрения теории) заявил о себе с достаточной силой, чтобы — иной раз грубо — очертить фигуры, подчеркнуть выразительность образа. Каписты упрекали Чапского в отсутствии целостности стиля, а сам он долго полагал (и, кажется, еще дольше писал об этом), что то, что его взгляд превращает в образ, относится к области чистой эстетики: восхищение красным пятном летнего платья, потрясение неожиданным отражением в окне вагона. Мир Чапского — подземные коридоры метро и железнодорожных станций, темные кафе, театральные залы, галереи и музеи, где фигуры посетителей не менее важны, чем картины на мольбертах — воздействует на нас так мощно, что разрушает искусственное разделение на «форму» и «содержание». Стиль Чапского — это верность первому взгляду, противоположность облегченной стилизации. Часто, бродя по Парижу, я застываю как вкопанный, мгновенно узнавая: «Это Чапский». Дело не в сожалении, что Юзека в этот момент нет со мной, что он не откроет свой блокнот в серой полотняной обложке, где записи внезапно пришедших в голову мыслей, вклеенные статьи и письма, наскоро сделанные наброски перекликаются друг с другом, образуя завораживающее и единое целое: одновременно единственный в своем роде дневник и вернейший автопортрет. Нет, чувство, которое я испытываю, вызывает сам образ, а не мысль о гипотетической картине Чапского, этим образом порожденной. Ибо Чапскому я обязан тем, что смотрю на этот фрагмент реальности без рассеянности — что уроки его живописи позволили мне заметить его и увидеть. Ибо искусство — уж искусство Чапского наверняка — есть прежде всего механизм создания образов. Об этом было известно Прусту, который писал: «Идущие по улице женщины непохожи на прежних, потому что они ренуаровские женщины, те самые ренуаровские женщины, которых мы когда-то не принимали за женщин».

Я писал этот текст во время чтения «Дара» Владимира Набокова, последнего его романа, написанного по-русски. Десять первых страниц занимает описание короткой прогулки героя неподалеку от дома, где он только что снял комнату в доме номер семь по Танненбергской улице, в Берлине первого апреля 192... года. У дома остановился мебельный фургон, очень длинный и очень желтый, запряженный желтым же трактором. «по всему его боку шло название перевозчицкой фирмы синими аршинными литерами, каждая из коих (включая и квадратную точку) была слева оттенена черной краской: недобросовестная попытка пролезть в следующее по классу измерение».

Переходя на угол в аптеку, «он невольно повернул голову (блеснуло рикошетом с виска) и увидел — с той быстрой улыбкой, которой мы приветствуем радугу или розу — как теперь из фургона выгружали параллелепипед белого ослепительного неба, зеркальный шкаф, по которому, как по экрану, прошло безупречно-ясное отражение ветвей, скользя и качаясь не по-древесному, а с человеческим колебанием, обусловленным природой тех, кто нес это небо, эти ветви, этот скользящий фасад».

Купив в аптеке миндальное мыло, Федор Годунов Чердынцев возвращается домой: «Там, на панели, не было сейчас никого, ежели не считать трех васильковых стульев, сдвинутых, казалось, детьми. Внутри же фургона лежало небольшое коричневое пианино, так связанное, чтобы оно не могло встать со спины и поднявшее кверху две маленьких металлических подошвы».

И вот наконец продолговатая комната, где стоит терпеливый чемодан: «Некоторое время он стоял у окна: небо было простоквашей; изредка в том месте, где плыло слепое солнце, появлялись опаловые ямы, и тогда внизу, на серой кругловатой крыше фургона, страшно скоро стремились к бытию, но недоволоптившись растворялись тонкие тени липовых ветвей. Дом насупротив был наполовину в лесах, а по здоровой части кирпичного фасада оброс плющом, лезшим в окна. В глубине прохода, разделявшего палисадник, чернелась вывеска подвальной угляни. Само по себе все это было видом, как и комната была сама по себе; но нашелся посредник, и теперь этот вид становился видом из этой именно комнаты».

Какой потрясающий визуальный улов из одной прогулки, занявшей несколько минут! Но и четыре картины, которые вполне могли бы принадлежать Юзефу Чапскому: длинный ярко-желтый фургон с сине-черной надписью, запряженный желтым же трактором; шкаф с зеркалом, отражающим небо, которое несут носильщики; связанное пианино, лежащее на спине в черном провале фургона; вид из окна собственной

комнаты. Мне тогда пришло в голову, что название романа Набокова относится к дару видения, к тем мгновениям, когда свечение и обаяние повседневной реальности, банальной, быть может, даже уродливой для того, кто не видит, а лишь смотрит, наполняют нежностью к жизни, ибо она единственна и неповторима. Нечто подобное имел в виду Пруст, описывая свои *moments bienhereux*, благословенные мгновения, неизменно вызванные чувственным переживанием: будь то вкус легендарного печенья «мадлен», неровные плитки во дворе особняка принца де Германт, звон серебра в соседней комнате или вид двух колоколен Мартенвиля, трех деревьев по дороге в Юдемений, цветущий куст боярышника в окрестностях Бальбека.

Милый Юзек! Нас много — тех, кому Твой дар видеть, воплощенный в знаках Твоей живописи, помог распознать другие знаки, заключенные в окружающей нас действительности, адресованные зарождающейся в полумраке чувств интуиции, невольной памяти, воображению. Твое творчество — ценный указатель на пути к неуловимым благословенным мгновениям нашей жизни. За этот Твой дар, в канун Твоих именин, я горячо Тебя благодарю.

«Культура», 1985 №4

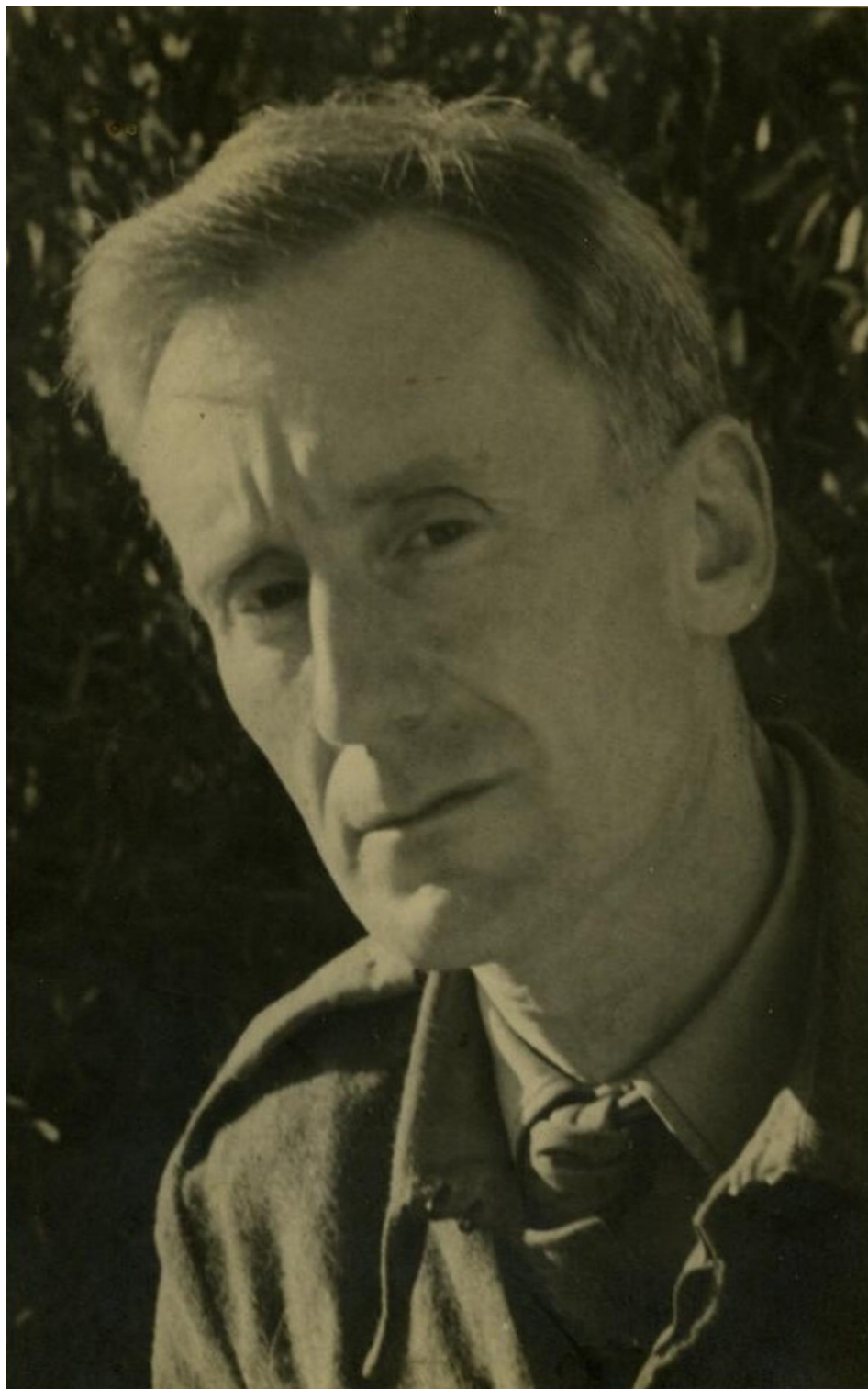
Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Чапский, Чапский, кто такой Чапский? (фр.) — Примеч. пер.
 2. Капизм — от аббревиатуры «КР» («Komitet Paryski» — организованный в 1923 г. Юзефом Панкевичем в краковской Академии художеств «Парижский комитет» в помощь студентам, уезжавшим учиться во Францию) — художественное направление, сформировавшееся и доминировавшее в польском искусстве в тридцатые годы XX в. — Примеч. пер.

Юзеф Чапский

Лекции о Прусте

(часть первая)

Юзеф Чапский. Фото: Archiwum Instytutu Literackiego

Лекции о Прусте, прочитанные Юзефом Чапским в лагере для польских военнопленных в Грязовце (1940–1941) были записаны под диктовку автора двумя его друзьями и товарищами по лагерю: Владиславом Тихим и Йоахимом Коном.

Текст впервые был напечатан в польском переводе Тересы Скужевской в парижской «Культуре» (1948, № 12 и 13) с предисловием автора. Французский оригинал был опубликован только в 1987 году (Лозанна, издательство «Noir sur Blanc»). Лекции были изданы также на немецком (пер. Барбары Хебер-Шерер, Берлин, «Friedenauer Presse», 2006), испанском (пер. Мауро Арминьо, Мадрид, «Siruela», 2012) и итальянском (пер. Джузеппе Джиримонти, послесловие Войцеха Карпиньского, Милан, «Adelphi», 2015) языках. В 2018 году в «New York Review of Books» вышел английский перевод Эрика Карпелеса с большим предисловием переводчика, подготовленный на основе машинописного оригинала, хранящегося в архиве Юзефа Чапского в Библиотеке Чарторийских в Кракове. Одновременно вышла биография Чапского на английском Эрика Карпелеса «Almost Nothing: The 20th-Century Art and Life of Józef Czapski».

Миколай Новак-Рогозинский

*

Предисловие автора (1944)

Это эссе о Прусте было продиктовано зимой 1940–1941 гг. в холодной трапезной бывшего монастыря, которая служила нам столовой в лагере для военнопленных в Грязовце, СССР. Мне не хватает точности, субъективность этих страниц отчасти объясняется тем, что у меня не было никакой библиотеки, ни одной книги на эту тему, — последнюю книгу на французском языке я видел перед сентябрем 1939 года. С относительной точностью я старался воспроизвести лишь воспоминания о творчестве Пруста. Это нельзя назвать в прямом смысле литературным эссе, скорее, воспоминанием о произведении, которому я был многим обязан и которое боялся больше никогда в своей жизни не увидеть.

Нас было четыре тысячи польских офицеров на десяти-пятнадцати гектарах в Старобельске, под Харьковом, с октября 1939 до весны 1940 года. Там мы пытались взяться за какой-нибудь интеллектуальный труд, который помог бы преодолеть наше уныние, тревогу и защитить мозги от ржавчины бездействия. Кто-то принялся вести военные, исторические и литературные семинары. Наши тогдашние хозяева сочли это контрреволюционной деятельностью, и некоторые докладчики были немедленно отправлены в неизвестном направлении.

Несмотря на это, семинары не были приостановлены, но стали тщательно конспирироваться.

В апреле 1940 года весь Старобельский лагерь был небольшими группами депортирован на север. В то же время эвакуировались два других крупных лагеря, Козельский и Осташковский, всего пятнадцать тысяч человек. Почти единственными, кто из них уцелел, были четыреста офицеров и солдат, собранных в Грязовце под Вологдой в 1940–1941 году. Нас было семьдесят девять человек из четырех тысяч старобельских пленных. Все остальные наши товарищи из Старобельска бесследно исчезли. До 1917 года Грязовец был местом паломничества, там был монастырь. Монастырская церковь стояла в руинах, взорванная динамитом. Залы были заставлены деревянными нарами, вонючими клоповыми койками, на которых до нас жили финские пленные.

Только здесь мы после многочисленных прошений в разные инстанции получили официальное разрешение читать наши лекции, при условии, что будем каждый раз предоставлять текст на предварительную цензуру. В маленькой битком набитой комнате каждый из нас рассказывал о том, что лучше всего помнил.

Историю книгопечатания читал замечательной памяти библиофил из Львова, доктор Эрлих; история Англии и история переселения народов были темой докладов аббата Камиля Кантака из Пинска, бывшего редактора гданьской ежедневной газеты и большого любителя Малларме; об истории архитектуры нам рассказывал профессор Сенницкий, преподаватель Варшавского политехнического института, а лейтенант Островский, автор превосходной книги об альпинизме, сам неоднократно поднимавшийся на вершины Татр, Кавказа и Кордильер, вел с нами беседы об истории Южной Америки.

Что касается меня, я прочел серию лекций о французской и польской живописи, а также о французской литературе. Мне повезло, что я тогда выздоравливал после тяжелой болезни, а потому был освобожден ото всей тяжелой работы, кроме мытья большой монастырской лестницы и чистки картошки; я был свободен и мог спокойно готовиться к вечерним беседам.

Я все еще вижу моих товарищей, скучившихся под портретами Маркса, Энгельса и Ленина, измученных работой на морозе, достигавшем сорока пяти градусов, слушающих лекции на столь далекие от нашей тогдашней действительности темы. В то время я с чувством думал о Прусте в его перетопленной комнате со стенами, обитыми пробковым деревом, который был бы, наверное, немало удивлен и тронут, узнав, что двадцать лет спустя после его смерти польские военнопленные после целого дня, проведенного в снегу, нередко на

сорокаградусном морозе, увлеченно слушают про герцогиню Германтскую, про смерть Бергота и про все, что я мог вспомнить из прустовского мира точных психологических открытий и литературных красот.

Здесь я хотел бы поблагодарить двоих моих друзей, лейтенанта В. Тихого, теперь редактора польской версии журнала «Парад» издательства Claire, и лейтенанта Имека Кона, врача нашей армии на итальянском фронте. Им двоим я диктовал это эссе в нашей холодной и зловонной столовой грязовецкого лагеря. Радость от возможности участвовать в интеллектуальном усилии, доказывавшем, что мы еще способны мыслить и реагировать на духовные явления, никак не связанные с окружающей реальностью, окрашивала в розовый цвет часы, проведенные в большой трапезной бывшего монастыря, на этих странных «прогулянных уроках», где мы переживали мир, казавшийся тогда утерянным для нас навечно.

Нашему пониманию не поддается, почему именно мы, четыреста офицеров и солдат, были спасены из тех пятнадцати тысяч товарищей, исчезнувших без следа где-то у полярного круга или в сибирской глуши. На этом мрачном фоне часы, проведенные за воспоминаниями о Прусте и Делакура, кажутся мне самыми счастливыми.

Это эссе — лишь скромная дань признательности французскому искусству, которое помогало нам жить эти несколько лет в СССР.

Пруст в Грязовце (1948)

Й. Кону и В. Цихому — посвящаю.

Эти страницы — записанные моими друзьями в Грязовце лекции, скорее, даже рассказы о Прусте, прочитанные в лагере во время т.н. французского лектория, который я вел в 1940–1941 годах.

С того времени прошло почти 8 лет, к Прусту я почти не возвращался, но тот писатель, о котором я здесь пишу, — это мой Пруст, ставший моим за многие годы чтения и еще больше за два года неволи, когда я думал о нем, не имея под рукой не только его произведений, но и ни одной хоть сколько-нибудь непосредственно связанной с ним книги. Все подробности его жизни, все цитаты, помещенные здесь, я вынужден был черпать из памяти.

Не уверен, что в том, что я тогда говорил, не было деформации *Dichtung und Wahrheit*, вызванной дистанцией, пробелами в памяти и довольно специфическими условиями.

Эти лекции стали для меня самого неожиданностью, только там я понял, что значит так высоко ценимая Прустом,

единственно важная и продуктивная для него в творческом отношении «невольная память» (*memoire involontaire*). Я понял тогда, насколько усиливается эта память в отрыве от книг и газет, от миллиона мелких интеллектуальных впечатлений нормальной жизни. Вдали ото всего, что могло бы напоминать о мире Пруста, мои воспоминания о нем, которые поначалу казались мне чрезвычайно скудными, начали неожиданно и бурно разрастаться со словно не зависящей от меня силой и точностью.

Этот мой Пруст совершенно сросся уже теперь с Грязовцом, где нам было разрешено собираться в определенные часы на запрещенных в Старобельске, а в Грязовце разрешенных лекциях и докладах — в низкой и темной комнате старой избы. Эту избу из толстых бревен, проложенных мхом, построил когда-то набожный странник, чтобы провести в ней остаток жизни у подножия грязовецкого монастыря, взорванного после революции большевиками, старого монастыря XVII века, в остатках которого в мое время на многоярусных деревянных койках, населенных мириадами клопов, разместили 300 поляков, в основном, офицеров.

Я с благодарностью вспоминаю моих товарищей — помню, на этих французских лекциях о литературе их собиралось около 40; когда смеркалось, они приходили в эту избу в фуфайках, в мокрых сапогах, часто после долгой работы в снегу и на сильном морозе. Вместо прежних икон и горящей под ними лампы^[1] в углу висели портреты Маркса, Ленина и Сталина в красных рамках. Красный уголок — непременно красная «часовенка» в каждом лагере, в каждом советском колхозе. Сидели на узких шатких лавках, в полумраке избы слушая о приключениях герцогини Германтской, о смерти Бергота, о муках ревности Свана.

Потом в большой монастырской трапезной, нашей столовой (где обычно воняло грязной посудой и капустой) я диктовал часть этих лекций моим лучшим друзьям, которым и посвящаю эти страницы.

Что пройдет, то будет мило, сказал Пушкин. Нет, те часы общения с Прустом и друзьями в «красном уголке», часы диктовки текста под надзором беспокойной политручки, выгонявшей нас из столовой по подозрению в опасном политическом инакомыслии — те часы были и правда милы и, несмотря на все удары и полную неизвестность в будущем — были счастливыми.

Пруст, писатель без тени пропаганды, злободневности, «краткосрочного» утилитаризма или политической демагогии, подарил нам часы чистой радости и мысли.

В только что опубликованных отрывках из дневника Мориака я нашел абзац от 19 ноября 1933 года:

«Я выхожу из комнаты, где успокоился Марсель Пруст. Он перестал страдать вчера, 18 ноября. Прекрасное лицо уснувшего человека. Эта уродливая квартира (*meublé sordide*^[2]) свидетельствует о престранном аскетизме, которого достигает писатель в своем пароксизме. Какое обнажение творца через его творчество. Он жил только ради него. «Когда закончу мое произведение, тогда буду лечиться» — говорил он Целестине. Отказывался от еды, никого не принимал. В ночь с пятницы на субботу диктовал Целестине «впечатления от смерти», говоря «это мне пригодится для смерти Бергота». Поль Моран сказал мне: «нельзя создать столько существ, не отдав им своей жизни».

Это все, что Мориак записал в день после смерти писателя. Пруст, заточенный годами, как в гробу, в четырех обитых пробковым деревом стенах, с занавешенными окнами, на пороге смерти еще спешащий парой штрихов обогатить, углубить свое произведение, возможно, был бы тронут, возможно, рад, узнав, что когда-то, в самые мрачные годы истории, какие-то поляки, заброшенные на далекий и чужой север, будут переживать, даже полюбят его произведение, будут черпать утешение в таком далеком и таком близком мире искусства, созданном ценой жизни этого «писателя в пароксизме».

Перевод с польского Анастасии Векшиной

ЛЕКЦИИ О ПРУСТЕ (Грязовец, 1940-1941)

Томик Пруста попал мне в руки лишь в 1924 году. Только что приехав в Париж, зная из французской литературы немногим больше романов второго ряда вроде Фаррера или Лоти и сильнее всего восхищаясь столь мало оригинальным с точки зрения стиля и столь мало характерным для французского языка писателем, каким был Ромэн Роллан, я пытался сориентироваться в современной литературе этой страны. Это было время большого успеха «Бала у графа д'Оржель» Радиге, короткого романа а-ля «Принцесса Клевская», время растущей популярности Кокто, Сандрара, Морана: отрывистые предложения, краткость, намеренная сухость. Вот что иностранец видел тогда на поверхности французской литературы.

Но тогда же «Stock» переиздал «Бедную женщину» и другие

малоизвестные романы Блуа, а «NRF» — произведения Шарля Пегги. В это же время один за другим выходили толстые тома «В поисках утраченного времени», огромный роман некоего Пруста, награжденного Гонкуровской академией в 1919 году и только что умершего.

Увлеченный классицизмом «Бала» и поэзией иллюзиониста Кокто, я одновременно с волнением открывал для себя таинственный мир Пегги в «Жанне д'Арк», его странный стиль с бесконечными возвращениями и повторами, но был не в силах преодолеть барьеров, отделявших меня от Пруста. В одном из томов («У Германтов»?) я взялся читать описание светского приема — оно растягивалось на несколько сотен страниц. Я слишком плохо знал французский, чтобы распробовать суть этой книги, насладиться ее редкостной формой. Я привык к книгам, в которых что-то происходит, где действие развивается быстрее, написанным более разговорным французским, у меня не было достаточной культуры чтения, чтобы браться за такие изысканные произведения, настолько выходящие за пределы и противоречащие тому, что казалось нам тогда духом эпохи, — духом преходящим, в наивности нашей молодости казавшимся нам новым законом, который должен соблюдаться во веки веков. Бесконечные фразы Пруста с его постоянными «посторонними» замечаниями, далекими и неожиданными ассоциациями, странная манера рассуждать на запутанные и как будто несущественные темы. Я едва ли мог почувствовать достоинства этого стиля, его чрезвычайную точность и богатство.

Только год спустя я случайно открыл «Беглянку» (одиннадцатый^[3] том «В поисках...») и внезапно прочел с первой до последней страницы с растущим восхищением. Должен признаться, что поначалу меня захватила вовсе не стилистическая изысканность Пруста, а сама тема: отчаяние, тревога любовника, покинутого исчезнувшей Альбертиной, описание многочисленных форм ретроспективной ревности, болезненные воспоминания, лихорадочные поиски, эта психологическая пронизательность великого писателя, весь этот хаос деталей и ассоциаций поразили меня в самое сердце, и уже только потом я увидел в книге новое измерение психологического анализа невиданной точности, новый поэтический мир, сокровище литературной формы. Но как читать, как найти время, чтобы воспринять тысячи плотных страниц? Только благодаря тифозной горячке, которая обездвижила меня на все лето, я смог прочесть все его произведения. Я без конца возвращался к ним, то и дело находя новые акценты и возможности интерпретации.

Литературный стиль и взгляд на мир Пруста сформировались к 1890–1900 годам, а почти все свои тексты писатель создал между 1904–1905 и 1923^[4] годами. Что представляла собой эта эпоха в художественном и литературном отношении во Франции?

Напомним, что «Антинатуралистический манифест» учеников Золя датируется 1889 годом; антинатуралистическая реакция охватывает даже лагерь вождя этого движения, это время символистской школы во главе с Малларме, профессором лицея, в котором учился Пруст, и Метерлинком, который завоевывал мировую славу. 1890–1900 годы — триумф импрессионизма, в моде итальянские примитивисты в толковании Рёскина^[5], волна вагнеризма во Франции, эпоха неоимпрессионистических поисков, которые, развивая определенные черты импрессионизма, в то же время противоречили его чисто натуралистической сущности. В музыке появляется Дебюсси и его сочинения, параллельные импрессионистическим и неоимпрессионистическим тенденциям в живописи. Это эпоха курсов Бергсона в Коллеж де Франс и его высшего достижения — «Творческой эволюции», это апогей Сары Бернар в театре. После 1900 года приходят русские балеты Дягилева, расцвет русской музыки, яркий ориентализм в декорациях, Мусоргский, Бакст^[6], «Шахерезада», наконец, Метерлинк и Дебюсси в опере — «Пеллеас и Мелизанда».

Вот где берет свои корни творчество Пруста, вот те художественные явления, которые оно воспринимает и переосмысляет.

Не следует забывать, что натурализм (последний этап реализма) и его оппоненты, особенно символизм, были к концу XIX века течениями невероятно разнородными. Они одновременно конфликтовали и переплетались друг с другом, и только в школьных учебниках, выходявших позднее, они строго разделены и классифицированы. Малларме при жизни был связан с Гонкуром, одним из основателей натурализма, часто бывал у Золя, и последний утверждал даже, что он и сам бы охотно «маллармил»^[7], если бы у него было... больше времени, имея в виду, что поэтические поиски Малларме ни в коем случае не противоречили идее натурализма. Но лучший пример такого переплетения элементов, концепций, кажущихся несовместимыми, но составляющих основу искусства той эпохи — это художник Эдгар Дега, близкий друг Малларме. Дега, восхищавшийся одновременно и Делакруа, и Энгром, выставившийся с самого начала вместе с импрессионистами, писавший танцовщиц, скачущих лошадей,

прачек, зевающих с утюгом в руке, предельно психологические портреты, натуралист в высшем смысле слова, который первым использовал открытия мгновенной фотографии, который своим четким и жестоким взглядом изучал парижскую жизнь в самых неизведанных искусством аспектах и который в то же время воевал со своими друзьями-импрессионистами. Его возмущали их презрение к принципам, их абстрактные правила, композиция, пространство и т.п., противоречащие классической живописи. Всю свою жизнь он стремился соединить абстрактное чувство гармонии, композиции с непосредственным ощущением реальности, связать импрессионистские поиски с классической традицией Пуссена.

Он же писал сонеты абсолютно в духе Малларме, которыми восторгался Поль Валери. Герои «В поисках...» цитируют именно Дега как главный авторитет в искусстве своего времени.

Конец XIX века, откуда берет начало прустовское восприятие, — это высочайший момент в искусстве. Франция рождает множество гениальных художников, которые, преодолевая все внутренние противоречия, раздиравшие эпоху, приходят к синтетическому искусству. Абстрактные элементы соединяются с непосредственным и точным ощущением реальности. Этот синтез — итог огромного личного опыта и анализа, а не компилятивная или заимствованная концепция. Но антинатуралистическое движение, в литературе представленное символистами, а в живописи — Гогеном («священная природа»), со временем разрушает этот краткий миг полноты и к 1907 году выливается в кубизм, иначе говоря — искусство, прямо противоположное реальности. В предвоенную эпоху кубизм сталкивается с футуристическими веяниями, идущими из Италии, с манифестами, требующими разрушить все музеи — святилища для Пруста. Но добровольная изоляция последнего все усиливается из-за его личных несчастий, непосильного труда и болезни. Одержимый своим произведением, Пруст продолжает его в полной независимости от художественных течений того времени. В послевоенные годы кубизм, футуризм и их производные победоносно расширяют сферу своего влияния. С помощью ловкой и крикливой рекламы они убеждают, что со всяким другим искусством покончено. Поэтому книги Пруста на первый взгляд кажутся созданием из другого мира, «пожарным искусством»^[8], архибуржуазным, устаревшим снобизмом. Для всей этой страстной молодежи, восторженной и принципиально революционной, слабо знающей историю французской литературы, да и саму французскую почву,

огромную сокровищницу литературной традиции, плодом которой был Пруст, — для всех этих послевоенных «варваров», стекавшихся в Париж с четырех концов света, Пруст был слишком сложен, чужд и совершенно неприемлем.

Всякое великое произведение тем или иным образом глубоко связано с самим существом жизни его автора. Но эта связь еще заметнее и, возможно, еще полнее в случае Пруста. Уже само название «В поисках...» — это преломленная жизнь Пруста, поскольку главный герой пишет от первого лица, а многие страницы оставляют впечатление едва замаскированной исповеди. Посредством главного героя книги мы видим его бабушку, заботящуюся о своем обожаемом уникальном внуке, черты которой чрезвычайно напоминают черты матери писателя; видим барона де Шарлю, прототип которого, барон де Монтезю, был одним из самых заметных (благодаря своему шику и оригинальности) аристократов того времени. Светские хроники 1900-х годов в романе никак не воспроизводятся, но он весь представляет собой отражение этого мира в своеобразном зеркале. Герой болен, как и сам Пруст, живет там же, где Пруст, и, как и молодой Пруст, страдает от своей творческой беспомощности; он так же реагирует и обладает той же сверхчувствительностью, что и автор, и так же, как и он, тяжело переживает потерю бабушки (автор — матери) и болезненный разрыв, которые имеют те же последствия — ощущение ирреальности, радости жизни и четкого понимания, что единственная подлинная жизнь и подлинная реальность возможны лишь в творчестве.

Друзья начинают видеть в нем зрелого человека, состоявшегося писателя, а самые проницательные из них уже предчувствуют его величину и гениальность. (Лучшие работы о Прусте: «Hommage à Proust» («Сборник в честь Пруста»), изданный в 1924–1925 годах Nouvelle Revue française со статьями Мориака, Кокто, Жида, Фернандеса, Ленормана и других^[9], с самой живой и точной из известных мне характеристик Пруста Леона-Поля Фарга и других, которых я не помню).

Пруст, будучи еще совсем молодым, начинает посещать самые модные и элегантные светские салоны Парижа. Мадам Штраус, урожденная Алеви (Галеви), одна из самых интеллигентных светских дам высшего слоя французской буржуазии, называет его «мой маленький паж». Пруст, восемнадцатилетний мальчик с красивыми карими глазами, сидит подле нее на пуфе на еженедельных приемах. Он становится постоянным гостем мадам Кайаве и Анатоля Франса, в доме которых собиралась вся тогдашняя политическая и литературная элита Франции. Ему случается даже быть в близкой связи с самым узким кругом

приближенных к Сен-Жерменскому дворцу.

В свои двадцать с небольшим Пруст обнаруживает, что его болезнь, развивавшаяся с детства, скорее всего, неизлечима. Он привыкает к ней и организует свою жизнь, принимая ее как неизбежное зло. Только после смерти писателя многие из его друзей поняли, насколько он был болен и каких усилий стоила ему бодрость — эти юношеские выходы в свет, когда болезнь давала ему несколько дней или недель передышки.

С возрастом Пруст утрачивает способность переносить какие-либо запахи, духи. «Выйдите немедленно и бросьте свой платок за дверь» — говорил он друзьям, случайно пришедшим к нему с надушенным платком в кармане. Автор восхитительных описаний цветущих яблонь одним прекрасным весенним днем решается вновь посмотреть на цветущий сад. Он отправляется в пригород Парижа в закрытой машине и только через опущенные стекла машины позволяет себе взглянуть на свои любимые деревья. С тех пор, как он зарывается в свой роман, малейший шум становится для него невыносимым. Свои последние долгие годы работы он проводит в комнате, стены которой полностью обиты пробковым деревом, лежа на кровати, стоящей вдоль пианино. На пианино — гора книг. На ночном столике — гора лекарств и листов бумаги, исписанных его нервным почерком. Он пишет в самой неудобной позе — лежа, опершись на правый локоть, и даже сам в своих письмах упоминает, что «писать для него — мучение».

Я уже рассказывал вам, какую огромную роль в жизни с детства болевшего Пруста сыграла его мать. Она обожала его, ухаживала за ним, не покидая почти ни на минуту. Пруст со своей женственной природой до самой смерти матери дышал этим воздухом редкостной и умной нежности. Часто в пылу сентиментальных, интеллектуальных или артистических страстей он, наверное, забывал, насколько она ему необходима. А она вопреки всему и вся верила в его талант, в его гений, в то время как друзья юности считали его снобом и неудачником, а отец, человек деятельный и реалистичный, в образе жизни сына видел только досадную пассивность и неспособность сделать карьеру. Именно на отношения героя книги к его бабушке Пруст переносит все оттенки своей любви к матери, своего юношеского эгоизма, часто своей неспособности понять тогда, до какой степени материнская любовь к нему (в романе — бабушкина) была абсолютной, бескорыстной и возвышенной. Холодная точность, с которой спустя немалое время после смерти матери он неуловимыми намеками обличает жестокость своей юности, свою собственную жестокость, еще раз доказывает, насколько писатель, анализируя себя, был свободен от всякого человеческого самолюбия, от всякого желания если не приукрасить, то хотя

бы немного подретушировать собственный образ. Один пример: молодой герой, мальчик пятнадцати или шестнадцати лет, проводит вечера на Елисейских полях, где встречается девушку, Жильберту (дочь Одетты, бывшей любовницы, после Жанны, Свана). Ужин, во время которого он сгорает от нетерпения снова оказаться на Елисейских полях, по силе переживаний можно сравнить с мучениями маленького мальчика, ожидающего к вечеру возвращения матери в старом деревенском доме много лет назад. Однажды его бабушка, тогда уже тяжело больная, сильно задерживалась и не вернулась со своей ежевечерней прогулки на машине перед ужином. Герой отмечает первым делом пришедшую ему в голову мысль: «у бабушки, наверное, снова случился сердечный приступ, может быть, она умерла, и я из-за нее опоздаю на свидание на Елисейских полях». И добавляет с той же отстраненной объективностью и как будто безразличием: «Когда любишь кого-то, не любишь никого»^[10]. Эти черты бесконечно углубляют светлые и темные стороны сыновней привязанности и материнской любви, неся на себе следы интимных душевных состояний и эмоций. Мать Пруста умерла в 1904–1905 году. Это первое настоящее горе, первая серьезная потеря, пережитая Прустом. Вся его светская жизнь, нервная, несчастливая, хаотическая, стоившая невероятного труда, усугублявшая его болезненное состояние и заставлявшая по этим двум причинам так сильно, хотя и затаенно, страдать его мать, разбивается вдребезги. Пруст, убитый горем, надолго исчезает из поля зрения своих светских друзей. Именно тогда мечта матери видеть сына писателем начинает преследовать его настойчиво и решительно. Не написав до сих пор ничего, кроме нескольких светских статей и нескольких юношеских, но уже полноценных страниц («Улица Тополей, увиденная из окна автомобиля»^[11] и «Утехи и дни»^[12], никем тогда не замеченные), понимая свою неспособность пока что взяться за серьезное произведение, но уже чувствуя его внутри себя, Пруст начинает усиленно работать, всерьез берется за литературный труд, который формирует в нем способность писать не только под влиянием мимолетного вдохновения, но ежедневно и с усилием. Он решает перевести полное собрание сочинений Джона Рёскина. Рёскин оказал огромное эстетическое влияние на поколение Пруста. Открытие примитивистского итальянского искусства, культ Венеции, обожание Боттичелли в 1890–1900 годах — все это идет от текстов Рёскина. Пруст издает своего Рёскина с собственным огромным предисловием. Так он начинает второй жизненный этап, с той же страстью, с той же неумеренностью, с какими он бросался в водовороты светской и чувственной жизни. Пруст

погружается в литературную работу. С этого момента и до самой смерти он все сильнее замыкается в своей пробковой комнате. Да самого последнего времени его еще можно было иногда встретить в салонах или в отеле Ритц, но это были лишь эпизодические выходы, когда писатель оттачивал, проверял или «ботанизировал» материал для своей новой огромной Человеческой комедии.

Медленный и болезненный процесс трансформации человека страстного и сугубо эгоистичного в человека, полностью отдающегося тому или иному своему произведению, которое его сжирает, уничтожает, питаясь его кровью, — это процесс, который ждет каждого творца. «Если зерно не умрет»... В случае творца-художника эта трансформация происходит по-разному, более или менее осознанно, но случается почти с каждым. Гёте говорил, что в жизни каждого творца биография должна и может иметь значение до тридцати пяти лет, а после этого начинается не жизнь, а результат борьбы с предметом его творчества, который должен занимать центральное место и все сильнее поглощать внимание художника^[13]. Но редко когда разрыв между двумя жизнями человека бывает настолько резко обозначен. Конрад, покидавший корабль в тридцать шесть лет, окончательно прощаясь с морем, чтобы взвалить на себя огромный труд своего литературного творчества, кажется мне в чем-то похожим примером. Коро, наоборот, производит впечатление художника, не знавшего драм и битв. Этот сын провинциального портного с совершенно серой и неприметной биографией всегда оставался верным своей единственной любовнице — искусству. Прошу не забывать, что я намеренно сильно упрощаю тему, которая завела бы меня слишком далеко. И, тем не менее, полагаю, что не обижу Коро, если скажу, что необычайная гармоничность и нежность его произведений, их драгоценная огранка и то равновесие, благодаря которому он избежал всех бурь современности, благодаря которым он укрылся от времени, кажутся мне тесно связанными с его отношением к жизни.

Какими комичными выглядят замечания знакомых или поверхностных читателей Пруста о его снобизме! Что может значить это слово в отношении писателя такой величины, который наблюдает за светским обществом с такой ясностью и отстраненностью?

Пруст все больше ведет ночную жизнь. Ему становится хуже год от года. Один из многих странных симптомов его болезни выражается в том, что он всюду мерзнет. Носит одежду на меховой подкладке. На всех рубашках коричневые пятна, потому что перед тем, как надеть, он греет их «дочерна». В

салонах для самого узкого круга, где еще несколько лет назад был завсегдатаем, он еще появляется время от времени, но всегда к шапочному разбору; тогда, еще более блестящий, чем прежде, он становится центром всеобщего внимания и своей живостью удерживает всех до самого утра. В какое-то невообразимое время суток его видят иногда в отеле Ритц, пристанище парижских мотов и гуляк. За исключением этих редких вылазок он никуда не выходит; все сильнее и сильнее теряет ощущение времени. Разражается война. Мобилизация тяжелобольного Пруста, конечно же, исключена. Но, живя в тепличных условиях и при таком свободном от бюрократии режиме, какой царил во Франции до 1914 года, он не имел ни малейшего представления о формальностях, которым приходится подчиняться каждому гражданину во время войны, и испытывал священный ужас перед военными властями, боясь скомпрометировать себя несоблюдением каких-либо предписаний. Вдруг Прусту приходит извещение с требованием явиться в призывную комиссию. Он путает время, не спит всю ночь, пичкая себя лекарствами, и является в комиссию в 10 часов вечера. И возвращается домой, чрезвычайно удивленный, что никого не застал. Уже после войны, в последние годы жизни Пруста, графиня Клермон-Тоннер снимает ложу в опере на большое благотворительное представление, чтобы писатель мог еще раз взглянуть на мир, соками которого питалось все его творчество. Пруст приходит с опозданием, садится в углу ложи спиной к сцене и разговаривает все время спектакля. На следующий день графиня сделала ему замечание: не стоило снимать ложу и приходить, если он не пожелал даже взглянуть на сцену. В ответ Пруст с тонкой улыбкой рассказал ей в мельчайших подробностях все, что происходило на сцене и в театре, со множеством деталей, которых не заметил никто другой, и добавил: «Не беспокойтесь, если речь идет о моем произведении, то я замечлив, как пчела». Именно в литературной работе чувствительность Пруста реализовалась в полной мере. Он имел свойство отзываться на события с опозданием и не напрямую. Например, бывая в Лувре, он все видел, но ни на что не реагировал. А вечером, в постели, с ним случалась настоящая горячка, вызванная восхищением. Все несчастья в чувственной жизни Пруста, все маленькие и жестокие трагедии, вызванные его восприимчивостью, проявляющейся гораздо сильнее, но иначе и позже, чем у его друзей, более всего помогли ему воссоздать в его одиночестве мир пережитых впечатлений, переплавить их и передать на страницах «В поисках...».

С детских лет Пруст знал свое призвание и видел свою обязанность в том, чтобы не дать эмоциям выплеснуться

непосредственно в момент впечатления, а совершить усилие и углубить, уточнить их, дойти до источника своего впечатления, осознать его. Он сам рассказывал, как в детстве, увидев восхитившее его отражение солнечного луча в пруду, он стал бить зонтиком о землю и кричать: черт! черт! черт! Уже тогда Пруст ощущал, что уклоняется от своей главной обязанности — не выражать немедленно, но углублять свое впечатление. В «Обретенном времени» писатель насмехается над людьми, которые не могут сдерживать восторга и бурно жестикулируют, слушая музыку, или громко выказывают свое восхищение. «Ах, клянусь, черт побери, я никогда не слышал ничего прекраснее!». В тексте Пруста есть несколько отправных точек, несколько прозрений, ставших уже классикой и дающих нам ключ к разгадке тайны его творческого процесса. Это печенье «мадлен» в первом томе, «В сторону Свана», и неровные плитки в предпоследнем — «Обретенном времени». Больной герой пьет чай, обмакивая в него маленькие кусочки бисквита. Запах намокшего в чае хлеба напоминает ему о детстве, когда он так же ел «мадлен». Это не сознательное, хронологическое воспоминание о детстве, а внезапный проблеск (Пруст не раз подчеркивал, что только произвольная память имеет значение в искусстве), который возникает из этой чашки чая с ароматным печеньем. Как японские бумажки (метафора Пруста), которые, брошенные в бокал, разбухают, увеличиваются в размере и наконец принимают форму цветов, домов или лиц, так воспоминание, вызванное запахом «мадлен», всплывает, растет и понемногу принимает форму родного дома, старой готической церкви, деревни его детства, лиц его старушек-тетушек, кухарки Франсуазы, Свана, который часто бывал у них дома, и среди них — лица любимых, прежде всего, матери и бабушки^[14]. Это крошечное воспоминание в начале задает тон всему роману.

Еще одно место у Пруста дает нам ключ к пониманию не только его творческого процесса, но даже и его биографии и кажется едва замаскированным исповедальным рассказом о моменте озарения, когда писатель ясно осознал свое призвание, переданным устами героя. Устав от бесплодных усилий стать писателем, проведя годы в мучениях и терзаниях, в постоянных, но не полных самопожертвованиях, в удовольствиях, дружбе, мимолетных связях, герой (или сам Пруст) решает отречься от своего призвания. Он больше не писатель. У него нет таланта, это была ложная цель, он уже не молод, и пора себе в этом признаться. Итак, если мечта стать писателем была лишь мечтой, то надо с этим смириться и, по крайней мере, остаток жизни посвятить друзьям и светским развлечениям, избавившись наконец-то от сомнений и

угрызений совести. С этим совершенно новым умонастроением покорный и спокойный Пруст направляется в особняк Германтов на блестящий прием, уже после войны. В ту минуту, когда он входит в ворота особняка, ему приходится отскочить в сторону, чтобы пропустить въезжающий автомобиль; его ноги наступают на две неровных каменных плиты, и тут совершенно неожиданно автор вспоминает, как много лет назад стоял на таких же неровных плитах в Венеции, на площади Сан-Марко, и перед ним возникает четкий и ошеломляющий образ Венеции и всего, что он там видел и пережил. Он внезапно обретает уверенность, что его произведение существует внутри него, со всеми деталями, и только ждет своего воплощения. Ошарашенный этим открытием, пришедшим в самый неожиданный момент, Пруст заходит в дом Германтов, который видит впервые после военного перерыва; дворецкий, который знает его много лет, встречает его с удивительным почтением, и это внезапно показывает ему, что он перестал быть молодым. В небольшой гостиной он ждет антракта в концерте, идущем в главном зале. Дворецкий приносит ему чашку чая и жестко накрахмаленную салфетку. Прикосновение к этой салфетке вызывает у него не менее ясное и четкое воспоминание о другой салфетке, которая оставляла такое же ощущение (шок, потрясение) — много лет назад в Гранд-отеле в Бальбеке, на берегу моря — видение не менее резкое и ошеломительное, чем венецианское. Герой, направляясь на прием к Германтам с уверенностью, что раз и навсегда покончил с литературными амбициями, проводит часы этого визита в состоянии осознанного сновидения, в убежденности в своем призвании, которая перевернула всю его жизнь. Он наблюдает за сборищем многочисленных друзей его прошлой жизни, изменившихся с возрастом, постаревших, растолстевших или высохших, и видит молодежь, новое поколение, замечает, что у этих молодых людей те же самые надежды и стремления, что и у его старых или покойных друзей — но все это он видит новым взглядом, ясным, отстраненным и безучастным, и понимает наконец, ради чего жил. Именно он, он один во всей этой толпе оживит их еще раз — он говорит это с такой силой и уверенностью, что смерть становится ему безразлична. По дороге домой, в свою новую жизнь огромного труда, воплощения, ему в голову вдруг приходит мысль, что его может задавить первый попавшийся трамвай, и это кажется ему невозможной чудовищностью. Как мы знаем, большая часть последнего тома Пруста, вышедшая после смерти автора и без его корректуры, была написана им раньше всех остальных частей, что лишний раз доказывает, что вершина его произведения, заключение, было одновременно и его личной исповедью, и началом.

Я вижу, что, говоря о Прусте, заполняю мою лекцию деталями его романа и личной жизни, но почти не показываю, а еще менее разъясняю, в чем именно состоит новаторство, открытие, суть его произведения. Не располагая ни одной книгой и, что принципиально важно, не обладая никаким философским образованием, я могу лишь коснуться этой существенной темы. Нельзя серьезно говорить о Прусте в отрыве от философских течений того времени, не упоминая философию Бергсона, его современника, сыгравшего большую роль в его интеллектуальном развитии. Пруст слушал лекции Бергсона, которые в 1890–1900 годах пользовались огромной популярностью, и, если я правильно помню, был лично знаком с ним. Даже название произведения Пруста показывает, что его автор был одержим проблемой времени. Именно о времени рассказывал Бергсон с философской точки зрения. Я читал много исследований на тему проблемы времени у Пруста. Честно говоря, из них я помню только многократные утверждения, что именно в этом отношении творчество Пруста имеет особое значение. И еще здесь нужно назвать главный тезис философии Бергсона. Бергсон утверждал, что жизнь непрерывна, а наше восприятие прерывисто. Поэтому наш разум не может сформировать адекватного представления о жизни. Интуиция более адекватна жизни, чем разум (интуиция человека — эквивалент инстинкта животного). Пруст пытается победить прерывистость восприятия с помощью произвольной памяти, с помощью интуитивного построения новой формы и нового образа, которые создадут у нас впечатление непрерывности жизни. Все длинные романы, в большей или меньшей степени, отмеченные влиянием прустовской формы, мы называем теперь «роман-река». Но ни один из них не соответствует этому определению в той же мере, в какой оно применимо к «В поисках утраченного времени». Я постараюсь объяснить это сравнение. Дело не в том, что несет с собой река: бревна, труп, жемчуг, представляющие собой отдельные составляющие части реки; дело в самом течении, длящемся без остановки. Читателя Пруста, входящего в кажущуюся однообразной воду, захватывают не факты, а те или иные герои, бесконечная волна движения самой жизни. Первоначальный план Пруста, касающийся формы публикации его романа, не мог быть осуществлен. Он хотел издать это огромное «целое» в одном томе, без полей, без деления на абзацы, части или главы. Идея показалась смешной даже самым образованным издателям Парижа, и Прусту пришлось раздробить свой роман на пятнадцать или шестнадцать частей, с названиями, охватывающими две или три части. Но ему все-таки удалось заставить издателей сделать одну вещь, которая с точки зрения

структуры книги была тогда новаторской. Ни одна часть не издана целиком, без захвата фрагментов соседних частей. Книги намеренно обрываются в произвольных местах и, как кажется, их объем регулируется скорее количеством страниц, нежели развитием той или иной темы. Надо добавить, что сами темы так переплетены между собой, что любой обрыв кажется просто вынужденной технической формальностью. Тома напечатаны очень тесным и мелким шрифтом, с узкими полями и без отступов. Вот всех пятнадцати томах мы видим лишь несколько делений на главы, расположенных безо всякой гармонии и логической связи с делением на тома. Этой странной формой издания Пруст добивается эффекта непрерывности и незавершенности потока своего произведения. Само построение предложений революционно для тогдашнего литературного стиля, краткого и сжатого. Предложения бесконечно длинные, до полутора страниц, напечатанные в такой тесноте и без отступов. Страшный сон для любителей «французского стиля», который, согласно известному клише, должен обязательно отличаться краткостью и ясностью. У Пруста предложения, наоборот, запутанны, полны воображаемых скобок и скобок в скобках, полны самых отдаленных во времени ассоциаций, метафор, ведущих к новым скобкам и новым ассоциациям. Пруста обвиняют, что это не французский стиль, а немецкий. Крупный немецкий критик Курциус^[15], большой поклонник Пруста, также отмечает германские элементы прустовской фразы. Обратите внимание, как Пруст реагирует на это. И обратите внимание, какой невероятной литературной культурой он обладает. Пруст утверждает, что родство его фразы с немецкой — не случайность и не ошибка, но что современное немецкое предложение более всего напоминает латинское. А с латынью гораздо глубже связан не немецкий, а французский язык XVI века, к которому его, Пруста, стиль отсылает. Добавим от себя, что знаменитая краткость и ясность французского стиля — явление сравнительно молодое. Оно зарождается в энциклопедическом и рационалистическом XVIII веке, когда французский был языком скорее разговорным, нежели литературным. Немецкий же язык развивался в разрозненных центрах и, в основном, в письменной форме. Французский, наоборот, оттачивался в одном городе — в Париже, который, как отмечал уже Гёте, притягивал к себе всех интеллектуалов и благодаря этому стал уникальным культурным центром. Бой-Желеньский, польский переводчик Пруста, которому удалось перевести более половины произведения писателя до начала войны в 1939 году и многие страницы которого можно отнести к шедеврам польской литературы, еще сильнее увеличил разрыв между первоначальным планом Пруста и его польским

воплощением. У меня был случай обсудить эту тему с Боем, и он защищал свою позицию, настаивая на том, что в случае Пруста намеренно сделал текст более ясным не вопреки, но во благо оригинала. Пруст хотел быть популярным. Было бы ошибкой превращать его в писателя для узкого круга, нужно редактировать его таким образом, чтобы он становился как можно более удобочитаемым. Впрочем, ведь Пруст согласился изменить свой первоначальный план (издание одним томом) во Франции. Если говорить о Польше, то огромная фраза Пруста там неприемлема. За неимением других средств польский язык вынужден злоупотреблять словами «который», «которая». Но Бой в своем переводе пошел еще дальше. Он издал тома Пруста в более читабельном виде, с абзацами, диалогами, не хаотически вплетенными в текст, а расположенными строчка под строчкой. Количество томов в переводе увеличилось вдвое. «Я пожертвовал изощренностью ради самого главного», утверждал Бой. В результате Пруст с момента публикации в Польше немедленно стал легко читаемым писателем, а в Варшаве любили шутить, что стоило бы сделать обратный перевод с польского на французский, чтобы он обрел наконец популярность во Франции. Говоря о стиле Пруста, необходимо подчеркнуть богатство его стиля. Его страницы сверкают и переливаются драгоценными метафорами, странными и изысканными ассоциациями, но эти красоты никогда не становятся самоцелью. Они лишь углубляют, делают более рельефными и свежими главные мысли предложений. Не будем забывать, что дебют Пруста совпадает с расцветом литературной гостиной Малларме, что он был его большим поклонником и восторгался всеми тонкостями, всеми находками французского языка своей эпохи, от Бодлера и парнасцев до символизма в поэзии, от Гонкура и Вилье де Лиль-Адана до Анатоля Франса в прозе. Восхищаясь современной литературой, Пруст не менее хорошо разбирался во всей французской словесности. Он обладал недюжинным литературным образованием и поразительной памятью. Его друзья рассказывали, что он декламировал наизусть целые страницы Бальзака. И не только Бальзака, кажется, самого непосредственного предшественника Пруста, более всех на него повлиявшего, но и Сен-Симона, которого он любил и подробно изучил, и многих других. Пруст оставил несколько пастишей. Я помню его пастиш на Бальзака. В этой удивительно верной и полной юмора пародии Пруст акцентирует помпезность и преувеличенность, с какой Бальзак описывает графинь и герцогинь, знатных, чистых, как ангелов, и красивых, как богинь, или лукавых, как сам дьявол. Если я правильно помню, то именно Пруст утверждал, что лучший способ избавиться от чрезмерного влияния любимого писателя — это написать

пародию на него. Поразительно, какое значение Пруст придавал каждому слову и с каким остервенением этот вечно больной и слывший поверхностным человек работал над стилем. Несколько коротких примеров: ночь, Париж полностью погружен во мрак; критик Рамон Фернандес разбужен неожиданным визитом Пруста. «Извините меня, я пришел просить у вас о небольшом одолжении. Не могли бы вы повторить за мной два слова по-итальянски: *senza vigore*». Хорошо зная итальянский, Фернандес повторяет эти слова, и Пруст исчезает так же внезапно, как появился. — С каким же чувством — рассказывал Фернандес — я прочел после его смерти в одном из томов разговор Альбертины об автомобилях, в котором она мельком роняет эти два слова. Работая над этим фрагментом, Пруст должен был не только знать значение этих иностранных слов, он должен был услышать их из уст кого-то, кто хорошо знает итальянский. В издании писем Пруста я нашел небольшое послание последнего периода его жизни к одному из парижских критиков (думаю, это был Буланже), с которым он тогда еще не был знаком, но хотел встретиться по поводу одной хвалебной статьи, написанной о нем. В постскриптуме Пруст добавляет: «Простите мне эти два «que», но я чрезвычайно спешу». Я вижу, что некоторые мои слушатели улыбаются. И тем не менее: именно эта отчаянная честность, этот культ формы в ее мельчайших деталях дают нам писателей масштаба Флобера или Пруста. А отсутствие понимания важности этого усилия, доведенного до предела, разрушает множество наших больших талантов. Еще одно общее место, впрочем, часто повторяемое и мной: Пруст — это натурализм под микроскопом. Чем дольше я размышляю, тем более ошибочным кажется мне это определение. Секрет Пруста состоит не в микроскопе, а в другой черте его дарования. Я постараюсь объяснить ее через сравнение. В томе «В сторону Свана» Пруст рассказывает, что бабушка всегда дарила ему подарки, представлявшие собой произведение искусства, пропущенное сквозь художественный фильтр. Юный герой книги мечтал о поездке в Венецию и собирался отправиться туда с родителями, но из-за болезни вынужден был остаться дома. Бабушка дарит ему не фотографию собора Святого Марка или другого венецианского шедевра, а картину, изображающую этот шедевр. Причем не простую фотографию или картину, а гравюру, тоже выполненную выдающимся художником. Факт у Пруста никогда не предстает необработанным. Он с самого начала несравненно обогащается и преобразуется в его мозгу, в воображении художника, отгороженного от мира болезнью, пробковыми стенами, самым мозгом, переполненным литературой, художественными и научными ассоциациями. Но что в произведении Пруста больше всего противоречит идее

«микроскопа» (гистология), так это невероятный диапазон аллюзий, почерпнутых из разных эпох, разных видов искусства, благодаря которому его письмо становится скорее историей его мыслей, взбудораженных фактом, нежели историей самих фактов. Я недавно перечитал начало «Войны и мира». Двадцать две страницы занимает описание вечера у Анны Павловны Шерер, придворной дамы императрицы-матери. Толстой мастерски передает атмосферу, интриги, спрятанные за комплементами, мы подробно и наглядно знакомимся со всем аристократическим высшим светом, приглашенным Анной Павловной. Первая глава, всего каких-то две страницы — вершина изящества — разговор князя Василия с хозяйкой. Их взаимные реверансы и фразы воссоздают колорит и манеру выражаться, присущие лучшим представителям эпохи. В сущности, в томах «У Германтов» и «Содом и Гоморра» перед нами те же темы, с той лишь разницей, что один только полдник у герцогини мог бы составить отдельный обширный том, а описание разговора, подобного тому, который Анна Павловна ведет в «Войне и мире», стало бы предметом десятков, может быть, сотен страниц плотного текста. Но это был бы не только микроскопный анализ каждой морщинки, каждого жеста, каждого аромата; это был бы еще и нескончаемый клубок ассоциаций, ведущих к другим ассоциациям, самым неожиданным и отдаленным во времени, метафор, которые открывали бы нам путь ко все новым и новым метафорам. Было бы абсурдом говорить о «формализме», о чистой форме у Пруста. Прежде всего, чистого формализма не существует в большой литературе. Новая, не искусственная, а живая форма не может существовать без нового содержания. В произведении Пруста мы чувствуем бесконечный поиск, страстное желание писать ясно и легко, передать весь этот трудно постижимый мир впечатлений и ассоциативных цепочек. Форма романа, его структура и фраза, все его метафоры и образы являют собой внутреннюю необходимость, отражающую саму суть авторского видения. Пруст охотится — повторяю еще раз — не за голыми фактами, а за тайными законами, которым они подчиняются; это желание описать неуловимые подспудные механизмы бытия.

Перевод с французского Анастасии Векшиной

-
1. Выделенные курсивом слова — в оригинале по-русски — Примеч. ред.
 2. убогая обстановка (фр.) — Примеч. пер.
 3. На самом деле, тринадцатый. — Здесь и далее, если не

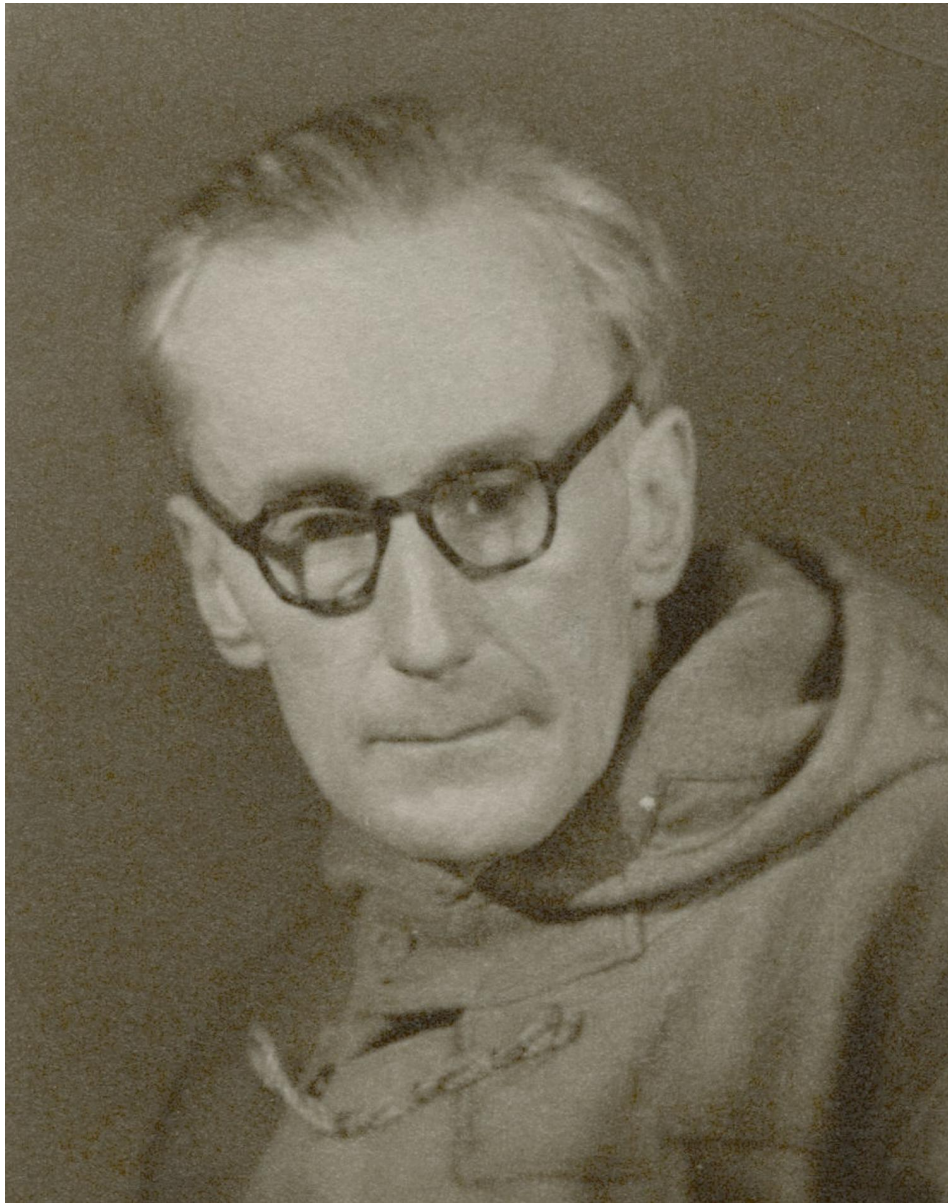
указано иначе, примеч. французского издателя.

4. Пруст умер в 1922 году, остальное было опубликовано посмертно.
5. Джон Рёскин (1819–1900) — английский теоретик искусства и социолог, автор фундаментальных работ, посвященных взаимосвязи искусства с другими областями человеческой деятельности
6. Лев Бакст (1866–1924) — русский художник и сценограф, известный, прежде всего, своими декорациями к Русским балетам Дягилева, в том числе, «Шехерезаде».
7. Игра слов: «faire du Mallarme» по аналогии с «faire du mal» — вредить, причинять вред. — Примеч. пер.
8. L'art pompier (фр.) — академизм, название официального искусства второй половины XIX века во Франции, когда получил распространение помпезный (pompière — фр. «пожарник», pompeux — фр. «помпезный») стиль с претензией на античность. «Пожарниками» называли художников, изображавших персонажей в античных шлемах, напоминавших шлемы французских пожарных того времени. — Примеч. пер.
9. Les Cahiers Marcel Proust, том 1, Hommage à Marcel Proust, Gallimard, Париж, 1927.
10. «Ибо, хотя теперь я только и думал о том, чтобы каждый день, без исключения, видеть Жильберту (до такой степени, что однажды, когда бабушка не вернулась домой к обеденному часу, я не мог подавить невольно возникшей у меня мысли, что если она попала под колеса, то на некоторое время мне придется отказаться от прогулок на Елисейские поля; когда мы влюблены, мы никого не любим), однако эти минуты, когда я находился подле нее, минуты, которых я дожидался с таким нетерпением уже с вечера, за которые я трепетал, которым пожертвовал бы всем на свете, отнюдь не были минутами счастливыми». «В сторону Свана», перевод А.А. Франковского (1927).
11. «Впечатления от поездки на автомобиле», текст 1907 года.
12. Сборник стихов и прозы, вышедший в 1896 году.
13. Примечание автора: Я цитирую по памяти, возможно, искажая текст. Розанов, когда на него нападали критики за неточное или ошибочное цитирование, отвечал такой шуткой: «Нет ничего проще, чем цитировать дословно — достаточно проверить по книге. Но несравненно сложнее усвоить цитату настолько, что она станет вашей и преобразится в вас». — Если я искажаю цитаты, то лишь потому, что не имею возможности проверить, не обладая

ни храбростью Розанова, ни правом гениального автора.
[Василий Розанов (1856–1919) — русский мыслитель, автор философских, религиозных, художественных и злободневных эссе, восхищавших русскую интеллигенцию предреволюционной эпохи].

14. И как в японской игре, состоящей в том, что в фарфоровую чашку, наполненную водой, опускают маленькие скомканные клочки бумаги, которые, едва только погрузившись в воду, расправляются, приобретают очертания, окрашиваются, обособляются, становятся цветами, домами, плотными и распознаваемыми персонажами, так и теперь все цветы нашего сада и парка г-на Свана, кувшинки Вивоны, обыватели городка и их маленькие домики, церковь и весь Комбре со своими окрестностями, все то, что обладает формой и плотностью, — все это, город и сады, всплыло из моей чашки чаю. «В сторону Свана», перевод А.А. Франковского (1927).
15. Эрнст Роберт Курциус (1886–1956) — филолог, переводчик, автор книги «Марсель Пруст», а также знаменитой классической работы «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). — Примеч. пер.

Из воспоминаний Егора Даниловича Резникова о Юзефе Чапском

Юзеф Чапский, 1955 г. Фото: Archiwum Instytutu Literackiego

Моя мать, Наталья Резникова познакомилась с Чапским через писателя Алексея Ремизова в начале 50-х годов. Скорее всего, в 1953 или 1954 году. Точно не могу сказать. Мы называли его Иосифом. Когда Чапский переехал в Париж, связался с Алексеем Ремизовым. Моя мама дружила с Ремизовым, была его секретарем. Именно Ремизов хотел,

чтобы мать познакомилась с Чапским. Их встреча произошла на приеме у Гастона Галлимара, основателя крупнейшего французского издательства «Галлимар». Раз в неделю в его доме проходили литературные коктейли. Кажется, это было по средам. Мать туда ходила, раз даже взяла меня с собой. Мама не знала, как выглядит Чапский. Накануне коктейля Ремизов сказал ей: «Пойдите на прием, там точно будет Чапский. Вы его легко узнаете, это будет самый высокий человек». Мама переживала, думала, может там будет несколько высоких людей, но Чапский, действительно, оказался самым рослым. Его голова на приеме возвышалась над всеми гостями.

Иосиф Чапский был совершенно очаровательным человеком. С улыбкой, темпераментом, очень добрый, сердечный. Когда мы познакомились, мне было 14–15 лет. Ремизов умер в 1957 году. Даже после его кончины наша семья дружила с Чапским. Я запомнил его сияющим, светлым. Это был удивительный человек с огромным жизненным опытом. Его жизнь была очень яркой, интересной. Мы видели его у Ремизова, он часто приходил к нам в гости.

Во времена революции Чапский был в России. Он рассказывал маме и мне о том, что там видел. Рассказывал также о мировой войне. Однажды во время его визита зашла речь о Толстом. Наша семья была под большим влиянием Толстого, его философии ненасилия, христианского подхода к жизни. И тут Чапский разъярился, проявил гнев. Он сказал: «Нет! Учение Толстого оказалось очень вредное». Почему? Чапский сказал, что видел во время революции, как команды большевиков, неграмотных рабочих, злых людей приезжали в деревни и отнимали у крестьян зерно, обвиняли их в том, что они не хотят делиться, хотят всех заморить голодом. Крестьян ведь за это сажали, расстреливали, ссылали в лагеря и Чапский, который это видел, говорил, что крестьяне покорно смирялись из-за влияния Толстого. Они не хотели насилия, поэтому вели себя как барашки. Чапский говорил: «Если бы они организовались, показали силу и дали отпор, история бы могла пойти иначе. Крестьян ведь было очень много». Чапский считал, что учение Толстого негативно повлияло. Он с таким темпераментом об этом говорил! Меня это очень удивило. Хочу уточнить, что он ценил Толстого как литератора и критиковал только учение.

Когда Чапский приходил к нам в гости, мы много говорили не только о литературе, но и о живописи. Кстати, у меня есть два его рисунка в красках. На одном изображены люди в кафе. Однажды Чапский увлекся одним молодым французским художником Коллином. Он его очень поддерживал и продвигал, рассказывал нам о нем, подарил книгу с работами Коллина. Чапский был серьезным человеком, но очень улыбчивым.

Общаться с ним было приятно. Я ведь музыкант, играл тогда на рояле, поэтому мы общались с Иосифом о музыке, Фредерике Шопене, других польских композиторах.

Мы говорили по-русски. Он хорошо владел французским, но по-русски нам было удобнее общаться. Он свободно, блестяще говорил по-русски. У него был очень высокий голос. Когда он радовался, голос подымался еще выше. По голосу Иосифа Чапского можно было узнать издалека.

Я очень рад, что такая важная фигура, такой яркий человек был в нашей жизни. Рад, что «Новая Польша» занимается его наследием. К сожалению, сейчас во Франции уже непросто найти людей, которые его помнят.

Записал Евгений Климакин

Неизвестное интервью Юзефа Чапского (взял Михаил Геллер)

Мария и Юзеф Часпские, 1970 г. Фото: Archiwum Wojciecha Karpińskiego

От издателя
Енджей Пекара

26 декабря 1974 года в маленькой, заполненной книгами квартире на улице Пигаль в Париже встретились четыре человека, которым русская мысль и сама Россия, были очень близки. Участниками встречи были Михаил Геллер со своей женой Евгенией и Юзеф Чапский с сестрой Марией. Геллер — эмигрант, историк, литературовед, сотрудник и публицист «Культуры». Чапский — тоже эмигрант, польский писатель, эссеист, художник. Цель встречи — разговор о России, рассказ Чапского о его жизни там.

Они познакомились в 1968 году. Тогда Геллер с семьей бежал из Польши, потому что только бегством можно назвать их эмиграцию, и поселился во Франции, где сразу начал тесно сотрудничать с издательством «Институт литературы», познакомился с Ежи Гедройцем, Зигмунтом Герцем и Юзефом Чапским. Он был знатоком России — получил историческое образование в СССР, в конце 50-х выбрал «свободу» и уехал в ПНР. Геллер был выдающимся советологом, а также знатоком русской литературы, культуры и истории. А Юзеф Чапский был человеком, которому Россия никогда не была чужой, который знал Россию лично, с этой страной была связана его личная история.

Во время встречи рассказы Юзефа Чапского были записаны на магнитофонную ленту. Эта запись, которую я называю «интервью», не совсем, однако, соответствует основным методологическим требованиям этого жанра. Это длящийся почти час монолог Чапского, в ходе которого несколько раз слышно Геллера, уточняющего детали.

Этот рассказ длится почти час, то есть столько, сколько помещается на одной стороне магнитофонной кассеты. Вторая сторона кассеты — пуста. Рассказ Чапского — это воспоминания о семье, детстве и юности. Больше всего внимания посвящено его жизни в России и встреченным там в 1910–1918 гг. людям. Хотелось бы особо подчеркнуть, что найденная запись — это не полное высказывание Чапского. Из контекста разговора, а также из переписки его участников ясно следует, что подобные дискуссии они вели и до этого.

Несомненно, разговор продолжался и после того, как закончилась кассета, может быть, они его уже не записывали, а может, Геллер, который обслуживал магнитофон, вставил чистую кассету, вместо того, чтобы перевернуть на другую сторону старую.

Следует попытаться ответить на вопрос, почему это «интервью» вообще записывалось. Ответ не так прост. Первое, что приходит в голову — это намерение опубликовать воспоминания Чапского. В 1974 году автор «На бесчеловечной земле» не дал ни одного интервью, не опубликовал никаких воспоминаний. Не сделала этого также его сестра, книга

которой — «Изменившееся время» — выйдет лишь в 1978 г. Учитывая тот факт, что слушателем Чапского был Геллер — человек, тесно связанный с русской эмиграцией в Париже, и принимая во внимание темы, которые поднимает польский художник, можно предположить, что «интервью» хотела напечатать «Русская мысль» или «Континент». Другой концепцией (довольно сомнительной) было бы утверждение, что запись сделали по просьбе Геллера, что он мог использовать воспоминания Чапского в своей научной работе. А может быть, это Чапский хотел, чтобы Геллер его выслушал и записал? Может, брат и сестра планировали использовать запись в работе над биографией семьи? А может, его сделали просто, чтобы было. Это все только гипотезы, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Единственная подсказка находится в письме Чапского Геллеру от 28 декабря 1974 г.: «Я так тебе благодарен, что ты меня выслушал с диктофоном в руке [...]. Я отнял у тебя кучу драгоценного времени лишь затем, чтобы развеять собственные иллюзии, рассказывая о них Тебе. [выделение Ю. Чапского].

Этот разговор, скорее всего, самое раннее «интервью», в котором Чапский рассказывает о своей жизни, что, конечно, не значит, что этой информации нет в других источниках. Многие его позднейшие высказывания или интервью содержат более интересные факты, которые, может быть, изложены не так хаотично. Поиск информации о жизни Чапского в России следует начать с книги Марии Чапской «Изменившееся время», вышедшей в 1978 году. Целый ряд важных интервью опубликовали журналы «Рес Публика» и «Вензь» в 1980 и 1981 годах, позднее их собрала, отредактировала и выдала Йоанна Полляк в книгах «Дневники, воспоминания, свидетельства» (1986) и «Вывранные страницы» (1993). В посвященных Чапскому фильмах — в режиссуре Анджея Вайды и Агнешки Холланд 1985 года и в документальном фильме Эвы Цендровской 1989 года — тоже неоднократно появляются эти темы. Однако самый обширный источник — это записи бесед с Чапским Петра Ключовского, изданные в книге «Мир в моих глазах» в 2001 году. Все эти источники, как легко заметить, более поздние, чем неизвестное «интервью» 1974 года. Исходной точкой, с которой следует начинать поиск информации и литературы о российской жизни Чапского, является книга Войцеха Карпиньского «Портрет Чапского» (2007). Кроме того, стоит упомянуть также книгу Яна Зелиньского «Юзеф Чапский: краткий путеводитель по долгой жизни» (1997). В обеих работах находится целый ряд более или менее важных фактов, касающихся петербургского периода жизни Чапского. Когда будет печататься этот номер «Новой Польши», в журнале «Контексты» выйдет путеводитель

Татьяны Косиновой по петербургским местам, связанным с биографией Чапского (русская версия опубликована на сайте cogita.ru).

Подготавливая к печати это интервью, я сохранял оригинальное звучание слов Чапского, стараясь не поправлять его авторский стиль. Текст не в состоянии передать всех нюансов устной речи, однако, может стремиться приблизиться к ней. Отсюда и некоторая хаотичность предложений, нарушения правил грамматики и ошибки, которые — лишь следствие того, что это было свободное устное высказывание. Иногда слова Чапского непонятны, и даже после множества попыток мне не удалось их расшифровать. Наибольших усилий стоила мне подготовка примечаний и комментариев, исполняющих две функции: они или объясняют некоторые рассказы Чапского или же их дополняют, иногда — вносят поправки. Дополняя высказывания Чапского, я в основном пользовался другими его опубликованными воспоминаниями. Кассета с «интервью» с Юзефом Чапским хранилась в архиве Михаила Геллера много лет. Лишь в 2010 году, через тринадцать лет после смерти Геллера, его сын Леонид передал ее (вместе с другими вещами отца) в расположенную в Нантере (небольшой городок под Парижем) библиотеку (тогда она называлась *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine*, теперь *La Contemporaine*). Я нашел эту запись, когда изучал архив Геллера, собирая материалы для своей дипломной работы, посвященной польским событиям его жизни (научный руководитель — проф. Рафал Внук). Организация выезда стала возможна благодаря финансовой поддержке моего университета — Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЮЗЕФОМ ЧАПСКИМ

*?^[1]: Ну вот так, а то другое можно будет, наверное, стереть...

Юзеф Чапский: Дорого стоит это что-то. [смех]

??: [неразборчиво] не надо об этом думать.

Михаил Геллер: Ладно, значит, не надо, тогда начинаем.

?: Но слишком далеко.

ЮЧ: Но вы боитесь, что я буду двигаться.

МГ: Нет, нет, нет. Нет, нет, нет, ничего-ничего, двигайтесь сколько угодно.

ЮЧ: Вот, значит, я и говорю, — женщины не говорили [по-русски — примеч. Е.П.] вообще^[2]. *Пристав*^[3] время от времени приходил, и ему в буфете наливали рюмку водки. Это все.

[слышно, как кто-то что-то говорит по-русски, Геллер отвечает тоже по-русски]

ЮЧ: Я считал, что русский — ужасно грубый язык, потому что

знал только одно слово *спасибо*, которое говорил этот *пристав*. Ну не знал я.

МГ: А когда вы жили в...

ЮЧ: Нет, ну это все — под Минском^[4]. Церковь там была православная, не знаю, в километре от нас. Католический костел был в пяти километрах. Ксендза мы в глаза не видели, раз в год он бывал с визитом у отца. Но это было так же, как еврейский кузнец приходил, приносил что-то матери, и так далее. С другой стороны, мой отец^[5] имел дело с губернатором^[6], в Сельскохозяйственном обществе^[7], председателем^[8] которого он был, все дела велись по-русски, в Минске он прекрасно ладил с русскими. Вы понимаете. Теперь вот что — патриотизм был... Очень яркий, прямо до слёз. Мы пели песни. Но ничего революционного, никакого бунта, об этом вообще разговор не шел. Это было чисто... Это было то, что я когда-то, кажется, при вас, уже говорил, то, что Бжозовский^[9] говорил, — Рейтан^[10], защищавший каждую кладовую^[11] — что в Польше у каждого шляхтича была такая кладовая Рейтана. У нас эта кладовая была полна, и ее не нужно было никому защищать ...

МГ: Подождите минутку, вот теперь попробуем...

[Магнитофон выключается, потом запись возобновляется]

МГ: Вот теперь можно спокойно продолжать.

ЮЧ: Да. Сейчас, я потерял нить.

МГ: Как раз было об этой...

ЮЧ: Да. В основном солдаты, новая комбинация, потому что мы были все страшно перемешаны, да. Моя мать^[12] была австрийкой из Чехии, поэтому она была немножко чешской патриоткой. Хотя, это была совсем австрийская семья, которая там жила, из тех, кто колонизировал Чехию поле Белой горы^[13] и так далее. Но... Она... У нас была такая немецкая гувернантка, которая всегда говорила, что она *all Deutsch*^[14], понимаете, моя мать краснела и отвечала: «Я чешка», она решительно не принимала этого. Но была привязанность к австрийскому императору^[15], и моя мать была убеждена, что бунтовать нельзя, потому что любая власть — от Бога. Но это она нас научила патриотизму, она со слезами на глазах пела с нами «Еще Польша не погибла», это была такая смесь, что просто выразить невозможно, столько всего там было. Хорошо, вот еще как было. И мой отец... Естественно, чтобы иметь право владеть помещьем и так далее, надо было получить российский аттестат зрелости.

МГ: Ах, так?

ЮЧ: Да. Так что всем, кто учился за границей, приходилось возвращаться и сдавать российские выпускные экзамены. Я

хотел, я уже тогда что-то там чувствовал, и у меня был какой-то кузин^[16], он учился во Львове, и я хотел ехать учиться в Польшу. Ну, то есть, в Галицию, где были польские университеты и Польша...^[17] А тут они говорят, что это невозможно, потому что российский закон, я ничего в этих законах не понимал. Ну и в конце концов получилось, что мы уехали в Петербург. А в Петербурге у нас был такой учитель, который нас туда привез, который делал все, чтобы нас от всего оградить^[18]. Потому что он был таким, ну... как для меня — карикатура педагога, он хотел все контролировать, чтобы мы ходили в калошах, чтобы не простудились, чтобы мы обязательно получали пятерки, если случалась четверка, то он бегал по комнате в кальсонах, царапал эти свои прыщи и говорил, что я пропащий, раз четверку получил.

МГ: Сколько лет вам было?

ЮЧ: А они до 18 лет так нас тиранили!

МГ: А когда вы приехали...

ЮЧ: Я приехал, мне кажется, это было в [19]12 году^[19].

МГ: Так сколько вам тогда было лет?

ЮЧ: Мне было уже... 16 лет! Нет, я думаю, что должно быть я уже в [19]10 приехал... Это я могу проверить. Вместе с сестрой...^[20]

Да... Потому что до этого мы учились дома и в Петербург ездили сдавать экзамены в *двенадцатую гимназию*^[21]. Почему в *двенадцатую гимназию*, потому что русские гимназии в Минске были антипольскими, это тогда еще очень чувствовалось, а в Петербурге мы не чувствовали никаких антипольских настроений. Впрочем, это была такая второсортная гимназия, вовсе не какая-то изысканная, или что-то в этом роде, сыновья сторожей и так далее, вот кто туда ходил. Директор^[22] относился у к полякам с очень большой симпатией, это поляки знали. И там был не только я, были и другие, в том числе генерал Копаньский^[23], который там тоже был [неразборчиво].

МГ: Значит, вы приезжали только сдавать экзамены?

ЮЧ: Я приезжал только сдавать экзамены, а в 1912 приехал уже совсем, с братом^[24], он был младше меня, и был там уже до революции. Потом была революция, это был... Ну вот, я постоянно отлынивал от армии. Когда я сдал экзамены на аттестат зрелости, кажется, в [19]16^[25] году, отец сразу записал меня в университет, чтобы не откладывать. А я тогда еще был толстовцем и был тяжело болен, так что я был убежден, что достаточно только отослать меня из дому, у меня тут же будет тяжелое воспаление легких, так что не подлежало сомнению, что никуда я не поеду. Правда, когда началась война, я вдруг решительно засобиравшись идти в Красный крест. Но я был трусом со слабым характером, и никогда не мог настоять на своем.

Кроме того, меня в сущности терроризовали, действительно терроризовали. Не отец, это был прекрасный человек, он очень обо мне заботился и очень нас любил, а этот наш учитель, который... Вы знаете, я вот как «отче наш» — вот как молитву человек говорит — «и прости нам долги наши», я должен сказать, что о Сталине никогда не думал, а всегда о своем учителе, Ивановском, который нас любил! Он мне всю молодость сломал, я это искренне говорю, уничтожил, уничтожил. Ну, Бог с ним, он, бедный, уже умер, во всяком случае не в этом дело.

Так что... Это был период... Попали мы в эту Россию, где хорошо спрятались, у нас были симпатичные знакомые и приятели, но никаких близких друзей не было, потому что год спустя уже был диагноз, что у нас слабые легкие и нас отправили в Царское Село. Из Царского Села мы ездили в гимназию [неразборчиво] на улицу... Так что мы были ужасно изолированы, а ведь у нас были родственники. Разные. Из Паленых^[26], Чичериных^[27], Мейендорфов^[28]. То есть, или с балтийских провинций, или... Только Чичерины были совсем русским родом, но мы их почти не знали. Однако, опять же, было такое окружение... Жили мы у старого генерала Бибикова^[29], с детьми которого я страшно подружился, и это были очень милые люди, очаровательные люди, у которых я жил^[30]. У которых... Наша квартира была в их доме.

Ну ладно, стало быть... Я открываю мир... Ну и иду в университет^[31]. В университет я хожу год, я только музыкой занимаюсь, пять часов в день играю на фортепьяно, потому что у меня прекрасный учитель, и я немножко мечтаю стать виртуозом. Эта война как-то проходит рядом со мной, мимо, она так меня захватила вначале, а потом я опять ее не чувствую... Но мне стыдно говорить о себе тогда! И вдруг, уже год закончился, уже война заканчивается, мы убеждены, что она вот-вот закончится — надо идти в армию, уже никак не выкрутиться. У отца было [неразборчиво] в Пажеском корпусе, у меня было право туда поступить из-за дедушки, потому что нужен был статский советник^[32], или черт его знает, что-то такое, ну то есть кого-то в семье — отца или деда. Я абсолютно убежден, что дольше месяца я там не продержусь, не выживу. Ну и попадаю... Вы представляете, я тогда не знал, какая разница между подпоручиком и генералом, вот прямо дословно, не знал! Ничего! Как все надо мной смеялись, вы себе представить не можете, потому что я был самый высокий, и должен был все упражнения выполнять первый, как маршировать, салютовать...

МГ: Правофланговый?

ЮЧ: Правофланговый! Я все делал наоборот! Говорили: «шагом

марш»! А я как только услышу «шагом» — уже иду вперед, все лопаются от смеха, а мне приходится возвращаться. Как-то я все это вынес. Это было почти счастливое для меня время, потому что я уже освободился от своего учителя. Я поселился тогда у Мейендорфа^[33], это был подарок судьбы, потому что это был человек небывалого ума, один из самых умных людей, которых я вообще знал в своей жизни, и прекрасный педагог: то есть он присматривался к тебе, но оставлял тебе абсолютную свободу. А я уже был взрослый, мне было восемнадцать лет или что-то около того. Ну вот, и тогда... И это был мой первый опыт, моя первая встреча с русскими. А десять дней спустя — революция. Я записался [в армию] в апреле [19]17 года.

МГ: А революция была в феврале...

ЮЧ: Это значит в феврале... То есть в январе [я пошел в армию], потому что и месяца я не прослужил. Ну как... Все так и получилось, как я предвидел, я мгновенно получил воспаление легких и лежал в больнице. У меня была температура 40 градусов... Надо ли эти мелочи рассказывать? Во всяком случае, чтобы понять какие тогда были отношения, скажу, что генерал этого корпуса^[34], мы его боялись, как огня, вдруг приходит ко мне, а я лежу в больнице, и говорит, что княжна

Круи^[35] приехала из Австрии во главе австрийской делегации Красного Креста и хочет со мной увидеться, потому что, говорит, знала, мол, какую-то мою тетку^[36]. Я говорю, что я не могу, у меня температура 40 градусов, генерал выходит в ярости. На следующий день она приходит ко мне, в Пажеский корпус, сидит у меня и рассказывает, как страшно россияне относятся к австрийским пленным. Вы понимаете, в сегодняшней советской России это... Тогда еще какая-то традиция была, таких международных связей, таких вот визитов...

Ну ладно. Начинается революция, я в больнице, выхожу оттуда... Корпус в ужасе, не очень понятно, что делать, и нас всех разгоняют на две или три недели. Такие вот каникулы. Ну и я выхожу с одним знакомым, он сам русский был, здоровяк такой, молодой совсем, у него нога была сломана еще... Он ее сломал, потому что споткнулся или что-то такое... Вот мы выходим вместе, и я вдруг вижу — город в эйфории. Вы знаете, это такая революционная эйфория. Когда они нас увидели, а ведь у Пажеского корпуса была ужасная репутация в революционной среде, и левые силы тоже нас не любили... И вот на улице подходят к нам люди...

МГ: А какая у вас форма была? [спрашивает по-русски, повторяет вопрос по-польски] Какая форма была?

ЮЧ: Форма была... Тогда уже такая офицерская, это была школа прапорщиков, так что форма у нас была такая, звездочки еще не

было, но я уже даже не помню, какая она была [неразборчиво]...
МГ: Ну и?

ЮЧ: Ну и нам на улице предлагают, подъезжает дорожка, чтобы нас подвести, потому что тяжело *раненный в бою*. А мы никакого боя в глаза не видели^[37]. Ну и тогда мы поехали в деревню к моей сестре, там, около Орши, где у них было поместье. Три недели спустя я возвращаюсь и опять нормально возвращаюсь в Корпус, муштра эта вся, упражнения. Я уже немного вливаюсь в этот мир. Никаких, на самом деле, никаких действительно неприятных вещей в отношениях с коллегами у меня не было, несколько симпатичных подчиненных у меня было, но никаких близких отношений, ничего такого не было. Ну и тогда я уже начал переживать...

Нет-нет, я хотел вам сказать, что первый такой шок в моей жизни, на самом деле шок, который всего меня перевернул или сформировал, — это годом раньше случилось — это было открытие Толстого. Вы понимаете, я до этого уже читал «Анну Каренину» и «Войну и мир», но помню, как за один присест прочитал «Крейцерову сонату». И это было, как удар по лицу, словно этот человек все время бил меня по лицу, до того это была жестокая вещь, я помню, как пот катился у меня по спине, когда я это читал. Это был такой возраст, когда, естественно, все эти сексуальные вещи страшно меня интересовали, а вы знаете, как он на эти вещи реагирует. Это меня на несколько лет вылечило от подобного типа интересов! У меня уже никогда не было похожего впечатления. Что же это за сила. С того времени у меня уже было постоянное чувство, что если я пойду на войну, то предам все свои убеждения, потому что я — абсолютный антимилитарист. Нельзя убивать людей. Но я этого не говорил, потому что это было такое мое личное, тайное. Это была двойная жизнь, и это была жалкая жизнь, потому что я жил совсем по-другому, чем внутри. Да что ж это я вам такие вещи рассказываю. Просто дело в том, что... Тогда уже было ясно... До этого были речи Керенского в Думе, которыми мы страстно зачитывались. Мы были уже тогда, я был горячим сторонником этого всего, каких-то больших перемен, которые должны произойти.

Потом... Это был первый случай, когда я столкнулся с каким-то... Нет, у Мейендорфа постоянно бывали какие-то люди, кто-то постоянно приезжал. С Церетели^[38] я познакомился именно там, и помню, долго носил в кошельке его речь, эту его незабываемую для меня речь, о том, что через горы трупов будем брататься с немцем и новая жизнь, счастливая, будет перед нами. Это было в воздухе, эта утопия висела в воздухе. Помню, как один друг Мейендорфа, какой-то известный интеллектual, кажется, это был Львов, кажется, было два

Львовых, заговорил об этом на улице. Глаза у него горели, что это в России, что только в России это возможно, такая бескровная революция. Он все повторял — русский мужик, русский мужик. А! И был у меня еще такой знакомый Меллер-Закомельский^[39], я о нем вам уже рассказывал.

МГ: Нет, Меллер-Закомельский это...

ЮЧ: Его отец^[40], кажется, был членом Государственного совета...

МГ: Был такой генерал Меллер-Закомельский^[41]...

ЮЧ: Нет, не этот, это был совсем гражданский. Ну как гражданский... Он был личным другом Львова^[42], а Львов был премьером. А я совсем этим не интересовался, я туда ходил только потому, что у них был «Бехштейн»^[43], и мы играли на фортепьяно. Я играл на фортепьяно, а он — на скрипке — этот сын [Александр Меллер-Закомельский — примеч. Е.П.]. Ну и однажды они меня не отпускают домой, оставайтесь, говорят, я вам это уже рассказывал.

МГ: Но я хочу, чтобы это было...

ЮЧ: Хорошо. Оставайтесь, говорят мне, на ужин, ну ладно — я остался на ужин. И вижу, а это уже было время... Это было третьего июля, это я хорошо помню, это было после большевистского путча — того, первого, который сразу же подавили.

МГ: Путч был четвертого^[44].

ЮЧ: А, ну значит, тогда было пятого. Но это было начало июля, жара. Уже все солдаты сидят на улице, щелкают семечки, везде грязь, нет сахара... Я смотрю, а тут накрывают стол, что есть какой-то сахар-песок к малинам, малины, чай какой-то, что-то в этом роде. И все это так элегантно выглядело. Мы на каком-то высоком этаже были, такие большие апартаменты, я помню. Ну и сидит в глубине комнаты какой-то господин, с седой бородкой, румяное такое у него лицо. И ему сказали, что я двоюродный брат Мейендорфа. И он [Георгий Львов — примеч. Е.П.] подзывает меня к себе и говорит: «Вы знаете, я хорошо знаком с вашим дядей, пока я был премьером, он мне постоянно писал письма о ситуации в стране. Но вы знаете он, он души русской не понимает». Это был такой намек, что он немец... «Я ему не мог ответить и так, пожалуйста, поблагодарите его, вообразите, что он мне говорил, что единственная сила, которая организуется в России, это большевики. А вы знаете: теперь, когда они нож в плечи, когда ударили в солдата нашего, который умирает на фронте, никогда большевизм не может занять какого-то места в России. И еще я помню теперь его слова дословно: мы перешли через хребет русской революции, и мы идём теперь к мирному труду русского крестьянина». Это и мне запомнилось, я считаю, что это

интересно с исторической точки зрения. Небольшая деталь, но интересная с исторической точки зрения, что человек в такой степени рассудительный, мудрый человек, который до этого пятнадцать лет был председателем земства...

МГ: Да...

ЮЧ: Ведь считалось, что только он был избран демократически. А потом говорили, я помню, что он уходит в отставку, но со спокойной душой, потому что на его место приходит Керенский — «человек большого полета». Как-то так. И вдохновения. Так что с огромным уважением о нем говорил. Это немного... Это все.

А дальше... Я до самого конца, все лето сижу в Петербурге, в Пажеском корпусе. Живу у Мейендорфа и эта квартира...

МГ: А что за квартира...

ЮЧ: Понимаете, Мейендорф два раза избирался в Думу. Он был... Его история — это тоже очень интересно, это такая семья политиков, их было много... Был такой посол Мейендорф^[45], который долгое время жил в Петербурге — это был большой противник поляков. Он очень навредил Чарторыйскому^[46]. Бисмарк о нем говорил как об учителе^[47]. Такая типичная интеллигенция, знаете, тех времен, семейство дипломатов, высокого класса дипломатов. Он, кстати, женился на католичке, она была австрийкой^[48], так что он насмотрелся на таких... Но лично я его не знал, это было старшее поколение. А еще он был, этот Мейендорф, двоюродным братом [Петра] Столыпина и двоюродным братом [Георгия] Чичерина. И с обоими в свое время дружил. Он был в Думе, и он специально защищал национальные и религиозные меньшинства, разные секты и так далее. Там еще случился страшный скандал, он ведь был в Думе *вице-председателем*... И вот когда он вел заседание, какой-то русский архиерей, ужасный националист, сказал какую-то невыносимую грубость о каких-то сектах и Мейендорф его перебил, что нельзя так говорить... Так со всей России шли телеграммы, что он подлый немец, что он [неразборчиво]. Во всяком случае, он видел все, он все понимал, что идет, он видел, что все плохо... Его тогда еще хотели, может быть, стоит об этом рассказать, хотели его сделать министром заграничных дел... этим — послом в Лондоне. А он уже был пацифист, ну то есть не совсем пацифист, в душе — нет, но в политике — да. Он считал, что все разлетится, что если теперь не заключить сепаратный мир, то России конец, России в том значении... А что опять же, его... Одна из сестер его матери вышла замуж за такого Стааля^[49], так, кажется, его звали, это был русский посол в Лондоне, он долго до этого жил в Англии, в свое время часто ездил в Лондон и так далее. Из-за того, что он жил там, вращался в этой среде, что его все знали, у него были

контакты в Англии, его и хотели выслать. А если его... Уже все было решено, но в конце концов он отказался. А почему отказался – потому что у него сложилось впечатление, что он уже что-то там провернул, что нужно будет там об этом мире с англичанами разговаривать. Когда пришел Керенский, вновь была надежда, и кажется, тогда был Брусилов^[50].

МГ: Нет...

ЮЧ: Нет, но была какая-то такая большая надежда, поэтому он еще собирался, произносил речи и была тогда еще надежда.

МГ: Да, была еще попытка наступления.

ЮЧ: Был еще срыв...

МГ: В июле...

ЮЧ: И тогда он сдался, сказал, что не поедет. Но, во всяком случае, я там видел Церетели, я там видел этого Розена^[51], который был министром, послом в Японии, а потом послом в Швеции... Он был также таким страстным борцом...

МГ: За мир.

ЮЧ: За мир. И он позволял слушать... Я помню последнее, единственное политическое событие, которое произвело на меня впечатление, когда Церетели... А Церетели, он же... Он [Александр Мейендорф — примеч. Е.П.] был женат на грузинке^[52], которая была крестной матерью Церетели, и Церетели приходил к ним так по-семейному. Это был очень милый человек, можно даже сказать, очень красивый человек. Помню, у него было лицо как на иконе и... Благородный человек. И он, я помню, рассказывал, что он не знал, что в человеке может быть такая ненависть... Что он поехал в Кронштадт, он тогда был министром Временного правительства, и ненависть, которую он видел в глазах этих людей была «*потому что я — министр*»... Он был, собственно, такой голубь, поэтому... Он видел эти... Он около часа разговаривал в кабинете с братом моего отца и дядей по маминой линии, а я там сидел. Он заламывал руки перед Керенским, переживал, что Керенский совсем потерял голову, что у него нет никакого решения... Я уже тогда... И это еще одна мелкая деталь, которой я не забуду, то есть я был убежден, что надвигается какое-то новое, невероятное время, конечно, все будет лучше, не так, как сейчас, может быть только лучше, хуже быть не может... И я помню, как дядя [Александр Мейендорф — примеч. Е.П.] сидит у окна и читает газету. Я видел, что он страшно взволнован. Смотрю, спрашиваю: «Что вы читаете?» А он показывает мне — а там все права, которые появлялись [неразборчиво] тогда, свобода слова, свобода религии, свобода... А я засмеялся и говорю: «Дядя, ну и чего вы так переживаете... ведь все уже в прошлом!» «*Tu ne sais pas combien de gens ont souffert pour que ce loi delibere*».^[53] Значит, он знал... Да ведь он сам за это боролся

годами!

МГ: На каком языке вы разговаривали?

ЮЧ: По-французски, не по-русски. У них в доме в основном говорили по-французски и по-английски, но... По-немецки тоже, но я — только по-французски. До самой его смерти, он ведь умер в Лондоне девяностолетним стариком... Мы с ним всегда поддерживали контакт. Я еще помню, что я для него... Для меня он был абсолютным авторитетом. Я помню, что я всегда до поздней ночи ждал, когда он вернется, он тогда был очень дружен с Бьюкененом^[54], который был английским послом, ну как был дружен, ходил к нему... И обычно было так — жена уже спит, а я оставлял ему на столе чай и его книгу, открытую на нужной странице. Он тогда читал «*Histoire de la Révolution française*»^[55], ну этого... Вот ведь забыл...

МГ: Англичанина?

ЮЧ: Нет-нет, французского министра, который был все эти долгие годы... Реакционер, который задушил коммунистическую [неразборчиво]...

МГ: Мильеран^[56]?

ЮЧ: Нет-нет, задушил коммуну...

МГ: Ааа, Тьер! «Историю» Тьера^[57]!

ЮЧ: Да, Тьера, Тьера он читал. И он был единственным человеком в Думе, который ежедневно ходил на съезд *рабочих и солдатских депутатов*, и говорил при этом, что никогда не видел собрания такого интеллектуального уровня^[58]. Уже это показывает уровень человека, что этот человек оценивал других не на основании той или иной партийной принадлежности. Он... Ну и тогда я узнал о его контактах с Чичериным, вы понимаете, хотя я его... Это ведь тоже... Впрочем, это было позднее...

Ну и тут заканчивается Пажеский корпус — в армию! Куда в армию? Естественно, я уже выбирал армию, польский полк, который уже тогда организовали, и который потом... Этот восточный корпус уже формировал^[59].

МГ: Довбор-Мусницкий?^[60]

ЮЧ: Довбор-Мусницкий, но это было потом. А этот полк, его тогда уже организовали, и с огромным риском, не знаю через сколько километров, через всю Россию, везде поляки группировались, с огромным энтузиазмом.

МГ: А где он формировался?

ЮЧ: Он формировался... Этот полк, когда я там был, был в Минской губернии, стоял под Минском^[61]. Как раз в моих местах. Потом его перевели в Бобруйск, и уже там собрался основной кулак польской армии. А такого запала, такого духа возрождения я потом никогда в жизни не видел. Это были поляки, которые... Не волновала их русская революция, они

вообще об этом не думали, только независимость Польши! Именно это я хотел вам рассказать. О том, что было таким страшным тормозом в моем развитии, и почему Толстой сыграл такую роль в моей жизни. У вас был Достоевский. У вас была проблематика всего человечества. Национальная, или не национальная, или антинациональная... У нас все остановилось на получении независимости — а потом, мол, посмотрим! Но независимость! И из-за этого люди были недоразвиты! У людей идеалом был Сенкевич! Мы будем биться за Польшу! И действительно, ведь кто создал польскую армию? Сенкевич создал польскую армию! Каждый человек на память знал Сенкевича... Но польская мысль, которая тогда существовала, великая, творческая мысль, она до меня не доходила. Я ничего не знал о Бжозовском, да я Норвида не знал! Я знал «Импровизацию» Мицкевича и знал... Ну и здесь мы уже начали читать Жеромского, но это уже было дома, то, что мы влюбились в Жеромского. А в России? Все эти проблемы были уже переработаны, так продуманы, что...

МГ: Ну да, потому что не было проблемы независимости.

ЮЧ: Потому что не было проблемы независимости! Но это было страшным тормозом для развития польской мысли! Страшным тормозом...

Ну ладно... Стало быть... Иду я в эту армию. Ну и опять, только в молодости можно переживать эти вещи так сильно... Вы знаете, для меня эта армия это было сильнейшее переживание! Потому что я видел польских офицеров, которые сразу же сделались моими самыми дорогими друзьями, это были первоклассные ребята. Я был счастлив, что попал в такую среду, одновременно я пошел к командующему эскадроном. Меня назначили во второй эскадрон. «Заза» Подгорский^[62] его звали, он тогда был поручиком, потом генералом, и так далее. И я сказал: «Знаешь, я пришел в армию только из трусости! Я не настолько храбр, чтобы исполнить то, во что я верю, я считаю, что я должен бросить армию, а не поступать в армию». И он это воспринял очень доброжелательно, мол, увидишь, как тут симпатично, как благородно, за отчизну, мол. Даже он не мог себе вообразить, что можно такие вещи делать. Ну и был там один, — я должен это сказать, потому что это связано с моими дальнейшими путешествиями, — был там один офицер, который командовал дивизионом, и звали его...^[63] И мы все были просто влюблены в этого человека, потому что это был удивительный человек. Однако [неразборчиво] польский патриот, как с картинки, — жить и умереть за отчизну и ничего больше! Он был также превосходным военным специалистом, и он был нам всем как отец. Я только и делал, что ждал его, и я ему объяснял свои антимилитаристские

принципы. И я был ужасно... Я был очень подкован по сравнению с ним, потому что я все эти тексты Толстого читал, и у меня были аргументы на все доводы, а он был в этих вопросах совершенно беспомощен интеллектуально, понимаете. Он видел, что я правда так считаю, не для того, чтобы мне жилось удобнее. И помню как-то раз он не мог со мной разговаривать, это было в офицерской столовой, мы остановились тогда в такой красивой дворянской усадьбе, и он оставил мне записку: «Считаешь ли ты, что Польша может быть независима без необходимости создавать армию?» Ну какой глупец... Ведь, черт побери, он был совершенно прав! Я считал, что это какое-то такое наивное мышление... Ведь уже давно преодолён патриотизм, этого уже не будет, это уже закончилось! Есть человечество и человечество счастливое, которое только еще возникнет на базе...^[64] Коммунизм меня тоже не интересовал, потому что это только религиозный переворот всего мира! Это было все, что надо было сделать. Ладно. Ну вот... Я там встретил... Я там стал настоящим агентом Толстого. Потому что кому только мог и когда только мог — я всем объяснял, что не надо воевать — этим молодым ребятам, которые пришли сражаться за Польшу... И помню... На самом деле, мне прямо нехорошо делается от этих моих рассказов... Ну и встретил я там трех молодых парней, братьев Марыльских^[65], из них один — вы должны были о нем слышать — под Варшавой есть такой населенный пункт — Ляски, там основан такой католический центр для глухонемых, для слепых... И они... Это большое дело, что они там сделали... Сам он [Антоний Марыльский^[66] — примеч. Е.П.] недавно умер, и это было его рук дело, это он основал, это был, наверное, самый выдающийся католический центр. Вот, стало быть, чем он закончил, но это было не тогда, когда я его видел. Это был наш... Я с ним познакомился, и он был полной моей противоположностью. То есть у него была колоссальная динамика и отвага, чтобы что-то делать. А я утверждаю — в Польше меня за это убили бы, если бы я что-то такое написал, но я напишу — я считаю, что он не был умен. Он все носом чувствовал, он был немного, как такой Распутин, всех очаровывал, у него были какие-то видения и вот он уже знает, что будет завтра. Ну вот он и был там моим самым близким другом, я с ним самым тесным образом подружился. И еще с его братом. Ну и первого брата [Эдварда Марыльского — примеч. Е.П.] я уже убедил, объяснил ему, что нельзя, он говорил, что бросает армию, потому что не может, лучше уж быть ночным сторожем, чем [неразборчиво]... И тогда... Началась война! То есть мы все еще формировались, но там были мужики, которые вовсе не радовались, что эти

поляки тут сидят и свою армию делают. Мужики ждали, что им землю дадут, а земля была у поляков. И был такой случай в деревне, как раз отделение Ромера там было, и напали на них мужики, убили офицера, наши с трудом защитились, тоже кого-то из нападавших убили... Но бешенство, которое охватило поляков, вы можете себе представить, мол, теперь надо вырезать всех этих гадов, вы представляете себе? А я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то кого-то ударил, ну не видел я такого, это было для меня что-то абстрактное. И помню я, что стояла оттепель, снег, едет наш эскадрон в сторону Бобруйска... И выходит такой мужик. Здоровый такой, плечистый, со старой шинелью, накинутой на плечи, из тех, видимо, что удрали с фронта, дезертиров и так далее. И смотрит так... С такой ощутимой глубокой ненавистью. А в моем взводе были такие молодые подхорунжие, студенты. Один такой был, маленький, наглый, очень милый парнишка — он как увидел, что тот смотрит с таким отвращением — он его трах! Прямо по морде^[67].

То есть вы понимаете... Это никого не интересует, я это вам рассказываю, потому что не могу перестать об этом думать. На меня это произвело сильное впечатление, понимаете... Кристаллизация. С влюбленностью так иногда бывает, что человек вдруг в один момент... Нет, я не хочу иметь с этим ничего общего. И я сразу поехал к командующему эскадроном [к Зигмунту Подгорскому — примеч. Е.П.] и сказал, что я ухожу из армии. Он говорит: «Что случилось?» Я говорю, что не могу. «Ты, наверное, в монастырь пойдешь?» Я отвечаю, что в монастырь не собираюсь, но армию я покидаю. А мы еще раньше договорились с этими двумя парнями [Эдвардом и Антонием Марыльскими — примеч. Е.П.], что они тоже оставят армию, но поскольку мы не хотим устраивать балаган и причинять неудобства, то мы сделаем это, когда уже все придут в Бобруйск. И тогда... этот мой командующий говорит, что он не знает, что с таким фантом делать... Я же был уверен, что меня расстреляют, потому что я ведь неизвестно откуда, но был убежден, что такие вот старые традиции в армии, и так и должно быть. Поэтому я даже не задумывался, что будет дальше! Понимаете, потому что считал — ну что все ясно. И вот еду я вечером к этим своим друзьям, присоединяюсь ко второму эскадрону, а они то же самое пережили, они тоже пошли к своему командующему эскадроном^[68] и сказали ему, что оба покидают армию. Этот их командующий эскадрона, который потом погиб, он какое-то время командовал полком, так вот, он расплакался и сказал: «Я тоже был молод, я тоже пытался строить новую жизнь... Ну что ж, попробуйте».^[69] Меня это интересует с психологической

точки зрения, только в то время возможны были такие вещи... А я... Меня «Заза», этот мой командующий, отослал к Ромеру, и я повторил все ему, Ромеру. А он сказал: «Я не могу тебе это запретить, я понимаю, что это твои убеждения, если твоя совесть не позволяет тебе иначе, значит ты должен так поступить, а я с командиром полка как-то решу этот вопрос, чтобы без шума, чтобы [śmiech] без мордобития, чтобы не раздувать этого дела».

Ну ладно. Значит опять как-то это приняли... Это вообще неприлично в армии, я думаю... Помню, с Марыльским, одним из них, мы уже ехали и встретили командующего полка^[70], он до этого неизвестно как долго командовал полком в российской армии и... Это был прекрасный офицер... Он сказал нам: «Да скорее у меня волосы на ладони вырастут, чем я позволю, чтобы вы вернулись в Польшу! Поносили себе красивые мундиры, а как война, так удирать! Да вы вообще самые обыкновенные трусы, и знать вас не хочу, вон, чтобы духу вашего тут не было!»^[71] Я помню, как мы сели [неразборчиво], ну триумфально просто... И вы знаете, забавно, но когда я сегодня на это смотрю, я смотрю с большой дозой наивности, и так далее, но я вижу, что это был единственный в моей жизни шаг, когда я на самом деле проявил храбрость, на самом деле, вы понимаете, совершил нечто смелое. Я начал жить! Ну начал жить в согласии со своими убеждениями. Глупыми, умными, но моими...

Ну вот... Тогда мы уехали, получили лампасы на чистые портки, и ночью уехали, еврея взяли и уехали, вы знаете, были такие евреи, что ездили... У них были такие длинные телеги-будки, знаете, они разные вещи перевозили, и мы в этих будках ехали. Я помню, незабываемая вещь, в такой еврейской корчме, мы там остановились, чтобы молока попить или что-то в этом роде, и там один еврей из Бобруйска рассказывал, как... Он говорил на идише, но я все понимал, всю эту живописность, страсть, интерес этих людей. А я уже тогда был такой, что для меня не существовало никаких барьеров, каждый был для меня важен и каждый, кто говорил, был по-своему прав. Ну и оборванцы уже... Когда мы ехали на поезде, один железнодорожник меня узнал, посмотрел так и говорит: «Граф Чапский?» Я отвечаю: «Да». Ничего он мне не сказал. И мы поехали дальше. Железнодорожники всегда были моим друзьями. [смех] Я очень любил железнодорожников, правда-правда.

Ну так мы и дошли, мы потом пешком шли, вышли на ближайшей к поместью станции и дошли до Притулок. А мои сестры уже были настолько подготовлены к таким вещам, что... Помню, как одна из моих сестер [Клара Чапская^[72] — примеч.

Е.П.] написала мне письмо, когда я был в армии. «Ты в армии, ты будешь убивать, это все так ужасно, если бы ты в этих пинских болотах^[73], да пусть даже китайских, но если бы ты воевал за Христа, то я была бы с тобой! А теперь я тебя такого знать не хочу!» [неразборчиво]

МГ: [смех]

ЮЧ: Ну и приезжаю я туда, а там уже советский комиссар хозяйничает, уже он решает, бить свиней или не бить свиней, это еще было самое начало, но мой отец уже был в Минске, он уже туда не приезжал. А сестры еще там, Марыня [Мария Чапская — примеч. Е.П.] как раз управляла домом, еще им можно было что-то есть и там жить... Ну мы к ним и присоединились... Это был такой энтузиазм моих сестер, мы решили, что создадим фаланстер, и просто перевернем мир вверх ногами. А Антек Марыльский сразу стал Распутиным, вождем. Мы поверили, вот прямо дословно поверили в него, что послезавтра он будет творить чудеса. Мы были околдованы им, он был очень красивый, у него на самом деле была такая сила, такая готовность ко всему. Одна из моих сестер [Клара — примеч. Е.П.] потом влюбилась в него насмерть, хотя и смертельно обиделась, когда кто-то ей сказал, что она влюблена, потому что она — упаси Бог! Это ее не интересует, потому что только Бог ее интересует. Ну и... Тут отец обо всем узнал... Отец, который был председателем Комитета помощи польской армии^[74], или что-то в этом роде. Вот он узнает, что его сын, то есть я — его сын, которого он очень любил, — удрал из армии. Мой отец тогда болел и лежал в Минске. Ну я и поехал тогда в Минск... И помню, отец лежал, и сказал: «Дитя мое, что же ты натворил? Ты же теперь дезертир». [смех]. А я считал, что это прекрасно. Отец тогда вышел из этого общества, отказался от председательства, потому что считал, что сын так его опозорил, что он не имеет права... Ну ладно. Мы решили, что надо выезжать. В Польшу — и речи быть не могло, потому что мы были приписаны ...

МГ: Ну да...

ЮЧ: Но в Петербург. И там мы основали этот фаланстер, чтобы так уже и было, втроем [то есть с вместе с Эдвардом и Антонием Марыльскими — примеч. Е.П.]. Сестра сказала, что идет с нами, и одна, и вторая [то есть Мария и Каролина Чапские — примеч. Е.П.] [неразборчиво], но сначала мы втроем отправились в Петербург... Это был... Это был январь [19]18 года. Денег на это у нас вообще не... А нет, были, у сестер была кое-какая бижутерия, у одной была брошка с бриллиантами, у второй брошь с алмазами, у меня был золотой медальон и разные такие вещи. Ну, может, и какие-то деньги у нас были, мы все это достали, во всяком случае, все произошло очень

быстро. Жили мы у каких-то Клеберов^[75], нет, или каких-то Клиберов... Потому что пустых квартир было сколько угодно, и все умоляли у них жить, потому что это был такой вид защиты. Ну вот, мы и поселились в этом... Ну а пока мы туда перебирались, пришли немцы и заняли Минск^[76]. Так что нас с родителями и с теми моими сестрами, что хотели к нам приехать, разделила граница. Ну и Марыня, которая была рассудительной, которая не хотела ехать сразу, потому что не хотела нашу самую младшую сестру^[77] оставлять, сказала, что что ей там что-то нужно или что ей надо какой-то экзамен сдать, но позднее она приедет. А Клара, ни слова не умея по-русски, надела короткую шубку, помню у нее был Красный крест, пояс такой, хотя она, представляете себе, и пальца не сумела бы перевязать, забинтовать. И как только немцы приехали в Минск, они выбросили всех людей, которые показались им подозрительными. И там тогда была масса сартов^[78] Вы знаете, кто такие сарты? Это такие корейцы — не корейцы, какое-то азиатское племя...

МГ: Да...

ЮЧ: ...которое приехало... В Минской губернии их пара тысяч работала на вырубке леса. Рассказывали, что они ели всех жуков, которых находили в парках и так далее... Стало быть, этих сартов немцы выгнали вон... Сартов — вон, подозрительных русских, всяких большевиков — вон, и сестра забралась в этот вагон с сартами [смех]. Так что до Днепра ее везли немцы [смех], а там выбросили, и она осталась с этими сартами, но опять же какой-то железнодорожник ею занялся, чтобы там... И оттуда она *теплушками* доехала до Петербурга. Моя тетка [Варвара Мейендорф, жена Александра Мейендорфа — примеч. Е.П.] была в ужасе, она думала, что может быть этот какой-то молодой человек, который вбил мне в голову, что он должен жить у нас и так далее. [смех] Видимо, страшная путаница была у нее в голове. Это тоже целая история была, с этой теткой. Долго рассказывать. Это была удивительная женщина, просто удивительная женщина... Она была грузинка, и в молодости она... Она была дочерью такого князя Абхазии^[79], вы знаете, я ведь не очень ориентируюсь как там было, но это был такой правящий князь. И когда они поддались России, то этот ее отец был там правителем, и русские очень вежливо его принимали, но спустя некоторое время решили, что этот князь как-то слишком им мешает и пригласили его на охоту. И он со сворой собак на корабле в Черное море вышел и уже никогда не вернулся... В Тамбове^[80] умер. Старые методы уже тогда были... А двух мальчиков и двух дочерей, они были совершенно... Они ведь были, как породистые собачки... Император раздал их великим российским семьям. Так что эта моя тетка,

воспитанная при дворе, еще танцевала с Александром II, в каком-то парке у этих Волконских или у кого она там была, я уже не помню фамилии. Она была очень красивая и влюбилась в какого-то Шервешидзе^[81] или как его там, который был каким-то бандитом, он кого-то убил и его посадили... А она бросила дом, чтобы пойти за ним. Ему дали три года тюрьмы, а она домик себе купила поблизости — это вы уж лучше забудьте [неразборчиво], но это надо сказать, — около этой тюрьмы, когда он освободился, они стали жить вместе, полтора года спустя он изнасиловал какую-то ее племянницу, и его сослали в Сибирь. И она пошла за ним в Сибирь, он там страшно над ней издевался, и в конце концов, она с ним порвала. Потом она вернулась и поселилась у князей Роденбургских, как-то так, как кузина, не кузина. А потом она вышла замуж за Мейендорфа. И мы все это знали, никто никогда про это не говорил, но когда она начала мне говорить, что этого нельзя так оставить, эту молодую девушку, потому что она думала, что это какой-то бандит [смех], я тогда ей вот так в глаза посмотрел и сказал: «Милая моя тетя, что вы такое говорите? Мы знаем, что у вас были всякие приключения, когда вы были молоды, и ничего плохого не случилось». Я такого никогда не видел. Как у нее слезы из глаз брызнули. Она сказала: *«ne t'en parlez pas, il y a des souffrances qui dessèchent»*^[82]. И никогда в жизни мы об этом уже не упоминали. Вы знаете, это ведь... Такие страшные вещи рядом с человеком происходят, такие страдания, а человек, пока он молод, он все это считает, что это...

Ну ладно, значит, теперь началась наша жизнь там. Мы умирали с голоду, у нас вообще не было средств к существованию. Мы продали все, что можно, ну эти наши бриллианты мы продали. Помню, по утрам у нас всегда был такой... Мы ели такие бульонные кубики, и еще пили такое, из мешочка... Это был наш завтрак. И тут мы встретили какого-то престранного человека, которого звали... Все это ужасно скучно, да?

МГ: Не-не-не-не-не, мне только поменять вот тут ...

ЮЧ: Ведь, вы знаете, это все [неразборчиво]

МГ: Но это и есть жизнь, это же жизнь!

ЮЧ: Был такой Ярошинский^[83]. Это была очень богатая семья сахарных магнатов на Украине. Такая типичная шляхта, они сильно отличались от наших белорусов, совсем другие, вы знаете, белорусы по сравнению с ними это были такие голодранцы, они там страшно разбогатели на этой Украине. У него был какой-то колоссальный бизнес, сам он жил в Петербурге, все его знали, какие-то взятки, естественно, все свои, ну и так далее. Я не знаю сколько сотен этих сахарных заводов у них было... Когда началась революция, он не уехал, а

начал покупать все акции всех банков. У него был дворец на Мойке, и, вы знаете, полный зал людей, которые к нему приходили, все они продавали эти акции. У него был этот дворец и еще другой дворец на *островах*, с подписью Троцкого, что это государственный дворец. У него были свои шпионы, в том числе любовница Троцкого, во всяком случае, так мне тогда рассказывали. Сам Манасевич-Мануилов^[84], не знаю, вы в курсе, кто это был?

МГ: Конечно...

ЮЧ: ...получал у него зарплату. Вы мне потом должны будете объяснить тут некоторые вещи. И он нами заинтересовался. Я пошел, сказал ему, что мы готовы работать...^[85] Он говорит: «Что? Идеи у вас, да? Да чепуха всё это на постном масле, но вы мне нравитесь, вы смелые ребята, я вам всё могу дать. Машинисток, печатные машинки, пишите, о чем только хотите». Я считал, что все это как-то несерьезно, что он думает, что такие вещи достаточно написать, что это дорога, которая ведет к чудесам. Мы жили очень аскетично, в молитве и так далее, и тут вдруг раз-раз — и будем чудеса творить. И всё на земном шаре изменится. Он, конечно, не относился ко всему этому серьезно, но мы — абсолютно серьезно. И тогда он нашел такой... Был такой очаровательный человек, директор библиотеки Думы — господин Белов^[86], он был другом Мейендорфа. И он оказался в страшной нищете, у него была жена, ребенок... И он сделал его директором такой библиотеки, которую основал. У него денег было немерено, и он выкупал все, все, все ценные экономические вещи, касающиеся России. А тогда можно было везде покупать сокровища. И такая квартира была, он ее снял для Белова, и мы туда ходили по утрам, делали эту библиотечную работу и получали за это какие-то деньги^[87]. Стало быть мы были такие приземленные, которые зарабатывали. Антек работал ночным сторожем^[88] и часами молился, стоя на снегу. У него были видения. Это я теперь смеюсь, а тогда я вовсе не смеялся... И Клара была при нем, такая Мария Магдалена, уже при нем... Он, когда возвращался в каком-то полубессознательном состоянии, писал молитвы, в которых постоянно была кровь и что мы «хотим крови, хотим, чтобы нас распяли, как Тебя, Христос».. У Марыни какая-то молитва с того времени еще сохранилась. Ну и это длилось недолго, это продолжалось до мая-июня [1918 г. — примеч. Е.П.] ... Что мы зарабатывали эти гроши у этого... А они там собирались, и он уже даже говорил, что вот-вот, что он уже чувствует, что еще немного и он уже будет творить чудеса. А я чувствовал себя очень глупо. Потому что я же был толстовец, понимаете, и я считал, что эти идеи надо как-то претворять в жизнь. Поэтому мы с Марыней решили поехать к Чичерину,

который был уже министром заграничных дел, или как его...^[89] Он был тогда заместителем комиссара, потому что комиссаром был еще Троцкий?

МГ: Да, но уже был, как вы говорите, уже был июнь, тогда он уже был...

ЮЧ: Да, это был июнь или май... Мы пошли к нему, чтобы он нам разрешил, мы хотели тогда сделать Красный крест для пленных. Но опять же, мы же даже не знали, что такое тюрьма. Вы знаете, все это было полным бредом! Пришли мы к нему, он нас в приемной принял, на коридоре, вообще не хотел с нами разговаривать, сказал: *«Идите к товарищу Петрову, тот кристальная душа и с ним поговорите»*. Мы считали, что раз уж Чичерин не хочет с нами говорить, то уже [неразборчиво] [смех] главная, что наша «высшая семья», то есть Антек и Клара считали, что мы очень приземленные, что мы хотим... Потому что вначале должен быть полный аскетизм, чтобы дойти до этих духовных высот, а потом...

При этом было так: командир полка погиб... Два мои самых близких товарища погибли... А мы, герои, сидели себе, ну разве что голодали, вы понимаете, вот... И ничего особенного мы не делали ведь! Знаете, здесь ведь тоже что-то было не так... А тем временем Антек Марыльский... Вдруг [неразборчиво] однажды потерял веру и все! Понимаете, это вещи, о которых все знают, это банально, это, вы знаете, когда с человеком происходит такой процесс растяжения земной коры^[90], и вот этот процесс идет, идет, но при этом он ни на что не опирается, нет исходного аппарата, потому что там же было не католичество, там же в основе лежат видения, это были русские секты, это было то, что постоянно случается в России, но я и не знал, что что-то такое существует. Я потом у Розанова все это нашел, вы знаете, в том, что он говорил об этих хлыстах, не хлыстах, что-то должно было витать в воздухе. Ну и он... А... Ярошинский, который внимательно к нему пригляделся, считал, что мы совершенные сумасшедшие, что это мы его [Антония Марыльского — примеч. Е.П.] доведем до смерти. И он забрал его к себе, в свой дворец, а потом вывез в Киев — подкупив этого Манасевича — и мы остались без этого нашего пророка, а одновременно пришло известие, что наш отец очень болен и обязательно хочет нас увидеть... Это уже было время, когда... И как раз тогда, в июне или июле, мы вернулись, поехали в Варшаву. Была возможность вернуться в Варшаву через... Вот опять же, вы знаете... Была такая железнодорожная линия, которая шла через немецкие провинции... Нет, не немецкие, через Эстонию и так далее... А у нас там был какой-то кузин, который знал этих людей, а дядю Мейендорфа тогда удерживали немцы и русские, пока немецкие пленные не

вернутся в Германию. Ведь так? Это был уже [конец] войны?

МГ: Да, уже был мир...^[91]

ЮЧ: Нам удалось попасть на какой-то поезд, и мы доехали до Варшавы. Страшно неловко получилось, потому что мы, конечно, натворили, возвращаемся с России, большевики, дядя у нас такой, что не должен был допустить, чтобы мы туда приехали, потому что мы же [неразборчиво], вшивые трусы... Ну и это было наше третье путешествие, и оно было интересно, ну упрощая, с бытовой точки зрения, того, что мы чувствовали, понимаете, да? Потом было еще третье... Вот, ну и приезжаю я в эту Польшу, не буду вам рассказывать, потому что мы приехали туда к отцу. Вернулись. Отец только все совал нам деньги, чтобы я два костюма себе сделал, неизвестно зачем, чтобы я снова не сбежал. Он ужасно боялся, чтобы я ему опять какого-нибудь сюрприза не сделал. А мы сидели себе на месте, потом поехали... В Варшаву. Марыня тогда уже начала ходить к [Янушу]

Корчаку^[92], к этим всем людям, в какую-то школу устроилась, такую, в которой какие-то [неразборчиво] или что-то такое она вела. А я? Мне было ужасно не по себе. Я ведь был уже большой, и вот я ходил такой, все это было для меня — с толстовской точки зрения — компромиссом: не купить себе попить — это уже был компромисс, потому что я же не имею права покупать, надо отдавать деньги бедным, и так далее... И тогда я пошел к командующему полка^[93], из которого я сбежал. И он меня очень вежливо принял, обращался ко мне «господин поручик» и так далее. Я сказал ему, что не могу воевать, потому что считаю, что это вопреки моим убеждениям, но я готов... А при этом, вы знаете, человек физически чувствовал эту возрождающуюся Польшу, понимаете? Эти немцы, которые уже начали бежать, вот-вот все уже должно было решиться, все состояли в каких-то тайных организациях, а я ни при чем. Просто хожу весь из себя такой умный и благородный. Ну я ему и сказал, что я готов делать все, что угодно, но только не убивать. Я хотел быть полезным, участвовать в том, что происходит. И он сказал: «Вы знаете, я вам полностью доверяю, я посоветуюсь с моими коллегами и дам ответ»^[94]. И спустя три дня, или около того, я пришел к нему, и он мне предложил поехать в Россию: искать моих товарищей, которые сидели там по советским тюрьмам^[95]. Ну и это было для меня... ну просто, как праздник, как бал, ну это было именно то, что я хотел делать. Я же как раз был среди них... Ведь когда весь этот восточный корпус был... Они рассчитывали, что смогут его сохранить, однако, когда немцы пришли, немцы его расформировали, они не хотели иметь [неразборчиво]. И тогда, они уже решили, и сказали, что они не будут... Что они оружия не сложат. И Ромер с этим другим Стаженьским^[96] и еще с

[неразборчиво две фамилии] решили идти в Архангельск^[97]. В Архангельске были англичане и французы, понимаете. Чтобы не прекращать войну, понимаете, они решили, что будут сражаться вместе с французами, англичанами против немцев, так что это было, понимаешь...^[98]
МГ: Теперь...

Перевод Ирины Лаппо

Примечания и комментарии

1. Голоса, обозначенные «?» и «??», видимо, принадлежат Евгении Геллер и Марии Чапской.
2. Однако Сестра Юзефа Чапского, Мария Чапская, писала иначе: «русский мы учили дома». M. Czapska, *Europa w rodzinie. Czas odmieniony*, Kraków 2014, s. 319.
3. Курсивом выделены слова и фразы, которые Юзеф Чапский произносит по-русски.
4. То есть в Прилуках, где располагался семейный дворец Чапских. Юзеф Чапский говорил в документальном фильме, снятом Польским телевидением: «Я вырос на Кресах, в Прилуках, на территории сегодняшней Беларуси. Там был мой отчий дом и там я провел все мое детство и молодость до самого отъезда в Петербург, где я учился. Я всегда воспитывался как поляк и никогда мне и в голову не приходило быть кем-то другим», см. фильм «Юзеф Чапский — свидетель истории, [фильм], реж. Е. Цендровская, Центральная студия телевизионных программ и фильмов «Полтел», 1989.
5. Ежи Гуттен-Чапский (1861–1930) — один из четырех детей Эмерика Гуттен-Чапского — польского ученого, коллекционера-нумизмата, чиновника и политика времен Российской империи — и Элизаветы Каролины фон Мейендорф. Братом Ежи Гуттен-Чапского был Кароль Гуттен-Чапский, исполнявший функции городского головы Минска в 1890–1901 гг. Ежи Гуттен-Чапский был политическим и общественным деятелем, действовавшим в Минской губернии, польским землевладельцем и аристократом. Ранние годы жизни провел в Петербурге, где получил юридическое образование. В 1886 году женился на Юзефине Тун-Гогенштейн.
6. В период, о котором упоминает Чапский (то есть жизнь его отца до революции), Минской губернией управляло целых восемь губернаторов: Александр Иванович Петров (1879–1886); Николай Николаевич Трубецкой (1886–1902);

Александр Александрович Мусин-Пушкин (1902–1905); Павел Григорьевич Курлов (1905–1906); Яков Егорович Эрдели (1906–1912); Алексей Фёдорович Гирс (1912–1915); Андрей Гавриилович Чернявский (1915–1916) и Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский (1916–1917).

7. Сельскохозяйственное общество (полное название Минское сельскохозяйственное общество) — организация, объединяющая польское дворянство Минской губернии. Общество было создано по образцу появившегося в 1858 году Сельскохозяйственного общества в Польском Королевстве. Первая попытка регистрации общества в 1859 году не удалась, поскольку власти губернии не выразили согласия на функционирование такой организации. Лишь в 1876 г., по инициативе *товарища министра внутренних дел* того времени Льва Савича Макова, удалось создать легально действующую организацию. Минское сельскохозяйственное общество должно было быть, по проекту Макова, центром русификации минских земель. Вначале в него могли вступать только русские землевладельцы. Лишь в 1878 г. В Минское сельскохозяйственное общество вступило польское дворянство, в том числе Эдвард Войниллович. Номинально президентом общества значился до 1902 г. минский губернатор — князь Трубецкой. В этот период на самом деле делами общества занимался вице-президент, которым с 1888 г. был Войниллович, ставший позднее также президентом общества. Общество перестало существовать в 1921 г. в связи с постановлениями Рижского мира, по которым Польша отдавала Минск советской России. Более подробно о деятельности Минского сельскохозяйственного общества см. D. Szproper, *Edward Woyniłłowicz i Mińskie Towarzystwo Rolnicze — przyczynek do dziejów polskiej myśli politycznej w Cesarstwie Rosyjskim do 1914 roku*, „*Studia Iuridica Toruniensia*” vol. 5 (2009), s. 22–41.
8. Отец Юзефа Чапского — Ежи Чапский — был президентом не Минского сельскохозяйственного общества, а Союза землевладельцев Минской губернии, который был основан (вероятно) в 1915 г. Возможно, Ежи Чапский был вице-председателем Общества во время правления Эдварда Войнилловича.
9. Станислав Бжозовский (1878–1911) — польский литературный критик, философ, писатель, публицист. Его главные, самые известные книги это «Легенда “Молодой Польши”» (первое издание — 1909 г.) и «Идеи» (первое издание — 1910 г.).
10. Тадеуш Рейтан (1742–1780) — сеймовый посол, в 1773 г. воспротивился разделу Речипосполитой и, блокируя выход,

лег в дверях Сеймового зала в Варшавском замке.

11. Чапский имеет в виду фрагмент из книги Станислава Бжозовского «Легенда “Молодой Польши”», который звучит так: «В случае атаки на беззаботность, легкомыслие, лень, немедленно вызывали грустных кровавых призраков: призрак Рейтана охранял вход во все польские кладовые, стоял у порога каждой национальной альковы». Войцех Карпиньский вспоминал, что в 1917 г. Чапский был в Кракове и там, в приемной дантиста, нашел книгу Бжозовского. Она произвела на него большое впечатление, он воспринял ее как адресованное «лично ему письмо». См. *Chuligan literacki — Józef Czapski 10* [телевизионная программа], Telewizja Polska S.A., 2016.
12. Юзефа Тун-Гогенштейн (1867–1903). Род Тун-Гогенштейнов, первые упоминания о котором относятся к XII веку, имел чешско-австрийские корни и происходил из Тироля.
13. Битва на Белой горе, которая состоялась 8 ноября 1620 г., считается одним из важнейших событий в истории Чехии. Поражение протестантских чешских сил в ходе Тридцатилетней войны с католическими Габсбургами окончательно положило конец чешской независимости, отдав страну в руки австрийской монархии.
14. Полностью немка (нем.)
15. Императором Австро-Венгерской империи был в это время Фрац Иосиф I, чье правление было одним из самых долгих в мировой истории.
16. В другом интервью Чапский говорил: «Мы хотели ехать во Львов, у нас был кузин, такой Франуś Чапский, который во Львове учился». См. J. Czapski, *Dzienniki, wspomnienia, relacje*, oprac. Joanna Pollakówna, [Oficyna Literacka]. Kraków 1986, s. 156.
17. На территории автономной Галиции действовало четыре высших учебных заведения: Ягеллонский университет, Львовский университет, Сельскохозяйственная академия в Дублянах, И Львовский политехнический институт.
18. Учителем Юзефа Чапского с 1905 года был Вацлав Ивановский.
19. Юзеф Чапский многократно в разных высказываниях и интервью называл разные даты своего первого приезда в Россию. На самом деле в Петербург он приехал осенью 1910 г.
20. Мария Дорота Леопольдина Гуттен-Чапская (1895–1981), старшая сестра Юзефа Чапского, историк литературы, эссеист, автор воспоминаний. Детство провела в семейной

резиденции Чапских в Прилуках, в 1918 году вместе с Юзефом Чапским выехала на короткий период в Петербург. После того как Польша получила независимость Мария отправилась в Варшаву, чтобы в университете изучать польский язык и литературу. В Кракове в Ягеллонском университете защитила диссертацию на тему религиозной полемики в период Реформации в Польше. Позднее ее научные интересы сосредоточились в основном на творчестве польских романтиков, главным образом — Адама Мицкевича. Во время Второй мировой войны Мария сотрудничала с польской организацией «Жегота», которая помогала евреям в оккупированной Польше. После войны она эмигрировала в Париж, где, вместе с братом до конца сороковых жила в «доме “Культуры”». С ранних лет она была увлеченным биографом своей семьи и старалась сохранить память о роде Чапских. Ее эссе и воспоминания — бесценный источник информации.

21. 12-я петербургская восьмиклассная гимназия располагалась во флигеле доходного дома при Невском проспекте, 68. Чапский записался в шестой класс вместе с братом 18/31 августа 1912 г. Гимназия была государственной, но Чапский вместе с братом платили за обучение. См. <http://www.jozefczapski.pl/20-10-2017-spacer-po-petersburgu/> [электронный ресурс: 22.09.2018]. Т. Kosinowa, *Spacerownik po Petersburgu śladami Józefa Czapskiego* [в печати, статья появится в ближайшем номере журнала «Контексты»].
22. В 1912–1913 гг., то есть в период, когда в гимназии учился Чапский, директором был историк Константин Алексеевич Иванов (1858–1919). См. Т. Kosinowa, *Spacerownik...*
23. Станислав Копаньский (1895–1976) — генерал дивизии Войска Польского. Воспитывался в Петербурге, во время Первой мировой войны служил в русской армии. После войны служил в польской армии, принимал участие в польско-большевистской войне, в сентябрьском наступлении, а также командовал польскими подразделениями в Польских вооруженных силах на Западе. После смерти генерала Сикорского исполнял обязанности шефа штаба Главнокомандующего.
24. Станислав Геден Чапский — род. 10 октября 1898 г. в Праге, умер 15 июня 1959 г. в Буэнос-Айресе — младший брат Юзефа Чапского. Учился в Петербурге, во время войны поступил в артиллерийскую школу, которую, однако, не закончил, и отправился на войну, поступив в российскую армию в качестве рядового. В 1917 г. он записался в 1-й полк креховецких уланов, вновь как рядовой. После демобилизации вернулся домой, но после того как Польша

получила независимость, отправился служить в польскую армию.

25. Чапский сдал выпускные экзамены и закончил гимназию 28 апреля 1915 г. T. Kosinowa, *Spacerownik*...
26. Палены — русско-немецкий баронский род, происходящий из Курляндии и внесенный в дворянские матрикулы всех трех Прибалтийских губерний. Первые упоминания о представителях этого рода относятся к XV в. Многие знатные члены этого рода занимали высокие военные должности, например, Петр Пален (1745–1826) — генерал кавалерии, участник заговора против Павла I; Петр Пален (1778–1866) — генерал, участник Отечественной войны 1812 г.; Алексей Пален (1874–1938) — генерал лейтенант, участник белогвардейского движения во время Гражданской войны. Кроме того, известными представителями этого рода были Федор Пален (1780–1863) — посол России в США, Бразилии и Баварии и Эммануил Пален (1882–1952) — немецкий астроном, именем которого назван один из кратеров на Луне.
27. Чичерины — русский аристократический род, берущий начало от Афанасия Чичерина, придворного Софии Палеолог в 1472 г. В роду Чичериных были как высокие рангом чиновники, так и военные. Период расцвета рода приходится на XVI и XVII века. К этому роду принадлежали: Петр Чичерин (1778–1848) — генерал кавалерии, участник Отечественной войны 1812 г.; Борис Чичерин (1828–1904) — российский юрист, историк, философ и писатель; а также Георгий Чичерин (1872–1936) — советский дипломат и министр.
28. Мейендорфы — происходящий со Швеции и с территорий прибалтийских государств род немецко-русских баронов. Первые упоминания о нем встречаются в XV в. Вначале главной ветвью была шведская линия Мейендорфов, которая, однако, в XIX в. прервалась. Многочисленные члены рода служили в офицерских чинах в Швеции и балтийских государствах в XVII – XVIII вв. После того, как Россия в 1721 г. заняла шведские Инфлянты, род Мейендорфов оказался одним из самых влиятельных аристократических семейств на этой территории. Наиболее известные члены рода — это Фабиан Мейендорф фон Искуль (1677–1731) — поручик шведской армии; Георг Иоганн Мейендорф (1718–1771) — губернатор Инфлянт, находящихся во владении России; Петр Мейендорф (1796–1863) — дипломат, посол России в Австрии; Феликс Мейендорф (1834–1871) — дипломат, секретарь посольства в Вюртенберге, потом — в Риме, занимал должность

поверенного в делах в Саксонском княжестве и в Бадене; Александр Мейендорф (1868–1964) — политик, избирался в Государственную Думу.

29. Николай Бибииков (1842–1923) — генерал кавалерии русской армии, в 1892–1906 гг. президент Варшавы. Отец двух дочерей: Марии (р. 1877) и Ксении (р. 1895), и двух сыновей: Валериана (р. 1891) и Ильи (р. 1899). Его дом располагался по адресу ул. Троицкая, 36 (в настоящее время — ул. Рубинштейна, 36).²
30. В другом интервью Чапский говорил так: «Было важно, что мы жили тогда в доме Бибииковых. Я это понял спустя сорок лет. Бибииков был ужасный сукин сын, который притеснял поляков. Я тогда этого не знал и безумно любил его внучку. Любовь моей молодости». См. J. Czapski, *Świat w moich oczach. Rozmowy przeprowadził Piotr Kłoczowski*, Ząbki 2001, s. 12.
31. Юзеф Чапский поступил на юридический факультет Петербургского университета в июне 1915 г. и учился там до мая 1916 г. [электронный ресурс]: <http://www.jozefczapski.pl/20-10-2017-spacer-po-petersburgu/> (дата обращения: 21.9.2018). Об этом времени он потом вспоминал так: «В течение года я изучал юриспруденцию, это было тогда, когда война заканчивалась и уже начиналась революция. Это было как бы продолжение школьного времени, чтобы меня сразу не отослали на фронт. Я тогда очень увлекался музыкой, до такой степени, что во время экзаменов на аттестат зрелости целыми часами играл на фортепьяно. Я также думал, что, может быть, буду исполнителем-виртуозом или что-то такое, потому что меня тогда интересовала исключительно музыка. [...] Однако, когда была революция, мы же все потеряли, я потерял мое фортепьяно, — на самом деле не мое лично, но все равно это было мое фортепьяно. Так что без фортепьяно я уже не мог полностью отдаваться музыке». См. *Józef Czapski — świadek historii...*
32. Статский советник — согласно учреждённой Петром I табели о рангах один из самых высоких чинов в царской России. Условием поступления в Пажеский корпус было то, чтобы непосредственный предок кандидата занимал соответственно высокую должность в администрации Российской империи. Дед Юзефа Чапского, Эмерик Гуттен-Чапский, исполнял обязанности тайного советника в 1863–1864 гг., это был третий чин по статскому ведомству из четырнадцати, предусмотренных табелем о рангах.
33. Александр Мейендорф (1869–1964) — российский аристократ, юрист и политик. До 1905 г. вел активную

преподавательскую деятельность: был доцентом Императорского университета Санкт-Петербурга, а также инспектором и преподавателем Санкт-Петербургской юридической школы. С 1907 г. Избирался в Думу 3-го и 4-го созыва. Работал в Министерстве образования. В 1918 г. эмигрировал из России в Великобританию, где, благодаря рекомендации Джеймса Бьюкенена, стал профессором Лондонской экономической школы и преподавал сельскохозяйственную экономику Восточной Европы. Умер в русском доме престарелых в Лондоне. Александр Мейендорф был двоюродным братом бабушки Юзефа Чапского Елизаветы Мейендорф-Чапской.

34. С 1916 до 1917 года Пажеский корпус возглавлял Александр Николаевич Фену (р. 18 февраля 1853 г. в Петербурге, умер 4 сентября 1954г. в Порвоо), который, однако, не имел генеральского чина, был полковником.
35. Начиная с 1916 г. в Россию приезжают немецкие и австро-венгерские медсестры под эгидой Красного Креста, чтобы помочь русскому медицинскому персоналу заботиться о раненных. Во главе одной из таких делегаций стояла Кунегунда фон Крой-Дюльмен (1864–1931), дочь князя Александра Густава Крой и Елизаветы фон Вестфален цу Фюрстенберг. Она была двоюродной сестрой Александра фон Бекендорфа, состоявшего в родственных отношениях с Юзефом Чапским. См. *Gender and War in Twentieth-Century Eastern Europe*, red. Maria Bucur, Bloomington 2006, s. 37.
36. В другом интервью Чапский говорил: «А та австрийская княгиня была подругой сестры моей матери [смех] княжны Таксис, и просто привезла от нее письмо. Эта моя старая тетя хотела через нее узнать, как у меня дела. См. J. Czapski, *Świat...*, s. 25.
37. В другом интервью Чапский говорил: «Я помню еще эту дикую эйфорию радости, которую видел в Петербурге. Я вышел с коллегой, который просто сломал себе ногу, или вывихнул, не на фронте, просто был в госпитале и ходил на костылях. Мы направлялись в Межово, к Лубеньским. Каждый второй человек на улице подходил к нам, чтобы нас проводить, чтобы завезти дорожкой, потому что мы герои, в мундирах, один вообще на костылях, наверное, тяжело ранен. Это было единение с армией, это была эйфория братства. Я больше никогда такой эйфории не чувствовал». J. Czapski, *Dzienniki, wspomnienia, relacje...*, s. 164.
38. Ираклий Церетели (1881–1959) — грузинский аристократ, русско-грузинский политический деятель, член Социал-демократической рабочей партии, меньшевик. С 1907 г.

избирался в Думу. После февральской революции — министр почты и телеграфа в кабинете Георгия Львова и Александра Керенского. После большевистского переворота покинул Россию.

39. Александр Меллер-Закомельский (1898–1977) — выходец из немецко-российского аристократического рода, вместе с Юзефом Чапским служил в Пажеском корпусе. После большевистской революции — сторонник белых, в эмиграции — фашистский деятель и публицист.
40. Владимир Меллер-Закомельский (1863–1920) — политический деятель и политик, выпускник Пажеского корпуса, член «Союза 17 октября» и «Прогрессивного блока», националист и сторонник конституционной монархии, после большевистского переворота покинул Россию.
41. Николай Меллер-Закомельский (1813–1887) — российский генерал, ответственный за подавление венгерского восстания 1848–1849 гг. и январского восстания 1863 г. в Польше.
42. Князь Георгий Львов (1861–1925) — российский либеральный политик, член кадетской партии, юрист. С 1906 г. избирался в Думу. После февральской революции занимает пост премьера Временного правительства. Инициатор введения либеральных законов в российское законодательство. В начале июля 1917 г. Львов подает в отставку, а его место занимает Александр Керенский.
43. Бехштейн — марка фортепьяно, название которой происходит от производящей фортепьяно фабрики, которая в свою очередь получила название от фамилии основателя Карла Бехштейна (1826–1900). Филиал фирмы «Бехштейн» активно действовал в Петербурге.
44. Здесь речь идет об организованных большевиками демонстрациях на улицах Петербурга, которые состоялись между 4(17) и 6(19) июля 1917 г. Демонстрации стали оружием, при помощи которого большевики пытались взять власть в свои руки, что предотвратила армия, оставшаяся верной Временному правительству.
45. Чапский имеет ввиду Петра Мейендорфа (1796–1863 г.) — российского дипломата, который в 1839–1851 гг. был чрезвычайным послом царя в Пруссии, а с 1850 г. до 1854 г. — послом в Австрии. Чапский комментирует попытку Адама Чарторыйского получить поддержку короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV в вопросе польско-французско-прусского союза против России, которую Чарторыйский предпринял в 1848 г. Активную агитацию против

Чарторыйскому вел тогда в Берлине именно Петр Мейендорф, не допустивший даже до встречи Чарторыйского с прусским королем. Усилия Мейендорфа увенчались успехом, и Пруссия еще некоторое время оставалась членом Священного союза. См. М.К. Dziwanowski, *Wiosna Ludów w Hotelu Lambert*, „Kultura” 1947/01, s. 18–23.

46. Адам Чарторыйский (1770–1861) — польский политик и государственный деятель, возглавлял консервативное крыло польской эмиграции, поддерживал антироссийскую политику западноевропейских держав, противоправительственные революционные и национально-освободительные движения, рассчитывая при их успехе на восстановление Польши. Во время ноябрьского восстания 1830 г. был председателем Национального правительства. С подавлением восстания эмигрировал. Его парижский дом (особняк Ламбер) стал штаб-квартирой патриотически настроенной польской эмиграции.
47. Отто фон Бисмарк лично знал Петра Мейендорфа и весьма лестно о нем отзывался. Он, например, говорил: „Барон фон Мейендорф — это для меня самое симпатичное явление среди старшего поколения политиков, раньше он был послом в Берлине, и образованием и изысканностью манер принадлежал скорее Александровской эпохе, во время французской войны, в которой он принимал участие, благодаря уму и отваге из младшего офицера авансировал в государственные мужи, чьи слова для императора Николая особо весомы были». Цит. по: М. Korczyński, „Absolutyzm” versus „polonizm” Bismarck, panslawizm a powstanie styczniowe, „Historia i Polityka” nr 10 (17)/2013, s. 45–74.
48. Женой Петра Мейендорфа была Софья Буоль фон Шауенштейн (1800–1868).
49. Егор Егорович Стааль (Georg Friedrich Karl von Staal, 1821–1907) — видный российский дипломат в Турции, Венгрии, Греции и немецких государствах. С 1884 по 1902 гг. — посол в Великобритании. В 1866 г. женился на Софье Горчаковой (1835–1917). Софья Горчакова была сестрой матери Александра Мейендорфа, Ольги Мейендорф (1838–1926).
50. Чапский имеет в виду Алексея Брюсова — генерала кавалерии, который с 1 по 19 июля координировал так называемое «наступление Керенского» — последнее наступление русских войск во время Первой мировой войны. После того как наступление провалилось генерал потерял свой пост и стал членом Временного

правительства. После большевистской революции он отказался поддерживать белых, с 1919 г. служил в Красной армии.

51. Роман Розен (1847–1921) — немецко-российский аристократ, дипломат. В 1897–1898 гг. — российский посол в Японии, в 1899 г. — посол в Королевстве Баварии, в 1900–1903 гг. — российский посол в Греции. В 1903 г. его вновь назначили послом в Японию, где он прилагал огромные усилия, чтобы предотвратить русско-японскую войну 1905 г. С 1905 г. по 1911 г. — российский посол в Соединенных Штатах. В 1911 г. он вернулся в Петербург, где стал членом Государственного совета Российской империи. После февральской революции отошел от государственных дел, в конце 1918 г. эмигрировал в Швецию. Однако, он никогда не был российским послом в этом государстве.
52. Варвара Мейендорф (1859–1946) — грузинская княжна, дочь последнего владетельного князя Абхазии князя Михаила Шервашидзе. С 1889 по 1897 г. была замужем за Николаем Чулукидзе (1868–?). В 1907 г. вышла замуж за Александра Мейендорфа.
53. Фр. *Ты не осознаешь, сколько людей должно было пострадать, чтобы этот закон был принят.* В другом интервью Чапский цитировал немного другой вариант этой фразы: *Tu ne sais pas combien de gens et combien de générations ont souffert pour ça* — (фр.) *Ты не отдаешь себе отчет, сколько людей и поколений страдало за это*» См. J. Czapski, *Dzienniki, wspomnienia, relacje...*, s. 166. В беседе с Петром Клочовским этот фрагмент звучит так: «А он смотрит на меня строго и говорит: «Знаешь ли ты, чего стоило принятие этих прав? Что за это люди шли в Сибирь, люди страдали? Сколько крови пролилось?». А я говорю: «Но дядя, но это уже в прошлом!». А для него это было то, за что он боролся. См. J. Czapski, *Świat...*, s. 26.
54. Сэр Джордж Уильям Бьюкенен (1854–1924) — британский дипломат, посол Великобритании в России в 1910–1917 гг. После большевистской революции Великобритания ликвидировала свое посольство с России и не присылала послов до 1924 г.
55. «Histoire de la Révolution française» (История Французской революции) — изданная в 1823–1827 гг. десятитомная история французской революции Адольфа Тьера, которая неоднократно переиздавалась, в том числе в сокращенных версиях.
56. Александр Мильеран (1859–1943) — французский политик социалистического толка, премьер Франции в 1920 г. и

президент Франции с 1920 по 1924 г. Никогда не написал никакой книги о Французской революции.

57. Луи Адольф Тьер (1797–1877) — французский политический деятель и историк, двукратный (в 1836 г. и 1840 г.) премьер-министр Франции, президент французской Третьей республики (в период с 1871 до 1873). Автор популярных исторических трудов на тему Французской революции («Histoire de la Révolution française», 1823–1827, 10 томов) и правления Наполеона во Франции («Histoire du consulat et de l'empire», 1845–1862, 20 томов). Чапский может иметь ввиду участие Тьера как президента Франции в подавлении Парижской коммуны в 1871 г., когда армия, исполняя приказы Тьера, эффективно навела порядок в охваченном революцией городе.
58. В другом интервью Чапский говорил: *«И кажется, он единственный из послов Думы, кто ходил на этот великий съезд, решавший судьбы мира, где были все коммунисты, большевики и либералы тоже. И дядя Мейендорф говорил, что уровень думы и уровень этого конгресса — это были небо и земля. В Думе половину составляли неграмотные крестьяне или что-то такое, а там была интеллигенция самого высокого класса, и русская, и западная. Он с огромным интересом все это слушал, потому что был очень умен»*. См. J. Czapski, Świat..., s. 23.
59. Юзеф Чапский вступил в созданный в июле 1917 г. 1-й Полк креховецких уланов (название происходит от названия местности, где полк одержал первую победу). Этим польским полком во время Первой мировой войны, с июля 1917 по май 1918 г. командовал Болеслав Мосцицкий. Полк входил в состав 1-го Польского корпуса в России. Корпус был сформирован 24 июля 1917 г., а с 6 августа 1917 г. командовал корпусом Юзеф Довбор-Мусницкий. Первоначально корпус должен был сражаться на стороне Российской империи против немцев, однако захват власти большевиками перечеркнул эти планы. В 1918 г. корпус принимал участие в сражениях с Красной армией, в том числе в сражении под Бобруйском на переломе февраля-марта. В мае, после заключения мирного договора между немцами и большевиками, немецкие войска разоружили корпус. Польские солдаты вместе с командиром корпуса Довбор-Мусницким могли вернуться в Варшаву, что большинство из них и сделало. В разговорной речи солдат 1-го Польского корпуса называли по фамилии командира «довборчиками».
60. Юзеф Довбор-Мусницкий (1867–1937) — солдат и офицер Российской армии, после того, как Польша получила

независимость — офицер польской армии. Во время Первой мировой войны командовал российскими войсками на немецком и австрийском фронтах. После февральской революции командовал 1-м польским корпусом. После большевистского переворота сражался против Красной армии, в конечном счете немецкие войска вынудили корпус сложить оружие в 1918 г.

61. Чапский также говорил: *«Когда началась революция, то одновременно провозглашена была независимая от России Польша. Так что мы уже собирались ехать в Польшу, но Польша тогда еще была занята немцами. Ну и тогда мы все сгруппировались, все бежавшие от революции поляки выходили из полков и бежали под Минск... [...] Там формировалась польская армия, когда еще границ Польши не было. И я туда тоже поехал и там поступил в армию, а поскольку я был пламенный пацифист, с глубочайшим убеждением, что после такой страшной войны никто уже стрелять не будет... См. Józef Czapski — świadek historii...»*
62. Зигмунт Подгорский, псевдоним «Заза» (1891–1960) — солдат Российской армии, после того, как Польша получила независимость — офицер польской армии. В Первой мировой войне сражался на австрийском фронте. В 1917 г. командовал эскадроном в 1-м уланском полку, входившем в состав 1-го Польского корпуса в России. Генерал бригады с 1938 г.
63. Бронислав Ромер (1891–1918) — солдат и офицер Российской армии, позднее — офицер 1-го Польского корпуса в России, командующий 3-го эскадрона 1-го уланского полка. В Первой мировой войне сражался на немецком фронте. После того как в мае 1918 г. корпус распустили, не вернулся в Польшу, возглавил конспирационное движение, организовывавшее транспортировку польских солдат в Мурманск. Был схвачен и расстрелян большевиками в сентябре 1918 г.
64. Чапский также говорил: *«Наивность, с которой мы тогда... Я ведь не один, мы с друзьями верили, что приходит новый, прекрасный мир, где армия уже не будет нужна».* См. Józef Czapski — świadek historii...
65. У Антония Эвстахия Марыльского-Луцевского и Ванды Крупек-Козаковской было четыре сына: самый старший — Войцех Марьян (р. 1891), далее — Ян Павел (р. 1893), Антоний Юзеф (р. 1894) и Эдвард (р. 1897). Мария Чапская писала в своих воспоминаниях, что Юзеф познакомился в армии только с двумя братьями Марыльскими — с Антонием и Эдвардом. См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s.

361. Согласно другим источникам в армии Юзеф Чапский встретил трех братьев Марыльских — Яна Павла, Антония Юзефа и Эдварда. [электронный ресурс]
<http://www.jozefczapski.pl/jacek-moskwa-antoni-marylski-i-laski/> (дата обращения: 11.9.2018).

66. Антоний Юзеф Марыльский-Луцевский (1894–1973) — польский аристократ, помещик, общественный деятель, католический священник. Участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового в армии Российской империи, во время войны учился в Императорской кавалерийской школе. После создания в 1917 г. 1-го Польского корпуса в России вступил в его ряды, в 1-й полк креховецких уланов, в эскадрон ротмистра Казимежа Залевского. Вместе с братом Эдвардом и Юзефом Чапским покинул армию и в 1918 г. отправился в Петербург. Позднее принимал активное участие в создании и управлении католического центра для незрячих в деревне Ляски. Учился в Польше и за границей, стал президентом Общества опеки над незрячими. Лишь в возрасте 77 лет был рукоположен в священники.
67. Мария Чапская так описывает это происшествие: *«По дороге из Минска в Бобруйск, в деревне Турин на охранявший обозы третий эскадрон под командованием ротмистра Ромера напал отдел Красной армии и мужиков из соседних деревень. В этом сражении погибли два полковых товарища Сузин и Новацкий. Настроение в полку сразу же изменилось, мстительная ненависть по отношению к нападавшим охватила уланов. В деревне, через которую они проезжали, Юзеф заметил высокого мужика в наброшенной на плечи шинели (видимо, одного из массово сбежавших с фронта дезертиров) и отметил его мрачный взгляд: красивые кони, копыта, пушки, вооружение — польская армия, защитница помещичьей земли, которую большевики обещали мужикам... И вот происходит встреча высокого мужика с одним из уланов, который после короткого обмена репликами врезал мужику по лицу, сел на коня и поскакал дальше»*. См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 362.
68. То есть к ротмистру Казимежу Закшевскому. См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 362.
69. Мария Чапская так описывает тот эпизод: *«Ротмистр Закшевский после продолжительного молчания заметил: „Стало быть вы хотите создать новую жизнь по новым принципам...”, и минуту спустя добавил: „Я в вашем возрасте тоже хотел вырваться и тоже начать новую жизнь”»*. См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 362–363.
70. Болеслав Мосцицкий (1877–1918) — солдат и офицер

российской армии, полковник кавалерии, участник русско-японской и Первой мировой войны. Командующий 1-го уланского полка в 1-м Польском корпусе в России. Погиб в окрестностях Лунинца по дороге в Варшаву от рук большевиков и местных мужиков.

71. Мария Чапская так пересказывает слова Мосцицкого: «Встреча с командующим полка полковником Мосцицким состоялась на улице в Бобруйске. Полковник принял их соответственно сурово, слышать не хотел ни о какой пацифистской идеологии и обещал, что сделает все возможное, чтобы они не смогли вернуться в независимую Польшу. „Вы надели мундиры, когда было спокойно, бежите, как только запахло войной. Я считаю вас обычными трусами! Убирайтесь отсюда!”» См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 363.
72. Каролина (Карла) Мария Гуттен-Чапская родилась 13 мая 1891 г. в Прилуках, умерла 5 июня в деревне Ляски. Старшая сестра Юзефа и Марии Чапских.
73. Старок, шутливое определение Пинщины, т.е. части Полесья. Пинск находился в 300 км от дворца Чапских в Прилуках.
74. Подробнее о Комитете помощи польской армии Мария Чапская пишет в: М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 364.
75. Скорее всего, в этот период Чапский жил в доме Вильгельма Кароля Клайбера (1862–1939), петербургского аристократа, дом которого стоял при ул. Казначейской, 9. Т. Kosiñowa, *Spacerownik...* Косинова указывает на то, что в воспоминания Марии Чапской, которая писала о хозяевах «по фамилии Клавиры», скорее всего, закралась ошибка. (М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 368).
76. Немецкие войска заняли Минск 21 февраля 1918 г.
77. Чапский имеет ввиду Розу Марию Гуттен-Чапскую, бывшую самым младшим ребенком в семье (1901–1986).
78. Сарты — общее наименование части населения Средней Азии в XV—XIX веках. Мария Чапская писала о сартах: «В военные 1916 или 1917 годы на лесные работы привезли из Средней Азии полудиких монголов. Их называли сарты. Платили ли им за работу? На какие средства они существовали? Где жили? Чем жили? Я не знаю! Мы видели их издали, полуголых, работающих на вырубке леса, говорили, что они едят лягушек и ящериц, наверное, с голоду, жили они в шалашах... Немцы распорядились немедленно эвакуировать этот ненадежный элемент. Их сгоняли на железнодорожные станции, загоняли в вагоны для перевозки скота, подвозили к Днепру и

перебрасывали через реку». М. Czapska, *Europa w rodzinie. Czas odmieniony*, Kraków 2014, s. 366. В другом интервью Чапский рассказывал так: «Из Минска немцы высылали за Днепр все ненужное население. Там была масса каких-то монголов, китайцев, которые вырубали леса. Вот всех этих монголов, подозрительных большевиков, загоняли в вагоны для перевозки скота или какие-то другие» J. Czapski, *Dzienniki, wspomnienia, relacje*, s. 179.

79. Михаил Шервашидзе (1806–1866) — независимый князь Абхазии, правивший в 1822–1864 гг. Во время Крымской войны (1853–1855) Абхазию заняли турки, а Михаил согласился занять сторону султана в конфликте с Россией. Это стало основанием для позднейшего вторжения России в 1864 г. Михаила изгнали из Абхазии, а княжество включили в состав Российской империи.
80. Михаил Шервашидзе умер в Воронеже, не в Тамбове.
81. Первым мужем тети Чапского Варвары Шервашидзе был Николай Чулукидзе
82. Фр. «Не напоминай мне, что существуют страдания, которое высыхают». Мария Чапская так цитирует эту фразу «Не говори об этом, есть страдания, которые иссушают душу». (*il y a des souffrances qui dessèchent l'âme*), см. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 376.
83. Кароль Ярошинский (1878–1929) — польский предприниматель и филантроп. Выходец из подольской аристократической семьи, один из самых богатых предпринимателей Российской империи во втором десятилетии XX в. Владелец нескольких десятков сахарных фабрик, нефтеперерабатывающих заводов, шахт, лесов и банков. Владелец двух дворцов в Санкт-Петербурге: на ул. Морской, 52 и на Каменном острове.
84. Иван Манасевич-Мануилов (1869/1871–1918) — русский журналист, связанный главным образом с газетой «Новое время», агент царской охраны. В девяностых был завербован тайной полицией и выслан во Францию, потом в Италию. В 1899–1902 гг. Был чиновником по особым поручениям в Риме, его заданием была слежка за действиями Ватикана в униатском вопросе. В 1905 г. он активно действует в Японии, стараясь предотвратить японско-русский военный конфликт. Между 1906 и 1916 г. не занимал никакой государственной должности. С февраля 1916 г. был чиновником в канцелярии председателя Совета министров, где «прославился» участием в различных финансовых махинациях. В конце 1916 г. его обвинили в коррупции и растратах, однако, в

следующем году сняли с него все обвинения. После большевистской революции он пытался эмигрировать и был расстрелян при попытке пересечения границы.

85. Мария Чапская пишет, что Ярошинский заинтересовался их деятельностью, см. M. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 369.
86. Алексей Белов (1867–1936) — русский интеллектуал, историк, царский чиновник и библиотекарь, член Российского библиографического общества. В 1910–1917 гг. был библиотекарем Государственной думы. Был инициатором реформ в парламентской библиотеке по образцу западных библиотек. После большевистской революции он по-прежнему работал в государственных библиотеках и активно участвовал в советских библиографических инициативах. Чапский в одном из интервью говорил, что это он познакомил Белова с Ярошинским. См. J. Czapski, *Dzienniki, wspomnienia, relacje...*, s. 183.
87. Мария Чапская так описывает этот эпизод: «Господин Белов в книжных магазинах и на распродажах скупал соответствующие книги, Юзек ходил и носил эти книги в специальное, снятое под библиотеку помещение. Я с помощью Юзека писала карточки для каталога». См. M. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 372.
88. Антоний Марыльский работал в этот период ночным сторожем в доме Клайбера и отказывался от любой другой работы.
89. Мария Чапская пишет, что именно Александр Мейендорф посоветовал Чапскому обратиться с этим делом к Чичерину, и что сама она не принимала участия в этом деле. См. M. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 370.
90. Чапский использует в этом месте несколько искаженный геологический термин «tensja», означающий напряжение земной коры в процессе ее растяжения.
91. Первая мировая война на восточном фронте закончилась подписанием мирного договора в Бресте. Договор 3 марта 1918 г. подписали Германия, Австро-Венгрия и Советская Россия.
92. Януш Корчак — род. 22 июля 1878/79 г. в Варшаве, погиб в августе 1942 г. в Треблинке — польско-еврейский интеллектуал, писатель, педагог и врач. Чапские хотели познакомиться с Корчаком еще по дороге из Петербурга в Варшаву. Мария Чапская пишет, что они знали и ценили его литературные работы. По приезде Чапские нанесли ему визит, и он предложил показать им Дом сирот, которым он

занимался. Таким образом началась долгая, продолжавшаяся все межвоенное двадцатилетие, дружба и сотрудничество Марии Чапской с Янушем Корчаком.

93. После смерти Болеслава Мосцицкого полком командовал Феликс Дзевицкий.
94. Мария Чапская пересказывает это происшествие со слов своего брата так: «Дзевицкий меня потряс тем, что обращался ко мне «господин поручик» и сказал, что полностью мне доверяет». См. М. Czapska, *Europa w rodzinie...*, s. 401. Также сам Чапский в интервью, которое он дал Петру Ключовскому несколько иначе цитирует слова Дзевицкого: «Господин поручик, я доверяю вашим убеждениям, я знаю, что это не трусость. Я поговорю с моими офицерами». См. J. Czapski, *Świat...*, s. 37.
95. Чапский также говорил: «По прошествии некоторого времени мне стало так тяжело, что я обратился к моему командиру полка полковнику Дзевульскому, к которому я испытываю огромное уважение и благодарность. Я сказал ему то же самое, что говорю теперь. Я сказал, что хотел бы служить Польше, но при одном условии — что не буду убивать. А он сказал, что подумает и спустя три дня вызвал меня к себе и сказал, чтобы я возвращался в большевистскую — уже тогда большевистскую — Россию искать наших товарищей, арестованных и якобы сидящих в петербургских тюрьмах. Я должен был поехать в Петербург, тогда это был уже Петроград, нашел их и попытался их выкупить, потому что тогда массово арестовывали людей, и очень многих удавалось выкупить, спасти благодаря взятке. Дали мне, помню, 14 тысяч керенок [...] на взятки, чтобы вытащить моих друзей, армейских товарищей. Я считаю, что если я в жизни и сделал что-то отважное, то именно это — я не удрал, как все с России, но поехал в Россию как польский офицер, то есть кто-то кто для большевиков тогда был первейшим врагом. Я вновь отправился в Петербург». См. Józef Czapski — *świadek historii...*
96. Мацей Стаженьский (дата и место рождения неизвестны, погиб 23 сентября 1918 г. в деревне Повеньце) — ротмистр 1-го уланского полка, по дороге в Мурманск, куда сопровождал Бронислава Ромера был схвачен и расстрелян большевиками.
97. Уланы под командованием Бронислава Ромера отправились с миссией в Мурманск, а не в Архангельск. Однако оба эти города в 1918 г. были захвачены английско-французской армией. Польских солдат, присоединившихся к борьбе с большевиками в 1918–1919 гг., звали «мурманцами».
98. Чапский также говорил: «Были также такие, что сказали,

что оружия не сложат. Они хотели присоединиться к стороне, сражающейся против немцев, то есть к французам. И был такой английско-французский военный центр, под Архангельском. И они хотели пробраться через всю Россию в Архангельск, а оттуда на кораблях, потому что там были английские или французские корабли, добраться до Франции. И все они пропали, я поехал искать именно их». См. Józef Czapski — świadek historii...